

Ты - моя вселенная

Мария
Смывер

Он был моим миром, моей вселенной. Я была готова на всё, чтобы быть ближе к нему, не смотря на нашу разницу в возрасте. Станислав Волков не воспринимал меня, как женщину. Я была для него как младшая сестра. А сейчас глядя на его лицо, выражающее скорбь, тихо начинаю ненавидеть.

Моя фамилия Феникс, а это значит, что даже после смерти, будет новое рождение. Я, как мифологическая птица, умерла, чтобы восстать из пепла болезненного прошлого и отомстить всем, кто приложил руку к моей гибели, и найти истинное счастье.

Ты — моя вселенная

Мария Сильвер

Пролог

Наблюдаю сквозь тонированное стекло автомобиля за собственной процессией похорон. Год назад и подумать не могла, во что превратится моя жизнь, и как она оборвется. Жила счастливо, любила, мечтала.

А сейчас сижу на переднем сиденье машины и изнываю от физической и душевной боли. Наблюдаю за людьми, собравшимися на кладбище. Среди них тот, кого я так нежно любила, но он предал меня, женившись на другой.

Станислав Волков был моим миром, моей вселенной. Я была готова на всё, чтобы быть ближе к нему, несмотря на нашу разницу в возрасте. Он не воспринимал меня как женщину, считал другом, сестрой. А сейчас глядя на его лицо, выражающее скорбь, тихо начинаю ненавидеть.

За рулем сидит мой друг, который когда-то был врагом, но помог в безвыходной ситуации.

Жизнь удивительный картежник, так умело перетасовала все роли людей в моей судьбе, раздав одним ей понятным образом.

Моя фамилия Феникс, а это значит, что даже после смерти, будет новое рождение. Я, как мифологическая птица, умерла, чтобы восстать из пепла болезненного прошлого и отомстить всем, кто приложил руку к моей гибели, и найти истинное счастье.

Глава 1

Ненавижу больницы. Дом безысходности, именно так их называю. Как только пересекаешь порог данного учреждения, твою душу начинают обволакивать щупальца безнадежности и угнетения. От запаха лекарственных препаратов становится тошно.

Врачи и медсестры в белых халатах снуют туда и сюда, занятые мыслями о пациентах. Достаточно посмотреть в их глаза и понять, чем они обеспокоены. На их лицах редко увидишь радость. Они ежедневно окружены атмосферой болезни и обреченности. На их хрупкие человеческие плечи возложена самая великая ответственность — спасение жизней.

С больными ещё проще. Всё можно прочесть по их бледным лицам. Боль, процедуры, уколы, лекарства, тоска.

Захожу в здание одного из московских лечебных учреждений, открываю главную дверь и быстрым шагом направляюсь к гардеробу. По пути покупаю в холле первого этажа синие бахилы, сдаю верхнюю одежду и поднимаюсь по широкой лестнице на нужный мне этаж.

В коридоре, на удивление, не так многолюдно, как обычно бывает. Парочка медсестер о чем-то тихо переговариваются между собой. Мимо пробегает мальчишка лет девяти с перебинтованной рукой. За ним спешит худощавая бабушка в странном разноцветном платье, просит внука остановиться.

Добираюсь до черной низкой скамейки, расположенной у окна. Начинаю ожидать приговора врачей, как и шесть лет назад.

Нервная дрожь проходит по всему ослабшему телу, паника накрывает каждый раз новой, более мощной волной. Скоро грохнусь в обморок от страха лишиться дорогого человека. Думаю потерять сознание в данный момент, будет отличным решением для моего мозга, наполненного ужасными картинками прошлого и страха их повторения. Желая упасть в нежные объятия темноты, обещающей поглотить тревожный разум.

— Девушка, Аглая Тимуровна, ваша родственница? — возвращает меня в реальность громкий голос невысокой, миниатюрной медсестры.

— Да... это моя бабушка...как она? — с трудом собираю мысли в кучу и озвучиваю ответ.

— На данный момент состояние удовлетворительное. Пройдите, пожалуйста, к её лечащему врачу в двести второй кабинет, — девушка, как опытный диктор, выговаривает предложения четко и ясно. — Он вам все объяснит.

Медсестра предлагает успокоительные средства, замечая моё тревожное состояние, но я вежливо отказываюсь. На этом она решает оставить меня и быстрым шагом удаляется по своим делам, неотрывно что-то читая в медицинской карте следующего пациента.

Начинаю успокаиваться, с бабушкой всё хорошо, она жива. Страх медленно уходит, мысли начинают проясняться. Направляюсь к указанному кабинету, который оказывается в конце коридора. Подхожу к деревянной двери и прежде чем постучать, обращаю внимание на табличку с именем доктора.

— Кузнецов Станислав Иванович, — шепчу себе под нос. Тёзка моего любимого человека. Непроизвольно улыбаюсь, вспоминая о Станиславе Волкове, который за шесть лет успел стать родным и любимым. Кстати, он уже должен был приехать. На работе, скорее всего, опять задерживается.

Собираюсь постучать в дверь, как она бесшумно открывается навстречу и в небольшом

проеме показывается врач средних лет, крепкого телосложения, около ста семидесяти сантиметров ростом, чуть выше меня.

Взгляд падает на его темные густые волосы, белое, овальное лицо, тонкие губы, острый нос, на котором гордо восседают круглые очки в черной оправе. Прекращаю осмотр, когда ловлю ответный изучающий взгляд его карих глаз, в которых плещется что-то большее, чем простое любопытство. Внезапно появившаяся к человеку напротив, неприязнь, как легкий холодок, заставляет почувствовать дискомфорт.

Станислав Иванович первым прерывает затянувшееся молчание.

— Вы внучка Аглаи Тимуровны, проходите, — даже не спрашивает, а утверждает врач. Пропускает меня вперед, успеваю лишь утвердительно кивнуть в ответ.

— А как вы догадались, что это именно я? — задаю интересующий вопрос. — Не помню, чтобы мы с вами прежде встречались.

— Вы с ней очень похожи, такие же глаза, как у неё, два зеленых изумруда, — с ноткой восхищения произносит мужчина, попутно жестом приглашая меня присесть, — к тому же она упоминала о вас, Соня.

Напрягаюсь от дешевых подкатов врача, которые не вызывают абсолютно ничего, кроме омерзения.

Прохожу за ним в просторный кабинет и присаживаюсь на стул около рабочего стола, заставленного различными папками и документами.

— Софья Игоревна, — довольно в грубой форме даю понять, что мне не нравится его фамильярное отношение. На что получаю неприятную ухмылку. За комплимент, конечно, спасибо. Но меня настораживает его заинтересованность к моей персоне.

Врач начинает изучать карту бабушки и что-то в ней записывает. Решаю осмотреть помещение, чтобы отвлечься от неприятных ощущений, возникших к сидящему передо мной мужчине. Он несомненно симпатичный, но меня это абсолютно не волнует. В моем мире есть только один человек, которому я отдала бы и душу, и тело.

Пока доктор занимается своей работой, успеваю осмотреть убранство вдоль и поперек. Ничего необычного, типичный медицинский кабинет: белая мебель, два шкафа с многочисленными папками разных цветов, светло — бежевые занавески, парочка кактусов на подоконнике. Всё чисто и стерильно.

Моё наблюдение прерывает его недовольный голос, который сообщает, что у моей бабушки был инфаркт, состояние на данный момент стабилизировалось, но необходимо пройти курс лечения в стационаре и сдать дополнительные анализы. Требуется особое внимание, отсутствие стрессовых ситуаций, правильное питание и прием лекарств во избежание повторного инфаркта.

Протягивает мне список необходимых препаратов. Дрожащими руками забираю листок и на автомате засовываю в карман. Голова начинает затуманиваться, в сердце снова поселяется страх — мой злейший враг. И ведь не вытравишь ничем.

— Станислав Иванович, я могу с ней сегодня увидеться?

— К сожалению, нет. Ей необходим покой, на сегодня посещения запрещены, — огорчает ответом врач.

— До свидания, — прощаюсь, испытывая единственное желание поскорее убраться отсюда и позвонить Стасу. Безумно хочу услышать родной, успокаивающий голос и утонуть в его теплых объятиях.

Еле волочу ноги в сторону выхода, по пути забираю вещи из гардероба. Задыхаюсь, как

рыба, выброшенная на берег, хватаю рваными вдохами воздух, потому что тревога вновь возвращается. Не могу потерять и её. Кроме бабушки, заменившей мне мать, и Стаса у меня больше никого не осталось.

Холодный мартовский воздух отрезвляет, приводит в чувство, словно пощечина. Судорожно достаю из рюкзака телефон и через быстрый набор номера отправляю звонок Стасу. Он у меня под номером один. Абонент долго не берёт трубку, хотя должен был быть здесь еще час назад.

Присаживаюсь на одну из деревянных скамеек, выстроенных в ровный ряд вдоль длинного тротуара, ведущих к выходу из больницы. Принимаю решение дожидаться Волкова. Знаю, что придет, потому что обещал. А обещания он всегда выполняет, чего бы это ему не стоило. Пока жду, всплывают болезненные воспоминания шестилетней давности, когда я только узнала, что значит потерять близкого человека.

2006 год. Январь.

С сияющей улыбкой на губах, забегаю домой после школы, желая быстрее рассказать родным, что заняла первое место в конкурсе чтецов, к которому мы с мамой долго готовились. И застываю на пороге, замечая в зале уютной трехкомнатной квартиры толпу.

Не понимаю, что происходит. И что здесь делают люди в форме. Среди них замечаю бабулю. Пожилая женщина осунулась и стоит, подпирая стену шкафа спиной, будто сейчас упадет. Практически не узнаю её, будто за день состарилась на десять лет. Глаза опухшие, с лица сошли все краски, подтверждающие, что она всё ещё живой человек.

Рядом с ней стоит молодой высокий мужчина в черных джинсах и в черном джемпере, в руках держит блокнот и ручку. Что-то спрашивает у бабушки и тут же записывает ответ.

Подбегаю к ним и начинаю взволнованным голосом спрашивать, что здесь происходит.

Бабушка пытается мне ответить, но у неё не получается. Она начинает судорожно всхлипывать, а затем и вовсе переходит на громкие рыдания и отчаянные стоны. Её состояние больно ранит глубоко в сердце, которое понимает, что произошло что-то ужасное и непоправимое. Никогда раньше не видела такого отчаяния в глазах человека.

Откуда-то появляется девушка в медицинском халате и уводит бабушку на кухню, слегка придерживая её за плечи. Люди начинают расходиться. И в скором времени я остаюсь одна в зале с неизвестным мне мужчиной.

— Привет, меня зовут Станислав Викторович, я помощник следователя, — в мягком тоне, обращается ко мне человек стоящий напротив.

— Соня, — с хрипотцой в голосе отзываюсь я — Софья Феникс. Что здесь случилось? И где мама?

— Твою маму забрали в больницу, — с придыханием произносит Станислав.

Впадаю в ступор, только и могу, что смотреть на его хмурое лицо и серьёзный вид. С утра с ней всё было хорошо. Она готовила мне блины с бутербродами на обед.

— Почему она в больнице? — пытаюсь получить ясный ответ.

— Видишь ли, ей стало плохо, — вместо ответа, получаю ещё одну загадку.

— Вы можете мне четко объяснить, что произошло?

— Честно говоря, я не очень компетентен в таких разговорах с детьми и могу быть резким, — делится своими сомнениями помощник следователя.

— Я не маленькая девочка, мне скоро двенадцать, скажите правду, — произношу громко и твердо, с нотками раздражения.

— Хорошо, — короткое согласие следователя облегчает тревожное состояние, в

котором нахожусь.

Мужчина долго листает свои записи. Замечаю легкое напряжение во всей его позе. Он медлит. Понимает, что не стоит этого делать, мечется. Смотрю на него в немой искренней мольбе. И получаю победу в маленьком сражении. Находит нужную страницу и тихим, ровным голосом зачитывает:

— Милена Павловна Феникс, 1975 года рождения, уроженка г. Москва, была найдена 27 января в собственной квартире с ножевым ранением. Орудие преступления, по предварительным данным, нож, найденный рядом с пострадавшей. Преступник не установлен, — шумно выдыхает.

Закрывает блокнот и прожигает меня пронзительным взглядом, в попытках определить душевное состояние после обрушенной, как снежная лавина, информации. Но ничего волнительного не замечает, так как мой разум отключается, оставляет за собой лишь пустоту. Эмоции постепенно угасают. Нет слез, нет истерики, меня нет. Только оболочка.

Не знаю, сколько по времени стою в ступоре. Выхожу из замерзшего состояния, когда чувствую теплое и нежное прикосновение чужих рук. Станислав усаживает меня на диван и заботливо укрывает тонким бабушкиным пледом. Встречаюсь с растерянным взглядом и утопаю в синеве чужих глаз, наполненных состраданием и заботой к худенькой девчужке, которой предстоит рано повзрослеть.

Мама впадает в кому и умирает через неделю после случившегося. Организм не справляется с полученной раной.

Позже выяснится, что неопытные грабители собирались обчистить квартиру. Незапланированное появление хозяйки дома спутало карты преступникам. Только справедливое возмездие немного облегчило боль утраты. Их посадили на долгих двадцать лет.

Наши дни.

В жестокую реальность возвращает звук подъезжающего к воротам больницы автомобиля. Черная Мазда останавливается на парковке. Из машины выходит Стас. Внешний вид любимого мужчины действует как самый мощный наркотик, дарит умиротворение и экстаз.

На нем идеально сидит бежевое пальто чуть ниже колен, белый пуловер с высоким воротником и такого же цвета обтягивающие джинсы.

Забываю обо всем. Рой мыслей, терзавший сердце и душу пару секунд назад, бесследно исчезает, как пар, стоит только его увидеть. Такого до острой боли в груди желанного, любимого, но недоступного. Вскрываю на ноги и бегу как сумасшедшая ему навстречу. Стас подхватывает хрупкое тельце и крепко прижимает к широкой мускулистой груди. В свою очередь встаю на цыпочки и дарю ему легкий, невинный поцелуй в щеку. В ответ он наклоняется ближе и дает моей макушке насладиться мимолетным касанием мягких, горячих губ.

— Привет, маленькая, — произносит ненавистное прозвище. Стас старше на четырнадцать лет. И проблема в том, что для меня разница в возрасте не имеет значения. Но он не замечает во мне взрослую, сформировавшуюся девушку. Через месяц мне исполнится восемнадцать. А я до сих пор остаюсь для упрямого двенадцатилетней тощей девчонкой.

— Привет, — шепчу ему в ответ.

— О состоянии бабушки мне сообщили. Сама как? — интересуется с заметной тревогой в голосе, внимательно рассматривает, запрокидывает каштановую прядь мне за ухо. От нежного

прикосновения передергивает. Но Стас ничего не замечает, как всегда.

— Хорошо, — даю стандартный ответ. Успокаиваюсь в его утешающих объятиях. Стас рядом и я готова смотреть на мир без капли страха. Его присутствие наполняет меня силой и чувством защищенности, словно живительный воздух, которого мне так не хватает.

— Здесь неподалеку есть кафе, поехали, накормлю тебя. Уверен, что за целый день ты ничего не съела, — заботливый тон мужчины обволакивает и согревает моё сердце. Киваю в знак согласия.

Сегодня был ужасный день. Неожиданный звонок от соседки тёти Любы заставил сорваться с последнего урока в школе и помчаться в первую городскую больницу. Конечно, ни о какой еде не было и речи. Да и позавтракать не успела, опаздывала на занятия. Только сейчас, немного придя в себя, ощущаю острую боль в районе живота.

Стас выпускает меня из теплых объятий. Сразу же становится неуютно и тоскливо. Усаживает на переднее сиденье, не забыв при этом пристегнуть ремень. Он всегда серьезно относится к технике безопасности. Его искренняя забота умиляет, заставляет сердце биться чаще, влюбляться все больше и больше. У моей любви к нему нет границ, она безмерна, подобна черной дыре.

Стас садится за руль и заводит машину. Под тихое урчание двигателя выезжаем с территории больницы.

Через десять минут останавливаемся возле маленького придорожного кафе. Отстегиваю ремень и практически вылетаю из машины в сторону заведения с манящими ароматами еды, предвкушая гастрономический оргазм. Стас догоняет в три широких шага и открывает массивную стеклянную дверь, чтобы пропустить меня вперед.

В кафе уютно и светло благодаря большим панорамным окнам. На подоконниках много различных цветов. В будний день практически нет посетителей, что меня особенно радует. Можно посидеть в спокойствии. Зал наполняет тихая джазовая музыка.

Присаживаемся за дальний столик у окна. Успеваем раздеться и изучить меню до того, как приходит официант. Заказываю запеченную рыбу с овощным салатом, грушевый штрудель и зеленый чай. Стас, долго изучая меню, делает выбор в пользу грибного супа со сливками и мяса по-французски.

— Спасибо, что приехал, — первой прерываю затянувшееся молчание. Протягиваю к нему руки и сжимаю крупные мужские ладони, выражая искреннюю благодарность. Желаю, чтобы Стас почувствовал, как дорог и нужен мне.

— Не стоит. И прости, что не смог приехать раньше. В последний момент появился очень важный свидетель по делу, которое я взял на расследование месяц назад.

— Ничего, я всё понимаю, — даю знать, что не обижена, потому что прекрасно осведомлена о его работе. Как она порой трудна и опасна.

Два года назад Стас ушел из органов и открыл своё детективное агентство. Поначалу было тяжело, ему приходилось работать в одиночку. Но он любит свою работу и ни о чем не жалеет. Первое время денег хватало только на оплату счетов за жилье и питание. Но Стас справился. На данный момент его агентство довольно популярно и приносит хороший доход. Даже смог купить новую машину.

— Как прошел твой день? Как дела в школе? — заинтересованно спрашивает собеседник. Знаю, что это не пустая забота. Ему действительно интересно.

— Всё как всегда, одни пятерки. Ничего интересного, — отвечаю с ноткой грусти. Школа, танцы два раза в неделю. С недавних пор появилась подработка репетитором по математике. Помогаю подготовиться некоторым ученикам к экзаменам. Моя жизнь довольно скучна по сравнению с его жизнью, в которой есть интересная работа, многочисленные друзья, посиделки в баре по выходным, обязательные тренировки по рукопашному бою и стрельбе.

— У тебя скоро день рождения. Для особенной даты нужен особый подарок. Чтобы ты хотела? — неожиданный вопрос заставляет задуматься. Хотя я уже знаю, какой особый подарок от него жду.

— А что если попрошу от тебя нечто большее? — подготавливаю почву к необычной просьбе.

— Что, например? Машину, квартиру, яхту, — с улыбкой вступает в игру мужчина.

— Тебя... — произношу уверенно без капли стеснения. Ещё два года назад знала, о чём попрошу на своё восемнадцатилетие. В то время он отлично дал понять, что я мелковата для подобных игр и как женщина его не интересую. Между нами чисто дружеские отношения, как он выразился. Пришлось отложить этот вопрос до моего совершеннолетия.

Со временем эта ситуация стерлась из его памяти. Стас не воспринял чувства малолетки

всерьез, посчитал подростковым максимализмом и мимолетной прихотью. Откровенное признание не повлияло на наши отношения.

Боль, зародившаяся в моем сердце от невзаимных чувств, со временем утихла, а любовь с каждым днем только росла. В пылу разочарования дала сама себе обещание, что этот мужчина будет моим, несмотря ни на что.

— Что ты молчишь? — задаю вопрос, не прерывая зрительный контакт. Во взгляде мужчины бурным потоком плещется недоумение вперемешку с удивлением. Он явно ожидал другой ответ. К примеру: вечернее платье, серебряные серьги, огромного плюшевого мишку, в конце концов, от которого я точно пришла бы в дикий восторг. Только вот девочка уже выросла и сходит с ума далеко не от детских игрушек.

— Позволь уточнить, — Стас делает долгую паузу, собираясь с мыслями. Влюбленное сердце в ожидании продолжения бьётся о ребра, как птица, запертая в клетку.

— Ты хочешь видеть меня на своем празднике или стать моей девушкой? — произносит с ухмылкой на губах, с некоторым презрением. Ему явно не нравится этот разговор.

— Хочу, чтобы твоё сердце принадлежало только мне. И да, черт возьми, я до одури желаю быть твоей девушкой, — отвечаю прямо и честно на его выпад. Не умею юлить и врать. Всегда говорю, что думаю и чувствую. Бабушка считает это моим недостатком. А я просто устала от того, что он не воспринимает мои чувства всерьез.

— Неужели за столько времени ты не поняла, что в тебе я абсолютно не заинтересован. Ты дорога для меня как младшая сестра. Прошу, не дай своему эгоизму разрушить наши отношения, — заканчивает свою тираду и откидывается на спинку стула. Собираюсь придумать достойный ответ, но не успеваю. Подходит официант и ставит наши ароматные, дымящиеся блюда в центр стола.

В молчаливом согласии не продолжать этот разговор, приступаем к ужину. Только аппетит совсем пропал. Силой заталкиваю в себя еду. Совсем не чувствую вкуса. Необходимо поест, иначе точно упаду в обморок. Слишком насыщенным на эмоции выдался день.

Стас же, напротив, быстро доедает свою порцию, встает из-за стола и идет расплачиваться на кассу. Пропускаю момент, когда он выходит на улицу. Ещё и без верхней одежды.

Смотрю из окна, как нервный мужчина достает сигарету, медленно и глубоко вдыхает никотин. Стас практически не курит. Но пачка сигарет Макинтош всегда лежит в его бардачке на тот случай, когда необходимо остаться одному и серьёзно что-то обдумать. В данный момент не составляет труда догадаться, чем занята его голова. Он не знает, как со мной поступить. Я тоже в тупике.

Начинаю корить себя за свой длинный язык. Стас ещё не готов принять меня. Но не могу больше ждать. Это как сумасшествие, я больна им. И нет лекарства от этой дрянной болезни.

Забираю наши вещи и выхожу вслед за ним. Стас замечает меня и кивает головой в сторону машины. Без слов понимаю, что он от меня хочет. Ловлю в воздухе холодные ключи, открываю дверь и залезаю в авто.

В салоне довольно прохладно. В нос бьёт приятный запах хвойного ароматизатора. Со второй попытки завожу машину и включаю печку. Проходит довольно много времени, прежде чем Стас возвращается.

— Замерз? — задаю глупый вопрос. Очевидно, что да. Дисплей показывает, что

температура упала до минус семнадцать градусов. Хмурый хозяин Мазды молчит, даже не смотрит в мою сторону.

Не обдумывая свои действия, хватаю его ледяные руки и притягиваю ближе к своим горячим губам, в надежде согреть их теплым дыханием. Но вместо этого легкими прикосновениями начинаю целовать. Стас замирает, отдергивает руки, резко притягивает меня к себе и грозно шепчет на ухо:

— Соня...если так продолжится, придется прекратить наше общение, — пытается остановить меня угрозами, — забудь, слышишь, забудь о своей чертовой любви ко мне.

Хочется рассмеяться в его хмурое лицо истерическим смехом. Наивный, а ещё меня называет маленькой.

— Любовь для тебя, что лампочка? — спрашиваю в недоумении, — раз и выкрутил?

Смотрит на меня уставшим взглядом, не отвечает. Откидывается на спинку сиденья и закрывает глаза.

— Так, ладно, поехали. Я чертовски устал. Отвезу тебя домой. А ты подумай над своим поведением, — на этом заканчивает наш разговор.

Весь путь до дома едем молча. Стас в принципе не любит разговаривать за рулем, предпочитает быть полностью сосредоточенным на дороге. Да и я не в настроении что-то обсуждать. Хочу под расслабляющий душ и спать. Поскорее бы уже закончился этот мерзкий день.

И моё желание исполняется. Не замечаю, как погружаюсь в сон. Просыпаюсь в тот момент, когда Волков открывает дверь квартиры и на руках заносит меня внутрь. Хорошо, что у него есть дубликат ключей.

Ничем не выдаю своё бодрствующее состояние, делаю вид, что сплю.

Мужчина на цыпочках идет в сторону спальни, стараясь не разбудить меня. Осторожно укладывает на мягкую кровать, снимает зимнюю куртку и обувь. Садится рядом, чувствую, как прогибается матрас от тяжести его тела, тяжело вздыхает.

— Соня, Соня, Соня, — как мантру повторяет мое имя, будто пробует на вкус, — моя маленькая Соня. Куда делась та прелестная милая девочка с длинными косичками, которая и думать не думала о любви к зрелому мужчине.

Так и хочется крикнуть ему, что она выросла. Но продолжаю тихо и мирно посапывать, в надежде услышать что-нибудь интересное.

— Ты разбиваешь мне сердце. Я никогда не хотел такого исхода. В один момент ты стала для меня родной, как моя Уля, — неожиданно признается мой ночной гость. А я лежу и не понимаю, кто такая Уля? Всех его бывших подружек знаю в лицо. С одной, наиболее настойчивой, даже пришлось разбираться втайне от самого Стаса.

— Никогда не забуду тот момент, когда впервые увидел тебя. Ты была такой напуганной, беззащитной и потерянной. Мне сразу же захотелось оберегать тебя от всего зла вокруг. А оказалось, что злом для тебя стал именно я. Человек, который причиняет боль, потому что не может ответить на твои чувства, — Волков прекращает свой короткий монолог, встает и уходит. Напоследок слышу звук закрывающейся двери. И в квартире воцаряется гробовая тишина. Спустя некоторое времярываю эту мертвую тишину отчаянным стоном, насквозь пропитанным болью. Удивительно устроенный мозг решает, что с меня на сегодня хватит потрясений, и мгновенно засыпает.

Непрекращающаяся дверная трель возвращает меня в сознание. Еле как поднимаюсь с кровати и иду в сторону прихожей. Кого нелегкая принесла в такую рань, да и ещё в субботний день.

Открываю железную входную дверь, и передо мной предстает довольно интересная картина. На пороге стоит растрепанная Настя Сорокина без грамма косметики, хотя мой внешний вид не лучше.

На ней белый лабораторный халат, явно не по размеру, а на ногах огромные мохнатые тапки, имитирующие лапы медведя. Меня забавляет её новый образ. Хорошо, что она живет этажом ниже, иначе где я ещё увижу такое удивительное создание. В школу она одевается по высшему разряду. Неизменная короткая юбка, высокие каблуки и яркий макияж. Огненные волосы выделяют её из толпы, а мелкая россыпь веснушек добавляет шарма.

Я же, в свою очередь, предпочитаю удобство. У меня только одна пара туфель и никакой короткой одежды. К тому же Стас запрещает такое носить, чтобы лишний раз не провоцировать мужчин в темных переулках. Всякого насмотрелся на своей работе. А ещё в моей сумке всегда лежит муляж пистолета и газовый баллончик. Подарки Волкова. Когда спросила, чем человеку может помочь игрушечное оружие, он ответил, что вряд ли кто-то захочет выяснять, настоящий пистолет или нет, но даст время, чтобы успеть сбежать.

— Ты чего в такую рань? — вместо приветствия выдаю своё недовольство.

— Феникс, ты совсем оборзела? Время видела? Уже полдень. Я тебе со вчерашнего дня тысячу раз позвонила, ты чего трубку не берешь? — подруга кидает на меня рассерженный взгляд и залетает разъяренной фурией в квартиру, — я же переживаю. Убежала вчера сломя голову, ничего не объяснила.

— Я тебе всё расскажу, только тише, пожалуйста, — нет сил выяснять с ней отношения, голова итак гудит.

Жестом руки, приглашаю её на кухню и наливаю нам по чашке ароматного кофе с молоком без сахара. Мы удобно устраиваемся за обеденным столом. Настя молчит, при этом внимательно меня рассматривает, делая какие-то свои выводы.

— Это из-за Стаса, да? — вопросительно выгибает бровь. Вот всё она видит и знает. Читает меня как сканер, порой это даже раздражает.

— Отчасти, — даю короткий ответ, не желая продолжать этот разговор. Настя к моей безответной любви относится скептически. Да и к Стасу не особо расположена, не знаю, за что она его невзлюбила.

— Бабушку вчера в больницу отвезли, а телефон с беззвучного режима забыла снять, — меняю тему разговора.

— Мама дорогая, что случилось? — резко осипшим голосом интересуется подруга, напрочь забывая о Стасе.

Настя обожает мою бабушку. Любит беседовать с ней о жизни на нашей уютной кухне за чашкой травяного чая. Бабуля же откармливает её фирменными пирожками.

— Инфаркт, но сильно не беспокойся, — начинаю сразу же успокаивать, иначе устроит мне фонтан из слез. Она особа впечатлительная, — состояние стабилизировалось, сейчас ба восстанавливается.

Говорю всё это и понимаю, что пытаюсь утешить и себя тоже. Вчера переживания о

бабушке заглушились болью от действий Стаса, сейчас накатили с новой силой. Мне срочно нужно её увидеть.

— Сегодня собираюсь её навестить, поедешь со мной? — предлагаю поехать ей вместе. Боюсь оставаться со своими мыслями наедине.

— Я очень хочу, но на сегодня у меня назначена встреча с папиным старым другом. Помнишь, я тебе говорила? — смотрит на меня вопросительно и, не дожидаясь ответа, продолжает, — он декан медицинского факультета, куда я хочу поступить. Нужно обсудить некоторые вопросы по поводу обучения. И кстати, я уже опаздываю, мне надо идти собираться.

Выходит из-за стола, смешно перебирая медвежьими лапами. Не упускаю случая над ней пошутить.

— По-моему, ты идеально выглядишь для встречи с деканом медицинского факультета. Твой халат как нельзя кстати. Про лапы вообще молчу, — давлюсь смехом, глядя на её удивленное лицо.

— Блин, совсем забыла с этой лабораторной про тапки, вообще это папины вещи, — чертыхается мое чудо.

— Тебе идет, — пытаюсь её утешить, а в глазах слезы от смеха.

Настя подходит к зеркалу, расположенному в коридоре, и ужасается своему отражению. Неловко поправляет кудрявые локоны, стирает невидимую грязь с лица, затем медленно переводит взгляд на меня, и мы обе заходимся в приступе смеха. Хохочем как ненормальные.

Немного успокоившись, она прощается и обещает навестить бабашку на днях. Закрываю за ней дверь и иду искать свой телефон. Нахожу его в школьном рюкзаке на самом дне, неудивительно, что вибрации не чувствовала.

Одиннадцать пропущенных от Насти.

— И ничего не тысяча, — бубню себе под нос.

И один от Стаса. Как только вижу родное имя, сердце пропускает удар. Сразу же набираю его и слушаю долгие мучительные гудки. Абонент не отвечает. Решаю позвонить ему еще раз, попозже.

До больницы добираюсь спустя час. Быстро нахожу бабушкину палату. Стою перед ней как вкопанная, не решаясь зайти. Боюсь представить, в каком она состоянии. Делаю глубокий вдох и дергаю с трудом поддающуюся деревянную дверь на себя.

Ищу глазами бабушку и нахожу её спящее тело в дальнем правом углу комнаты. Напротив лежит тучный мужчина лет пятидесяти, а рядом у кровати больного сидит женщина примерно того же возраста, возможно, его жена. Они так увлеченно разгадывают кроссворды, что не замечают чужого присутствия. Третья кровать, расположенная рядом с дверью, пуста.

Тихой поступью подхожу к спальному месту бабушки и начинаю раскладывать продукты, разрешенные доктором. Но, видимо, у меня это плохо получается.

— Привет, милая. Я тебя с утра жду, вот заснула маленько.

Хриплый ото сна голос наполняет комнату. Бабушка неплохо выглядит. Слегка бледная кожа совсем не портит её внешний вид. Седые длинные волосы собраны на затылке в небрежный пучок. Она перестала их красить ещё несколько лет назад. При этом добавила строгим учительским голосом, наработанным годами практики в школе, что бабушка должна выглядеть как бабушка. На что с ней я не согласилась. Не хотелось признавать, что с каждым

годом она больше и больше стареет.

— Ба, извини, пожалуйста. Я только ближе к полудню встала, — оправдываюсь, не раскрывая подробностей о причине опоздания.

Протягиваю ей красное яблоко, но она отказывается. Забираю себе и откусываю маленький кусок фрукта. Как хорошо. Удовольствие растекается по всему телу. Со вчерашнего дня практически ничего не ела. С утра в желудке погостил только кофе.

— На тебя это не похоже, дорогая. Что-то случилось? — своим вопросом бабушка ставит меня в тупик. Не знаю, что ответить. Врать не буду, да и говорить правду тоже. Не хочу, чтобы бабушка знала о моих чувствах к Стасу.

— Да ничего особенного, просто очень устала, — говорю часть правды. Вчерашняя ситуация в кафе высосала из меня все силы. Отвлекаюсь на соседей по палате, которые куда-то резко заспешили и покинули помещение, громко хлопнув дверью.

— Соня, я много лет прожила, многое повидала и прекрасно знаю, что с тобой происходит, — серьезным тоном начинает бабушка. За доли секунды её лицо меняется с ласкового на строгое и в тоже время на обеспокоенное. Мне это совсем не нравится. Тело напрягается в ожидании чего-то неотвратимого, болезненного. Будто я сейчас узнаю то, что перевернет мою жизнь.

— В последнее время я часто замечаю, что ты стала похожа на свою мать перед её смертью. Готова прыгнуть в омут с головой, совершенно не думая о последствиях. Тот же взгляд, те же мысли. Такая же несчастная любовь, — бабушка говорит непонятными для моего мозга загадками.

— Ты о чем? — спрашиваю в недоумении. Неужели про Стаса догадалась. Поворачиваю голову в сторону пластикового окна, чтобы она больше ничего не смогла прочитать на моем лице. Изучаю до безобразия скучные стены и потолок.

— Не твой он человек, милая. Отпусти его, пока не поздно. Сердце неладное чует.

Этот разговор начинает меня настораживать. Бабушка приподнимается с кровати и наклоняется ближе, чтобы посмотреть прямо в глаза. Её пронзительный как острый нож взгляд проникает до самой души, заставляя замереть на месте. Будто она прожила на свете не шестьдесят четыре года, а все двести и научилась видеть людей насквозь, читать их мысли и считывать чувства. В её зеленых глазах сверкает мировая мудрость.

— Может, я и старая, но глаза всё ещё видят. Каждый раз, как его видишь, пожираешь взглядом. Только он глупец, ничего дальше своего носа не видит, ослепленный своей братской любовью к тебе. Сестру ты ему напоминаешь, которую он в детстве потерял, не уберег. Вину перед ней чувствует. С тобой непутевой носится, пылинки сдувает, не даст тебя в обиду никому.

— Что ты такое говоришь, какая сестренка? Стас никогда не говорил о ней.

— Они жили в доме по соседству. Ты ещё не родилась тогда. Трагедия летом случилась. Жара такая ужасная стояла, никогда не забуду. Дети уже ушли на каникулы. Стас твой в восьмом классе учился, как сейчас помню. Волков старший тогда в звании майора ходил, какое-то серьезное дело расследовал. В девяностые годы без криминала не обошлось. Чтобы не лез, куда не надо, его решили проучить. Младшую дочь похитили прямо из рук старшего брата.

Бабушка тяжело вздыхает и продолжает вспоминать прошлое.

— Так её и не вернули. И тело не нашли. Волков тогда из милиции ушел. Жена вскоре на развод подала и уехала, не смогла мужа простить. И поминай, как звали. Сын с отцом

остался, — шокирующие признания выливаются на меня, как ушат холодной воды. Озноб захватывает всё моё тело. Становится не по себе. Стас никогда и словом не заикался о младшей сестре. Как и дядя Витя, его отец.

— А как звали сестренку Стаса, не Уля случайно? — задаю мучавший меня со вчерашнего дня вопрос. На что получаю утвердительный кивок. Во рту появляется привкус горечи.

— Бабушка, как же мне быть? Я ведь люблю его и не могу от него добровольно отказаться, — с вселенской грустью вылетают слова. Предчувствую, что услышу совет, который мне явно не понравится. Бабушке тоже не по душе то, что я говорю. Она закатывает глаза и тяжело вздыхает. В них такая печаль, что самой становится мучительно.

— Оставь его, милая. Послушай старую, не твой он мужчина. Научись отпускать людей. Эти чувства вам двоим счастья не принесут, — на этом бабушка решает закончить время откровений и разворачивается к окну.

— Не умею я отпускать людей, ба. По маме до сих пор сильно скучаю, мне так не хватает её теплых рук, нежных прикосновений и ласковых слов, — изливаю ей свою душу. Бабушка выслушает, я знаю. Всегда слушает. Но в данный момент молчит. И я продолжаю:

— Думала, что ты меня поймешь. Ты всю жизнь любила только деда. После его смерти так замуж и не вышла, — пытаюсь разглядеть в ней хоть маленькую каплю понимания. Но всё тщетно.

— Мы с твоим дедом любили друг друга, это правда. Он подарил мне столько любви, что хватило до конца жизни. И тебе желаю испытать такое же счастье — любить и быть любимой. Но Стас не тот человек, который тебе это даст.

— Ба, даже страшно представить, что больше его не увижу. А друзьями быть никогда не соглашусь. Видеть, как он женится, целует свою жену, обзаводится детьми, заводит собаку. И всё это не со мной, — после высказанных вслух страхов воображение оживляет их в моей голове.

Вижу реальную картину его счастливой семьи и себя, наблюдающей со стороны. И понимаю, что это никогда не будет моим. Тут же начинаю задыхаться, будто мне перекрыли весь кислород.

Бабушка резко разворачивается ко мне и начинает успокаивать, поглаживая по спине. Её обеспокоенный взгляд отрезвляет меня. Ей нельзя нервничать. Беру себя в руки и стараюсь медленными глотками пропускать воздух. Паника медленно отступает. Понимаю, что пора уходить. Мы сказали друг другу достаточно на сегодня.

— Я пойду. Тебе надо отдохнуть.

В комнату возвращается весёлая супружеская пара. Встаю и направляюсь в сторону двери. Не буду портить атмосферу своим унынием. Перед самым выходом слышу болезненную фразу, сказанную с некой долей обиды и разочарования:

— Ты и себя, и его погубишь, — чуть ли не задыхаясь, произносит бабушка.

Её слова проникают в самые глубины моего сознания и въедаются в память, пронзают мою и так израненную душу. И себя, и его погублю...и себя...и его.

— Да, ты права. Я лучше умру, чем отпущу его, — неожиданно для себя произношу слова, о которых позже очень горько пожалею.

Громкий хлопок двери ставит жирную точку в этом болезненном для нас разговоре.

До дома решаю прогуляться, подышать свежим воздухом после удушающей больницы. Погода холодная, отрезвляющая. Мороз проникает до самых глубин, пробирает до костей. Жалею, что не оделась теплее.

На улице многолюдно. Все куда-то спешат, будто не успевают жить. И всех их объединяет одно — отсутствие счастливых улыбок. И я прекрасно сливаюсь с толпой.

Иду не спеша. Мне есть о чем подумать. В последнее время это становится моим хобби — задаваться вопросами, на которых априори нет правильного ответа.

Мысли снова возвращаются к Стасу. Не могу вспомнить тот момент, когда этот человек стал для меня необходим как кислород. Он — вся моя жизнь, как бы банально это не звучало. Истина, которой я живу.

Шесть лет назад он появился в моем доме и незаметно стал центром вселенной, ярким пламенем, разогнавшим тьму в душе после смерти мамы. Любовь к нему больно обжигает. Как бы не сгореть в этом пламени.

Своими глупыми шутками, искренней улыбкой и заразительным смехом, Волков вытащил меня из черного засасывающего болота, подарив надежду на лучшее будущее.

Бабушка была не против нашего общения с ним. Теперь понятно почему. Она знала Стаса с детства. Сын уважаемого человека из интеллигентной семьи.

Впервые осознала, что люблю этого взрослого мужчину лет в пятнадцать. Напросилась с ним на вечеринку его друзей и увидела, как он целует незнакомую мне девушку. Ревность едкой кислотой обожгла сердце. Было омерзительно видеть чужие руки и губы на моём Стасе.

Ему на тот момент было двадцать девять. Кто-то бы ужаснулся из-за разницы в возрасте, но не я. Мне было абсолютно плевать. Улицезрев тот злосчастный эпизод, поняла, что в моей жизни появился ещё один родной человек, которого я никогда не отпущу и никому не отдам.

Вздрагиваю от громкой мелодии, издающейся из глубокого кармана куртки. С трудом достаю замерзшей рукой телефон. На лице начинает сиять улыбка, готовая растопить весь снег вокруг, когда вижу имя на дисплее. Нажимаю принять вызов.

— Соня, привет, ты где? Не дозвонился с утра. Хотел к бабушке тебя отвезти, — дружеским тоном начинает разговор Стас, будто вчерашний вечер был сном. И так всегда. Он снова и снова прощает мои выходки. А я каждый раз стараюсь придумать что-то новое, в надежде достучаться до него, растормошить бесчувственное сердце, заставить посмотреть на меня другими глазами.

— Я уже навестила её, сейчас домой иду, — даю короткий ответ. Стасу не нужно знать, о чем мы с ней говорили. Но мне необходимо выяснить подробности о его сестренке.

— Вечером к тебе заеду, завезу ужин. Уверен, ты ничего не готовила и не ела, — поступает предложение, от которого я не могу отказаться. И тут меня осеняет.

— Стас, а можно я лучше к тебе в гости приеду? — понимаю, что застаю Стаса врасплох, потому что он ничего не отвечает, — буду вести себя тише воды, ниже травы, обещаю, — решаю примерным поведением склонить его к положительному ответу. Заодно узнаю про Улю у Виктора Александровича.

— Хорошо, только тебе придется добираться самой. Можешь вызвать такси, я

оплачу, — радуется Стас, — у меня есть незаконченные дела. Постараюсь разрешить их быстрее. Когда приеду, отвезу тебя домой.

— Окей, увидимся дома, — соглашаюсь и кладу трубку.

Вызываю такси к остановке общественного транспорта. Замерзла настолько, что в скором времени перестану чувствовать конечности.

До дома Стаса добираюсь быстро. На пороге встречает Виктор Александрович, как всегда, одетый в футболку хаки и черные спортивные штаны. Знакомые карие глаза, такие же как у Стаса, доли секунды изучают меня и признают во мне своего человека.

— Соня, здравствуй, проходи на кухню. Большой начальник предупредил, что ты придешь и велел накормить тебя, — веселым тоном произносит хозяин квартиры.

Просторная светлая кухня встречает меня умопомрачительными запахами. В животе начинает урчать. Стас прав, я забыла поесть. Как-то не до еды было в последние дни.

Виктор Александрович, как хозяйственный мужчина, суетится на кухне. Накладывает суп, только что снятый с газовой плиты, нарезает черный бородинский хлеб, достает сало и сметану из холодильника.

Я же просто стою и молча за всем наблюдаю. Даже не пытаюсь лезть с предложением о помощи, всё равно не разрешит. Проходили уже.

Стас весь в него. Похож не только внешностью, но и характером. Такой же заботливый, учтивый. Иногда думаю, что им это нравится, приносит радость заботиться о ком-то ещё.

Виктор Александрович хороший человек и замечательный отец. Своей любовью к сыну он заслужил моё доверие и уважение. Один воспитал ребенка и поддерживал все его начинания. Ни разу не слышала от него грубых слов в сторону Стаса. Видно, что он гордится своим сыном, который пошел по его стопам.

О своём же биологическом отце я практически ничего не знаю. Мама не любила о нём говорить. Знаю только то, что он предал и бросил нас. Обида матери на отца передалась и мне. И к этому вопросу мы больше не возвращались.

Позже мама безответно влюбилась в своего коллегу, женатого мужчину. Может, это и имела в виду бабушка, говоря, что мы с мамой похожи. В последний год своей жизни она мало улыбалась. Прекрасно понимаю её. Невозможно радоваться, когда это горькое чувство, как яд, медленно отравляет тебя.

Мне нравится находиться в гостях у маленькой, но такой дружной семьи Волковых. Здесь я могу наблюдать за их отношениями, видеть, что такое отцовская любовь, и чувствовать себя частью их семьи.

Виктор Александрович усаживает меня за стол и кормит самым вкусным в мире борщом. Даже бабушка так хорошо не готовит. Как голодный хомяк, не видевший еду неделю, с аппетитом уплетаю полную тарелку за обе щеки. Тепло растекается по всему телу, принося особое удовольствие. Становится так хорошо, что забываю истинную цель моего визита.

— Виктор Александрович, а можно у вас кое-что спросить? — начинаю издали.

— Смотря что, — хитро улыбается старый интриган.

— Что-то, что вам точно не понравится, но мне важно знать, — решаю предупредить сразу, чтобы сильно не шокировать вопросом.

— Я в жизни слышал и видел много неприятных вещей, так что вряд ли ты меня удивишь, — получаю согласие на продолжение разговора.

Долго собираюсь с мыслями. Не знаю с чего начать. Мне о многом хочется узнать. Но

самое главное, действительно ли я заменила Стасу потерянную сестру.

— Бабушка сегодня рассказала о том, что у вас была младшая дочь Ульяна, — стараюсь как можно деликатнее начать серьезный и болезненный разговор, — при мне Стас никогда о ней не упоминал.

— Так давно не звучало это имя в нашей семье, — тихо, почти шепотом произносит Виктор Александрович, — Улечка.

— Что с ней случилось? — замираю в надежде услышать больше подробностей.

— Уля была поздним ребенком. Мы с Жанной, моей женой, часто пропадали на работе. Я — милиционер, она — врач. Стас на тот момент уже был осознанным, большую часть времени проводил с сестренкой. Отводил и забирал ее из сада, купал, кормил. Стас очень любил и баловал её. Иногда мне казалось, что он её отец, а не я, — на одном дыхании ведет свой рассказ отец семейства, погружаясь в болезненные воспоминания давно забытого прошлого.

— Моя команда работала над поимкой местной криминальной группировки, занимавшейся квартирными кражами. Но, как впоследствии оказалось, это была лишь верхушка айсберга. Это была целая налаженная система различных криминальных групп, там даже верхушки из милиции были замешаны. Мы ошиблись, недооценив противника. И ценой этой ошибки стала жизнь моей дочери, — с горечью выдыхает Виктор Александрович.

Наступает гробовое молчание. По его взгляду понятно, как тяжело даются воспоминания. Трагическое событие разделило жизнь обычной семьи на до и после. Счастье разрушилось до основания в одно мгновение. Не осталось и камня на камне. И этим двум сильным мужчинам удалось сохранить небольшую частичку их некогда благополучной семьи.

— Я раскопал слишком много информации и стал мешать. Спустя какое-то время начали приходить письма с угрозами на наш почтовый ящик. Жанна как-то, обнаружив одно из таких писем, устроила скандал. Но я не мог отступить, слишком много жизней было на кону. Копал дальше. В отношениях с женой начались проблемы. Она начала угрожать, что подаст на развод и заберет детей. Я не мог этого допустить, но и бросить работу тоже не мог. Балансировал на краю пропасти, пока не стало слишком поздно. В один из июньских вечеров Улю выхватили прямо из рук Стаса и увезли на черном джипе без номерных знаков. Её так и не нашли, будто в воду канули. Никаких следов, сработали профессионально. Жанна подала на развод и уехала. Не смогла меня простить. Стас остался со мной, — заканчивает свой душераздирающий рассказ убитый горем отец, будто всё было вчера.

— Как Стас всё это пережил? — задаю тревожащий меня вопрос. Даже страшно представить, что чувствовал в тот момент старший брат, у которого отняли часть его сердца.

— Начал винить себя, что не смог защитить её. Да что он мог сделать? Сам был ещё мальчишкой. Во всем случившемся исключительно моя вина. Подверг семью риску, за что раскаиваюсь по сей день, — обреченность сквозит в словах человека, считающего себя причиной ужасной трагедии.

Боль утраты никогда не проходит бесследно. Всегда остаются уродливые шрамы, напоминающие о наших ошибках.

— Вы хотели сделать этот мир лучше, чище. Во всем виноваты люди, которые добровольно решили заглушить голос своей совести. Кровожадность и алчность поглотили их сердца. Они выбрали поклоняться деньгам и потеряли человечность. Пусть они горят в

аду, — пытаюсь хоть как-то утешить отца, дорого мне человека, чтобы чувство вины не разъедало остатки его сожалеющего сердца.

— Хорошо ты говоришь, девочка. Однако правда в том, что в адском пламени горю я, приговорив сам себя. А они безнаказанно гуляют по этой земле, — приходит к неутешительному выводу мой собеседник.

— Стас как-то поклялся мне, что найдет и накажет этих ублюдков. Поэтому он пошел работать в полицию. Но там ему завязывали руки.

Открываются новые подробности жизни Волковых, о которых я и не догадывалась. Не была в курсе истинных причин ухода Стаса.

— Соня, ты вернула его к жизни, — неожиданное признание заставляет мое сердце замереть от удивления.

— Каким образом? — спрашиваю в недоумении. Ничего такого не совершала. Это Стас всегда был со мной рядом в трудные минуты, не давал мне сломиться.

— После трагедии он ушел в себя, перестал радоваться жизни, общаться с друзьями. Грусть и одиночество стали неотъемлемой его частью, пока он не встретил тебя, — Виктор Александрович, сам того не осознавая, раскрывает прошлое сына, к которому у меня не было доступа. Стасу не нравилось, когда я спрашивала о временах его юности. Он каждый раз отмалчивался, оправдываясь тем, что там нет ничего интересного.

— Стас впервые улыбнулся, когда рассказывал о чудесной девочке с большими зелеными глазами, в которых много силы и уверенности.

Слушаю о себе и непроизвольно радуюсь, представляя теплую искреннюю улыбку Стаса. Пока не решаюсь задать главный вопрос.

— Виктор Александрович, неужели я для него только как младшая сестра? — замираю в ожидании услышать ответ, который может причинить мне нестерпимую боль и обжечь своей правдой.

— Любишь его, — тяжело вздыхает человек, который читает меня насквозь, — сердце моего сына — сплошная загадка. Порой мне кажется, что он сам запутался и не знает, чего хочет.

— Вы тоже против моих чувств? — пытаюсь выведать, на чьей он стороне.

В последнее время возникает ощущение, что все вокруг в курсе, что происходит в моём сердце. Кажется, что только он не замечает настолько очевидных вещей.

— Я в отношении двух людей не полезу. Сами разберетесь.

За разговором время пролетает незаметно. За окном уже давно стемнело. Стаса до сих пор нет. Визит к бабушке знатно меня вымотал. Спрашиваю разрешения Виктора Александровича прилечь в зале на мягком диване до прихода Стаса. И незаметно засыпаю.

Снится какой-то кошмар. Стою в больнице, смотрю в окно уходящим в темный лес людям. Лиц разглядеть не могу, но почему-то барабаню по стеклу в надежде, что они меня услышат. Слезно умоляю вернуться. Но всё безрезультатно. Потом стою на кладбище напротив могилы мамы, припорошенной снегом, а рядом ещё две безымянные могилы. Тело охватывает паника и страх. Все эмоции на грани. Будто я натянутая струна, которая вот-вот лопнет. Из горла вырывается отчаянный вопль. Просыпаюсь. Сердце вырывается из груди. Водолазка пропиталась потом. Долго пытаюсь прийти в себя.

В квартире темно, только из щели кухонной двери на пол тонкой струйкой льется свет. До моих навострившихся ушей доносятся приглушенные мужские голоса.

На цыпочках иду к источнику звука. Собираюсь нарушить их идиллию, как слышу своё имя. Замираю, как заяц, почувствовавший опасность, и прислушиваюсь к разговору.

— Спит твоя Соня. Не беспокойся о ней. Она уже не маленькая девочка. Хватит с неё твоей братской опеки, ей совсем не это нужно. Только голову морочишь, — строгий голос Виктора Александровича заставляет меня вздрогнуть.

— Да всё я понимаю, пап. Вижу, что влюблена. Это у неё пройдет. Встретит хорошего парня, влюбится, замуж выйдет, — озвучивает свои предположения Стас. Голос у него странный. Кажется, выпил, вот всякую ерунду и несет.

— Ты и меня пойми, родной она стала за это время. Не могу я просто так взять и вычеркнуть её из своей жизни, — подытоживает сын.

Дальше слушать не собираюсь, тихо ухожу обратно в зал. Услышала достаточно, чтобы расстроиться. Ложусь обратно на диван и по кругу, как школьный глобус, прокручиваю услышанный разговор. Сыплю на Стаса ругательства, как матерый сапожник. Слишком умным себя возомнил, принимает решения вместо меня.

Бесконечные размышления прекращает воцарившаяся в квартире тишина. На телефонных часах ровно полночь. Все уже спят, а у меня сна ни в одном глазу. Долго лежу и смотрю в темный потолок. Плотные шторы на окнах не пропускают ни единой капли уличного света. В голове образуется пустота. Ни одной ясной мысли, только страстное желание пойти в комнату Стаса, понаблюдать за его сном, послушать его размеренное дыхание.

Подкрадываюсь к его спальне на ощупь. Она расположена рядом с кухней. Квартира у Волковых большая, трехкомнатная.

Фортуна сегодня явно на моей стороне. Стас не закрыл за собой дверь, значит, получится тихо прошмыгнуть в спальню. Бесшумно подбираюсь к кровати и сажусь ближе к изголовью, чтобы разглядеть его лицо в тусклом свете ночника, который забыли выключить.

Его мерно поднимающаяся грудь и тихое дыхание дарят покой. Мне нравится наблюдать за ним. Он восхитителен, будто скульптура Микеланджело: выразительные скулы, прямой нос, густые аккуратные брови, пухлые губы, серьга в правом ухе в форме маленького круга. Даже рваный шрам на левой щеке не портит его лицо.

До сих пор помню тот день, когда ему снимали швы после ножевого ранения. Стас смотрел в зеркало и переживал, что останется уродливый рубец. Прямо во время допроса преступник полоснул его по лицу. Как задержанный его туда пронес, так и осталось загадкой.

Осмеливаюсь дотронуться до теплой ладони Волкова и пропустить свои пальцы через его. У него и руки восхитительные, большие по сравнению с моими маленькими и худыми. Вздутые вены на тыльной стороне притягивают взгляд. У меня фетиш на мускулистые руки Стаса. Да что там руки, все тело.

Так и хочется забрать себе этого мужчину всего и без остатка. Навсегда, на веки вечные. Притянуть, приковать, не отпускать ни на шаг.

Никогда не ощущала нашей разницы в возрасте. Стас всегда вел себя со мной на равных, считался с мнением девчонки. Мы были хорошими друзьями, пока мои чувства не стали чем-то большим. В какой-то момент поняла, что Стаса, как друга мне мало. Испытываю постоянное желание прикоснуться к любимому. До безумия хочу поцеловать манящие, мягкие губы. Быть рядом с ним, насколько позволит ситуация. Мечтаю разделить с ним жизнь, чувства и мысли. Слиться в один организм, стать одним целым. Одно дыхание на двоих, одно сердце, бьющееся в едином ритме.

Не могу отказать себе в желании прикоснуться к нему. Выкраду и спрячу в самые дальние уголки своего сердца то малое, неосознанное, что он в силах дать мне в данный момент.

Нежно, слегка касаясь, веду подушечками пальцев по его пухлым губам. Стас ничего не чувствует, продолжает дальше спать под воздействием алкоголя.

Его состояние служит поводом смело исследовать прекрасное лицо дальше. Когда я ещё смогу так безнаказанно себя вести? Нужно брать от жизни всё, прямо здесь и сейчас. Стас никогда в здравом уме и светлой памяти не позволит моим бесстыдным рукам оказаться на его теле. Чувствую себя сумасшедшей маньячкой. Это всё он виноват. Понимаю, что если Стас сейчас проснется, может мне этого не простить. Рискую каждый раз, когда задумываю стать на шаг ближе к нему. В этом и заключается вся моя любовь. Одно неверное действие и я окажусь летящей в пропасть.

Волков откидывает тонкое голубое одеяло в сторону и остается с обнаженным торсом. К счастью, мужчина не просыпается. У меня перехватывает дыхание от его мускулистой груди, коричневых сосков и идеального пресса. Сердце стучит настолько сильно, что мешает мыслить здраво. Указательным пальцем медленно веду по центру грудной клетки, ниже к животу, упиваясь намеренным прикосновением.

Неожиданно мой объект исследования начинает тихо стонать. Глазные яблоки под закрытыми веками начинают бегать из стороны в сторону, словно у него горячка.

— Тише, тише, родной, всё хорошо, это только сон, — шепчу ему на ухо, стараясь успокоить.

— Отпустите её... Уляяя... неет, — кошмары прошлого не оставляют Стаса в покое.

— Милый мой, что же сделать, чтобы забрать твою боль? — задаюсь бессмысленным вопросом, потому что никто не даст правильный ответ. Смотрю на любимого, блуждающего в лабиринтах ужасающего прошлого, в которых изначально не было заложено выхода. Сердце сжимается, наблюдая за его агонией. Его боль становится моей. Одинокая слеза горечи прокладывает мокрую дорожку вниз по щеке. Быстро смахиваю её, ведь я сильная и никогда не плачу. Хотя, кого пытаюсь обмануть? Рядом со Стасом становлюсь слабой и беззащитной.

Кладу свою горячую ладонь на его прохладную обнаженную грудь, туда, где раненой птицей бешено бьется сердце. Дыхание постепенно выравнивается, а сердце находит покой под моими согревающими любовью руками. Тревожное состояние покидает его, оставляя за

собой безмятежный сон. Приходит и мое время покинуть это место. Оставляю после себя лишь вмятину на кровати и следы от слез. Уже подходя к двери, с щемящей душу грустью желаю ему спокойной ночи и замираю. О том, что собираюсь сейчас сделать, буду думать завтра.

Быстрым шагом дохожу до его кровати, решительно наклоняюсь к ничего не подозревавшему Стасу и припадаю к его губам в долгожданном, будоражащем разум поцелуе. Действую неумело, как могу. Провожу горячим языком по его сладким губам. Неожиданно Стас начинает мне отвечать. Невинный поцелуй резко перетекает в страстный. Ураган желания уносит меня в другую вселенную. Его умелые движения дарят мне неслыханное наслаждение. Наши языки действуют в едином ритме. Эмоции накрывают, как мощная лавина. Я уже не я. Меня нет. Упиваюсь им, его лаской, чувственностью и не могу напиться. Жажда только усиливается.

Издали слышу чей-то приглушенный стон и вздрагиваю, понимая, что источником звука являюсь сама. Отрываюсь от его губ и начинаю глубоко дышать, стараясь утихомирить разбушевавшийся орган, качающий кипящую кровь.

Поднимаю глаза на Стаса, боясь увидеть на его лице отвращение или разочарование. Но он продолжает тихо посапывать. Черт. Даже не знаю, что лучше? Чтобы он ничего не помнил или устроил мне взбучку.

Его упрямый разум не принимает меня как желанного человека. Но тело говорит совсем о другом. Оно признает во мне не просто женщину, а желанную женщину.

Все-таки дохожу до зала, где сегодня остановилась, и камнем падаю на диван, пребывая в легком шоке от сегодняшней ночи и своего безрассудного поступка. Но не испытываю при этом и капли раскаяния. Новое бесценное воспоминание решаю закрыть на замок в своем сердце, а ключ выбросить в бездонное море. Стас никогда о нем не узнает.

POV Стас

Прихожу домой ближе к полуночи. Квартира встречает мертвой тишиной. Только на кухне горит свет. Отец до сих пор не спит. Предполагаю, что опять зачитался детективных историй, которых у него целая библиотека.

Включаю свет в прихожей и спотыкаюсь о белые Сонины кроссовки. Аккуратно убираю их на полку. Обещал девчонке, что отвезу домой, но не смог приехать раньше. В последний момент пришел старый армейский друг, с которым не виделась много лет. Допоздна сидели, вспоминали прошлое, помянули общего товарища.

Проходя мимо зала, замечаю маленькую спящую красавицу. Тусклый свет из прихожей падает на худенькое тельце, свернувшееся в позу эмбриона. Длинные каштановые волосы раскинулись по всей подушке.

Во сне Сонька смешно морщится. Ухмыляюсь. Совсем ещё ребенок. Будто совсем и не выросла со дня нашей первой встречи. Никогда не забуду её большие зеленые глаза, как у олененка, наполненные чувством потери. Чем-то напомнила мне мою Ульянку. Сразу же захотелось спрятать её и защитить от этого жестокого мира. Сам не заметил, как эта маленькая девчушка стала неотъемлемой частью моей жизни.

Сильная жажда вырывает меня из воспоминаний далекого прошлого. Иду на кухню за холодной водой.

— Привет, пап, — отвлекаю отца от чтения.

— Привет, сын. Есть будешь?

— Нет, спасибо. Я не голоден.

Подхожу к фильтру и наливаю полный стакан воды. Выпиваю залпом. Удовольствие от обычной безвкусной жидкости растекается по всему телу. Так, пора окончательно завязывать с алкоголем и не поддаваться ни на какие провокации друзей.

Отец всё это время внимательно наблюдает за моими действиями и, видимо, хочет что-то сказать.

— Садись, разговор есть, — папа не подводит мои ожидания. Отодвигаю стул и сажусь напротив серьезно настроенного собеседника.

— Я вот о чем поговорить хотел. Если ты не заметил, Соня уже давно выросла. Она уже не маленькая девочка. Хватит с неё твоей братской опеки, ей совсем не это нужно. Только голову морочишь.

Направление нашего с отцом разговора совсем мне не нравится. Тоскливо и погано становится на душе.

— Да всё я понимаю, пап. Вижу, что влюблена. Это у неё пройдет. Встретит хорошего парня, влюбится, замуж выйдет, — говорю с полной уверенностью, что подростковая влюбленность обычно долго не длится, — ты и меня пойми, родной она стала за это время. Не могу я просто так взять и вычеркнуть её из своей жизни.

— Ох, Стас, не знаю. Слишком серьезно она настроена по отношению к тебе, — отец тяжело вздыхает, давая понять, что сомневается в моих словах. Да я и сам иногда пугаюсь Сонькиного напора. Всё же надеюсь, что эти чувства скоро пройдут.

На этом подытоживаю разговор с отцом и отправляюсь спать. Жутко устал.

Снится очередной бесконечный кошмар. Вижу, как бандиты в черных масках снова и

снова вырывают из моих рук Улю и увозят в неизвестном направлении. Бегу за автомобилем похитителей и ору, как сумасшедший, чтобы они остановились. И в очередной раз не могу их догнать. Безысходность, как снежная лавина, накрывает с головой, не давая и шанса сделать спасительный вдох.

Но неожиданно картинка сменяется. И я оказываюсь на берегу моря. Становится тепло и хорошо. Навстречу по горячему песку бежит Сонька в белом длинном платье. Её ослепительная улыбка заставляет улыбнуться в ответ и забыть кошмарное прошлое. Она выглядит намного старше. Иду навстречу и захватываю несопротивляющееся тело в плен крепких объятий. На что девушка заразительно начинает смеяться. Тело прошибает током от бесконечной любви, которая, как изумрудное море, плещется в её глазах.

Сонька отрывает свой взгляд от меня, закрывает свои прекрасные глаза и припадает к моим губам. Она действует аккуратно, нежно, невинно. Неожиданно для себя отвечаю на её сладкий поцелуй и получаю удовольствие. Мягкие податливые губы сводят с ума. Притягиваю девушку ближе и углубляю поцелуй. Слышу довольный стон, который разжигает огонь внутри. Просыпаюсь.

В комнате по-прежнему темно, тихо и пусто. Сердце гулко стучит, готовое разорвать ребра. Приснится же такое. Чувства от поцелуя во сне кардинально отличаются от чувств, которые испытываю в реальности. Кроме отвращения к самому себе ничего не осталось. Да если бы я увидел, что мою Соньку целует здоровый тридцатидвухлетний мужик, вмазал бы ему по первое число. Гоню прочь от себя это наваждение. Всё из-за разговоров отца. Необходимо запрятать этот сон и никогда не доставать из глубин памяти.

Воскресное утро встречает звуками гроыхающей посуды и ароматными запахами фирменных оладушек Виктора Александровича. Иду умываться в ванную, по пути пожелав доброго утра главному повару.

В зеркале ванной комнаты отражается нечто похожее на человека. Бессонная ночь принесла свои плоды в виде синяков под глазами. В последнее время непослушный организм отказывается спать.

Холодная вода немного приводит меня в чувство, проясняет затуманенный разум. Чашка крепкого кофе была бы очень кстати, поэтому сразу направляюсь в сторону кухни.

— Виктор Александрович, а где у вас кофе? — уточняю, поочередно открывая дубовые дверки кухонных шкафов, висящих над мойкой.

— Справа от тебя, сахар там же, сливки в холодильнике, — любезно уточняет заботливый мужчина, который за шесть лет знакомства запомнил мои предпочтения в еде и напитках.

— Спасииибо, а Стас еще спит? — решаю морально подготовиться к нежелательной встрече. После вчерашних событий нужно прийти в себя, разобраться в хаосе чувств. Что-то безвозвратно изменилось во мне, но пока не понимаю, что именно.

— Поехал в районный суд по срочному делу, — сообщает приятные новости Виктор Александрович, — просил его дожидаться. Хотел отвезти тебя домой.

— Я сама доеду, до метро же недалеко. И погода сегодня замечательная, солнечная, — говорю с важным видом, медленно помешивая сахар в кружке Волкова младшего. Жизненно необходимо поскорее смыться отсюда.

— Как скажешь, молодая госпожа. Только сначала поешь, — соглашается с моим решением человек, готовящий самые вкусные оладьи в мире.

Домой добираюсь ближе к обеду. Квартира встречает пустотой и одиночеством. Лишь мерное тиканье настенных часов нарушает благодатную тишину в доме.

Сразу же сажусь за уроки. Не за горами ЕГЭ и поступление в вуз. Уже выбрала несколько учебных заведений, выпускающих прекрасных педагогов. Решила пойти по стопам бабушки. Мне нравится преподавать, люблю точные науки. С ними у меня никогда не бывает проблем, всегда найдется верное решение, даже если это займет некоторое время.

В жизни же всё наоборот. Чем дольше ищешь ответ, тем больше запутываешься и уже перестаешь понимать, где правда, а где ложь, в каком месте ты допустил ошибку и как её исправить.

За уроками не замечаю, как тьма окутывает город. Если бы не звонок Стаса, так и заснула бы за учебниками. Поинтересовался, как я добралась, и извинился за то, что вчера так и не увиделись. Он в последние месяцы часто пропадает на работе. Мы стали видеться намного реже. Я по нему скучаю.

Невольно в памяти всплывает наш вчерашний упоительный поцелуй. Свежие воспоминания будоражат сознание. Сердце начинает выдавать барабанный ритм. Непроизвольно касаюсь пальцами губ, активно участвовавших в этом беспределе.

И теперь понимаю, что убедилась в своих чувствах окончательно. Никогда не смогу разлюбить, как бы он не просил. Отпустить тоже не смогу. Жизнь без него равносильна смерти.

Плохо помню времена, когда Волкова ещё не было в моей жизни. После гибели мамы события прошлого размылись, стали блеклыми. Сохранились лишь некоторые воспоминания, совсем незначительные, пустые. Психолог сказал, что так мой организм защитился от трагедии. Драгоценные моменты детства, напоминавшие об утрате, были стерты навсегда. Но Стас с бабушкой заполнили пустоту памяти новыми счастливыми эпизодами. Они самые близкие и дорогие для меня люди, без которых я не представляю своей жизни.

От долгих размышлений начинается головная боль. Принимаю таблетку парацетамола вместо ужина и иду спать. Завтра меня ждет ранний подъем в школу.

Так быстро летит время, но так мало успеваешь что-то сделать. На календаре уже 31 марта. Не могу поверить, что через три недели наступит день, который я так долго ждала. Моя соседка по парте того же мнения:

— Сонь, не могу дождаться, когда тебе тоже исполнится восемнадцать, и мы вместе сможем тусить в клубах, — шепчет Настя, чтобы не привлекать внимание учителя физики, занятого объяснением нового материала.

— Ага, я тоже, — соглашаюсь с подругой. Только мои цели совсем иные. Ночные клубы, как и выпивка, мне абсолютно не интересны. Меня заботит только один человек. А совершеннолетие дает мне право действовать в рамках закона, который так чтит Стас. У него больше не будет возможности ссылаться на несовершеннолетний возраст, хоть и не в этом заключается основная проблема.

— Ты уже решила, где будешь отмечать? — продолжает дальше отвлекать от урока Настя.

— Нет ещё, как только бабушку с больницы выпишут, подумаю, — кажется, говорю слишком громко, потому что учитель шикает в нашу сторону. Замолкаем. Делаем вид, что внимательно слушаем урок. Но незаметно от педагога продолжаем обмениваться сообщениями на бумаге.

Обычно я внимательна и усидчива, но сегодня нет настроения учиться. Не получается сосредоточиться. Что-то тревожно мне, будто должно случиться нечто неотвратимое.

Незаметно пролетают три урока, после которых идем в столовую, расположенную на первом этаже трехэтажной школы. Не чувствую голода, но понимаю, что надо поесть, учитывая, что не ужинала и не завтракала. Иначе после выписки бабушки придется увозить меня с истощением организма.

Беру пюре с котлетой и какао с батончиком Твикс. Настя же считает, что ограничивать в еде себя ни в коем случае нельзя, поэтому набирает полный поднос. И первое, и второе блюдо, на десерт — большой сладкий пирожок. И куда в неё, такую тощую, всё лезет.

Усаживаемся за стол и приступаем к еде. Подруга молчит до тех пор, пока не замечает кого-то за столиком напротив и кивает в ту сторону.

— Кто там? — шевелю губами, не издавая ни единого звука. Настя всё понимает.

— Кирилл Киселев, — также беззвучно отвечает подруга.

Парень, от одного имени которого мне становится отвратительно и мерзко. Украдкой наблюдаю за ним и ловлю ответный изучающий взгляд. Подмигивает мне, а потом что-то говорит друзьям и смеется. Чего он здесь забыл? В последнее время Киселёв редко появляется в школе, перевелся на домашнее обучение.

— Опять тебя доставать будет, урод. Давай всё расскажем Стасу, пусть все кости ему переломает, — бросает в его адрес ругательства защитница с острым языком.

— Нет, и это не обсуждается. Сама разберусь, — довольно строго отвечаю Насте, на что она вздрагивает, но не обижается, понимает, что я не специально.

Не буду вмешивать в это дело Волкова. У него и без меня забот полно. Хочу доказать сама себе, что достаточно взрослая, чтобы впредь самой решать свои проблемы. А не бежать сломя голову за помощью к Стасу, лишний раз подтверждая, что я беззащитный ребенок.

— Пойдем отсюда, — зову подругу, желая быстрее убраться от этого чудовища

подалее.

Но глупый план с треском проваливается, потому что на выходе меня уже ждет Кирилл. Подхватывает за локоть и уводит в подсобное помещение под лестницей, которая оказывается не запертой.

Успеваю лишь крикнуть Насте, чтобы позвала классную руководительницу. Она уж точно поможет и никому не проболтается, если попросить.

Похититель заводит меня в темную небольшую комнату, заставленную предметами для уборки. Включает свет и закрывает дверь на ключ. Вот зараза, заранее подготовился. Тут практически нет свободного места, приходится стоять в опасной близости, чуть ли не нос к носу с ним.

— Слушай, Кирилл, перестань меня преследовать, — начинаю разговор в спокойном тоне, стараясь не разозлить его.

— Не хочу. Может, ты мне нравишься, принцесса, — нагло заявляет мне прямо в лицо.

От него сильно разит сигаретами. Начинает мутить от неприятного запаха и духоты. Здесь нет окон и вентиляции.

— Ты поэтому заключил отвратительный спор со своими глупыми друзьями, что переспишь со мной? Хотел проверить, целка я или нет. Так по твоему поступают люди, которые испытывают симпатию? — выплевываю обвинения в невозмутимую рожу.

До сих пор в голове не укладывается, как такая мысль вообще могла зародиться. Я, конечно, понимаю, у богатых свои причуды, но это уже перебор. Хорошо, что меня предупредила одна девушка из его компании. У неё с совестью, видимо, нет проблем.

— Это была ошибка. Я же перед тобой извинился, — смотрит в глаза и ни капли не раскаивается.

— Хватит лапшу на уши вешать. Выпусти меня, мне плохо! Воздуха не хватает, — пытаюсь вразумить идиота напротив.

Где же Настю носит? Киселёв же меня съест сейчас. Глазами пожирает, как дикий зверь. Он, конечно, высокий, стройный, да ещё и богатый, но все это не может перевесить чувство ненависти к нему и заставить простить. Воротит от его поступков.

— Так давай я тебе помогу, поделюсь своим, — поступает предложение, от которого меня сейчас точно стошнит.

Парень наклоняется вперед, и тут раздаются спасительные удары по двери. Наконец. Выдыхаю с облегчением.

— Кирилл Киселев, немедленной откройте дверь, иначе я буду вынуждена сообщить родителям о вашем неприемлемом поведении! — раздается угрожающий расправой голос классной руководительницы.

— Я с тобой ещё не закончил, — кидает напоследок похититель, открывает дверь и уходит.

За ним спешит учитель, что-то разясняет. Но меня это уже не волнует. Пусть разбирается с этим психопатом сама.

— Ты в порядке? — озабочено спрашивает спасительница.

— Да, всё хорошо, но лучше домой пойду. По пути забегу в больницу.

Прогуливаю последние три урока и иду навестить бабушку, но к ней не пускают. Сообщают, что её состояние ухудшилось, и посещения на сегодня запрещены.

Выхожу из больницы и не знаю, что думать. Врачи ничего толком не объяснили. Ей стало хуже. Но почему? Неужели из-за того разговора. Я была довольно резка, защищая свои

чувства, о чем сейчас сожалею. Хотела извиниться за своё поведение.

Довольно долго брожу по Московским улицам. Ноги начинают дрожать от усталости. Пора идти домой, да и телефон разрядился. Но понимаю, что абсолютно не хочу возвращаться в пустую квартиру. Без неё там так одиноко. Нет запахов вкусной еды, доносящихся с кухни. Нет шаркающих шагов и уютных вечерних посиделок за чашкой ароматного чая. Нет её бесконечного ворчания. Ничего нет.

Захожу домой уже под вечер, замерзшая и голодная, с одним единственным желанием — встать под горячие струи воды и смыть в канализацию весь тяжелый груз сегодняшнего дня. Только это не помогает, приносит лишь видимое облегчение. После душа захожу в бабушкину комнату и поудобнее устраиваю своё уставшее тело в кресло-качалку. И его убаюкивающие движения тотчас отправляют меня в царство морфея, где все, уставшие и угнетенные реальностью, находят временный покой.

Кто-то тормозит меня за плечо. Это во сне или наяву? Я же должна быть в квартире одна. Значит, сон. Прихожу к логическому ответу. Однако этот некто продолжает пытаться разбудить меня.

— Соня, проснись! — будто сквозь толщу воды доносится до боли знакомый голос.

— Стас? Что ты здесь делаешь так поздно? — от удивления окончательно просыпаюсь и встаю с кресла.

— Почему твой телефон не доступен? — злится Волков. А в глазах проскакивают искры страха. Не понимаю, что случилось, он обычно себя так не ведет.

— На зарядку поставить забыла. А что? Что-то с бабушкой случилось? — начинаю нервно искать свой телефон. Вдруг звонили из больницы. Стас просто так среди ночи не сорвался бы ко мне.

— Соня, не мельтеши, пойдём на кухню, — игнорирует мой вопрос и строгим тоном приказывает, что мне делать. Послушно повинуюсь и иду вслед за ним. Стас включает свет и усаживает меня за стол. Достает аптечку из верхней полки навесного кухонного шкафа, который мы с бабушкой купили в прошлом году. Что-то там ищет и находит. За его широкой спиной не вижу, что происходит дальше.

— Пей, — ставит на чистую поверхность стола мою любимую кружку, до половины наполненную водой, от которой несет валерьянкой. Хочу возмутиться, однако ловлю его требовательный серьезный взгляд и понимаю, что лучше выпить. В три глотка поглощаю всё содержимое кружки и недовольно морщусь от неприятного привкуса настойки. Не переношу этот аптечный препарат.

— Соня, послушай меня внимательно. Сейчас ты собираешь вещи и на некоторое время едешь жить ко мне, — удивляет который раз за один вечер незванный посетитель.

— Зачем? Что происходит? Ты можешь мне нормально объяснить?

Любимый тяжело вздыхает и садится на стул рядом со мной. Берет мои холодные ладони в свои горячие руки и крепко сжимает. Его лицо выражает одновременно гамму эмоций: боль, страх, безысходность. Копирую их. Интуитивно понимаю, что случилось что-то страшное. И Стас всего несколькими словами, сказанными шепотом куда-то сквозь меня, разбивает сердце на сотни осколков.

— Аглая Тимуровна умерла сегодня вечером.

Похороны проходят как во сне. Не понимаю, куда бреду, что мне делать, как жить дальше. В голове нет ни одной ясной мысли. Всё размыто, разбросано, уничтожено. Ничего не осталось, кроме бесконечной боли и тоски, которые огромными лапами зажали меня в плотные тиски и высасывают остатки моей никчемной жизни.

Стас всё время рядом. В ту же ночь забрал к себе. Надолго одну не оставляет. Слушает мои судорожные рыдания по ночам на своей груди и бесконечно утешает.

Всю подготовку к похоронам взял на себя Виктор Александрович, за что я ему безмерно благодарна. Сама не в состоянии что-либо сделать. Бабушку хоронят рядом с мамой.

На кладбище собралось много людей. Мы со Стасом и Настей приехали последние. Не хотела видеть, как родного человека закрывают в гробу и погружают в вечную тьму. Подруга была согласна со мной.

Среди столпившегося народа замечаю Дмитрия Пономарева, правую руку и друга Стаса, одного из его лучших ищек. Они со Стасом одного возраста, в прошлом вместе работали в полиции. Дима найдет кого угодно и где угодно, добудет любую информацию. Так получилось, что мы с ним сблизились и стали хорошими товарищами.

Никого больше не узнаю, кроме соседей и бабы Тони, лучшей подруги бабушки ещё со времен юности. Родственников у меня больше нет. Среди собравшихся в основном её бывшие ученики и их родители.

Кругом скорбные лица и горькие рыдания. Я же стою молча. Не осталось ни единой слезы. За прошедшие три дня всё выплакала без остатка. Осталась лишь пустая оболочка.

Люди начинают расходиться. Кто-то подходит и приносит свои соболезнования. Через силу киваю в знак благодарности за поддержку. Правда лучше от этого не становится. Никакие слова не залечат боль души.

В какой-то момент со Стасом остаемся одни. Вместе подходим к могилам, кладем на черную землю белые хризантемы. Стас дает время попрощаться с бабушкой и мамой, уходит в сторону выхода.

— Ба, прости меня, — единственное, что могу вымолвить в данный момент. Не могу забыть наш неприятный последний разговор.

— Прости, что наговорила всяких глупостей, заставила нервничать. Повела себя как дура, — изливаю слова, которые она должна была услышать при жизни. Если бы знала, что такой конец нас ждёт. Каждое необдуманное действие несет за собой наказание. Моё же — испытывать вину до конца жизни за брошенные в порыве гнева фразы, которые ранили её и так больное сердце.

— Надеюсь, вы теперь вместе в лучшем мире, — бросаю последний взгляд на пристанище родных. Не могу больше здесь находиться.

Стас ждет около машины. Замечает меня и бросает сигарету в урну неподалеку от нашего места стоянки. Кидаюсь в родные объятия, которые дарят временное утешение. Самый лучший в мире мужчина крепче сжимает изнывающее тело, притягивает к себе.

Стас в последнее время мало о чем говорит. Прекрасно понимает, что не существует таких слов, которые могли бы меня утешить. Вместо этого молча дарит теплоту и внимание, просто находится рядом со мной.

Садимся в автомобиль и едем домой. Настя и Виктор Александрович уже должны быть

в столовой на поминках. Туда я тоже решила не ехать. Не хочу слушать трагические речи, как было на похоронах мамы.

Смотрю сквозь прозрачное стекло машины на хмурое серое небо, под стать сегодняшнему дню. Погода будто чувствует моё состояние, подстраивается под угнетающие эмоции.

Прокручиваю в голове события последних дней, и с новой силой накатывает боль утраты, которая не проходит безболезненно. Лгут те, кто говорит, что время лечит. Время не лечит, только заглушает боль, при этом оставляет глубокие шрамы.

Сегодня похоронила ещё одну часть моей души. Остался только Стас. Если и его не будет в моей жизни, израненное сердце перестанет биться.

— Стас, обещай, что никогда не оставишь меня, всегда будешь рядом?

— Обещаю, — уверенно говорит водитель, отрываясь на секунду от дороги и направляя всё внимание на меня.

С благодарностью смотрю в ответ. Нет больше на всем белом свете никого ближе, чем он. Этот мужчина настолько глубоко пророс в моем сердце, что придется меня убить, чтобы выкорчевать сильные чувства, которые испытываю к нему.

Держу в руках красный аттестат об общем среднем образовании и пытаюсь натянуть улыбку. Рядом стоит Настя с букетом цветов и позирует на камеру на фоне фасада школы. Вот и всё. Прощай, альма-матер. Позади успешно сданные обязательные экзамены и последний звонок.

Мой взгляд привлекает красивый мужчина у ворот школы в идеально выглаженном черном костюме в сочетании с темно-синей рубашкой. Не зря вчера целый час возилась с его вещами.

Стас несет два огромных букета алых роз и большого белого мишку. Ещё один в мою и так большую коллекцию, но я не против. Ищет нас в толпе. Машу рукой, чтобы облегчить ему задачу. Активные действия не остаются незамеченными.

— Привет, красавицы! Поздравляю с окончанием школы, — вместе с поздравлением Стас вручает нам по шикарному букету, а мне дополнительно достается большой пушистый друг.

— Спасибо, — шепчу в ответ. Настя же визжит от восторга и рассыпается в благодарностях.

— Сейчас же сделаю снимок и выставлю в VK, — с этими словами моя подруга куда-то исчезает.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает Стас, замечая моё паршивое настроение.

— Нет, домой хочу. Увези меня из этого табора довольных и счастливых лиц, — с мольбой в глазах прошу выполнить мою просьбу. Чувствую себя белой вороной среди этого праздника жизни. Понимаю, что это неправильно. Но по-другому пока не получается. Привычная жизнь остановилась пару месяцев назад и ни как не запустится.

Стас без лишних слов уводит меня на стоянку, где припаркована черная Мазда. Мы садимся в машину и выезжаем с территории школы в сторону дома.

Пока едем, вспоминаю тяжелые два месяца после похорон. Не смотря ни на что, нужно было взять себя в руки и сдать экзамены, оформить социальную пенсию, сдать квартиру, оставшуюся мне от бабушки, потому что жить в ней стало не выносимо.

Хотела на полученные деньги снять другое жилье, но Стас был против и предложил переехать к ним, а деньги за квартиру оставить себе. Я согласилась только с одним условием, что за содержание буду платить сама. Не хотела обременять его ещё больше. Хорошо, что на тот момент мне было уже почти восемнадцать, и я избежала приюта.

В течение апреля перебралась к Волковым. Виктор Александрович не возражал. Стас помог с квартирой и документами. В свою очередь, полностью погрузилась в учёбу, чтобы ни о чем больше не думать. На кладбище больше не ездила.

Домой доезжаем довольно быстро, без пробок.

Как только выходим из машины Стасу звонят, и он отходит поговорить. В последнее время его поведение изменилось. Что-то скрывает от меня, часто не ночует дома, каждый раз отлучается позвонить кому-то. В душе поселяется нехорошее предчувствие, но я его прогоняю. Мне и без всяких неподтвержденных подозрений забот хватает.

Пока жду Стаса, вспоминаю о Насте, которую оставила, не предупредив. Пишу СМС чтобы не искала.

Стас заканчивает короткий разговор и подходит ко мне. Протягивает небольшую связку

ключей, забытую мной с утра в другой сумке.

— Ты не поднимешься? — думала, что у него сегодня выходной.

— Нет, мне нужно отъехать по делам, — разочаровывает любимый. Хотела провести с ним сегодняшний день, прогуляться в Сокольниках, покормить лебедей. Но засовываю свои хотелки куда подальше и киваю в знак понимания.

— Кто тебе звонил? — не могу сдержать своё любопытство, о чем жалею.

— А ты знаешь, что любопытной Варваре на базаре нос оторвали? — отшучивается Стас, не желая мне отвечать. Он так делает только в одном случае. Когда хочет скрыть правду, а врать не умеет. И вообще ненавидит ложь в любом проявлении.

— Знаю, — огрызаюсь в ответ. Он только смеется.

— Ладно, поднимайся в квартиру и не забудь поесть, — добивает меня своим заботливым тоном, не давая даже немного позлиться.

— Не маленькая, сама разберусь, — показываю ему язык и бегу к дому.

— Какой же ты ещё ребенок, — слышу в след, уже забегаю в подъезд.

— Ничего я не ребенок. К тому же уже совершеннолетняя, — бубню себе под нос, быстрым шагом добираясь до третьего этажа.

Не замечаю, как пролетает лето. Близится сентябрь. Документы уже давно поданы, и мы с Настей, как и мечтали, поступили на свои специальности. Через два дня начинается учёба.

Жизнь постепенно возвращается в прежнее русло, только без бабушки. Порой хочется выть от отчаяния, но стараюсь держать себя в руках. Ей не понравилось бы, что я так мучаю себя.

Как-то давно она сказала, что мы все внезапно смертны. Смерть-это часть бытия. А может начало чего-то большего. Живым нужно смириться и продолжать идти дальше, потому что жизнь не останавливается.

И я двигаюсь дальше, заполняя своё время хлопотами по дому, временной летней подработкой в кафе, занятиями в фитнес зале, куда меня записал Стас, походом в библиотеку, редкими встречами с Настей. После переезда и окончания школы мы реже начали видаться.

Стас по-прежнему пропадает на работе, часто ночует вне дома. Мы с Виктором Александровичем в основном вдвоем. Меня наконец-то подпустили к кухне. К сожалению, готовить я так и не научилась.

Просмотр детективных фильмов по вечерам становится своеобразной традицией. Отец Стаса часто рассказывает смешные истории из детства сына. На что каждый раз умиляюсь тому, каким милым ребенком он был. При этом стараюсь не подавать вида, что замечаю боль в его глазах, проскальзывающих каждый раз при случайном упоминании Ули. О ней он предпочитает молчать.

Мы заполняем пустоту и одиночество друг друга совместными посиделками. С каждым днем всё больше привязываюсь к этой семье. Лучше узнаю Волкова старшего. Да и он ко мне, видимо, тоже привыкает.

Мысли о бабушке в последнее время всё реже посещают меня. Уже не так больно вспоминать, как она готовила мне по утрам полезные завтраки, давала дельные советы, с любовью ворчала, если я делала что-то не так. Моё застывшее сердце начинает оживать. Чувствую, что вновь могу спокойно дышать.

Утро 1 сентября выдается довольно суматошным. Не знаю, как так получилось, но мы с Виктором Александровичем дружно проспали.

Меня разбудил звонок от Насти, которая бодрым голосом сообщила, что вечером мы идем в кафе праздновать начало обучения и это не обсуждается. На что я неохотно согласилась.

Выход в свет для меня всегда был целым приключением. Приходилось несколько часов подбирать красивую, но при этом удобную одежду. Тысячу лет рисовать идеальные стрелки, а порой вообще идти без макияжа, потому что руки не из того места растут. Это не моя стихия: модные шмотки, современный мейк. Настя в этом лучше разбирается. Я же поклонница натуральной красоты. Тем более внешность позволяет. Мне нравится моя светлая чистая кожа и легкий естественный румянец, не тронутый косметикой.

И вот стою на линейке вся красная и запыхавшаяся, слушаю речь ректора, которая удачно проходит мимо моих ушей, и в сотый раз проклиная будильник, который не сработал.

Праздник довольно быстро заканчивается, и кураторы разделяют толпу студентов по

кабинетам для дальнейшего знакомства. Нас в группе оказывается 28 человек, в основном все девочки. Кураторы проводят для нас игры на сближение.

Даже не подозревала, что это может быть так весело. Смех действительно объединяет людей. Становится уютно в компании новых лиц, и на время я забываю о своей потере.

Через полтора часа нас отпускают. Быстро добираюсь до кафе с интересным названием «Мирабилис» в котором мы договорились встретиться с Настей. Успеваю ровно к назначенному времени. Моя пунктуальная подруга уже ожидает меня.

Порой удивляюсь, как в одном человеке могут уживаться такие различные черты характера. Обычно она ведет себя взбалмошно и сумасбродно, не знаешь, чего ожидать. Но когда нужно, становится серьезным, ответственным человеком. Воистину, врач в белом халате с огромными медвежьими лапами. Почему то именно этот эпизод из прошлого всплыл в моей голове, когда я ещё искренне могла радоваться жизни.

За нескончаемой болтовней Насти время пролетает незаметно. Начинаю чувствовать усталость и легкую головную боль. Сегодня выдался явно непривычно-эмоциональный день для моего организма.

Прощаюсь с огорченной моим спешным уходом подругой и собираюсь домой. Ловлю проезжающее мимо свободное такси. Нет сил ехать в общественном транспорте. Довозят быстро, чудесным образом объезжая пробки. Дома оказываюсь за двадцать пять минут.

В прихожей темно. Включаю свет и нахожу глазами неожиданный сюрприз. На обувной тумбе лежит букет разноцветных Гипсофил в голубой оберточной бумаге, а рядом маленькая черная бархатная коробочка с неизвестным содержимым. Из цветов торчит небольшая розовая открытка. Незамедлительно беру её в руки и на обратной стороне читаю текст, написанный ровным размашистым почерком:

«Дорогая Соня, поздравляю тебя с первым учебным днем в университете. Знаю, что ты с успехом пройдешь этот путь до конца. Я в тебя верю. Стас».

Бережно откладываю открытку в сторону, будто это самое дорогое, что у меня есть. Затем открываю бархатную коробку. От предмета, лежащего в ней, перехватывает дыхание.

Глубоко вдыхаю, когда достаю золотую цепочку с удивительной красоты подвеской в виде птицы Феникс. Мифологическое существо гордо раскинуло в одну сторону свои крылья, а в клюве держит незнакомый камень в форме сердца под цвет моих глаз.

Неизвестно откуда взявшаяся слезинка скатывается по щеке, даря губам солоноватый вкус.

— Стас, спасибо, — шепчу в пустоту квартиры, изумленная подарком. Дома никого нет. Иду в свою комнату и начинаю безудержно рыдать, не выпуская из рук драгоценный подарок от любимого человека.

Это подвеска будто говорит мне: «Соня, пора оставить прошлое и возродиться вновь».

Окончательно рушатся барьеры холодности и отрешенности, которые я выстроила после известия о смерти бабушки. Отстранилась от всего мира и от Стаса. Боль заглушила все мои человеческие чувства и даже притупила любовь. Думала, что осталась одна наедине со своим горем, но сильно ошибалась. Вокруг меня всегда были люди, которые без слов поддерживали, любили и окружали заботой.

Мы со Стасом отдалились друг от друга в последние месяцы. Я скучала по нему, но в тоже время не особо интересовалась, где мой мужчина и чем занят. Не задевало, что он не ночует дома. Прежняя Соня рвала бы и метала, выясняя всё это. Продолжала бы добиваться взаимности. Ведь мама учила, что за своё надо бороться. Но та Соня решила похоронить

лучшую часть себя вместе с бабушкой. И стала безликой.

Прихожу в себя, когда слышу голоса в квартире. Резко привожу себя в порядок. Расправляю черную расклевенную юбку, заправляю в нее вылезшую бледно-розовую блузку, но скрыть опухшие слезы не удастся. Выхожу встречать двух дорогих мужчин в таком виде, какой есть.

Сразу же ловлю на себе пару прекрасных голубых глаз, в которых проскакивает беспокойство.

— Что случилось? Почему ты плакала? — чуть ли не вторят друг другу отец с сыном.

— Всё хорошо, это от счастья, — кидаюсь к ним в объятия, — спасибо, что вы у меня есть, — уже тише произношу слова благодарности. Они лишь крепче обнимают в ответ. Мужчины в этой семье редко проявляют свои чувства словами. Они показывают их делами.

— А где вы были?

На мой вопрос отец с сыном расцепляют руки и показывают на пакет с тортом из моей любимой кондитерской, который я и не заметила в руках Стаса.

— Ну что, молодежь, пойдете пить чай, хватит тут обжиматься, — делает серьезный вид отец семейства, при этом глаза счастливо улыбаются.

— Так точно, товарищ Волков, — негромко кричит Стас в след отцу, который уходит с тортом на кухню.

— Можно тебя на секунду? — зову Стаса в комнату, чтобы поговорить наедине. Он кивает в знак согласия.

Закрываю за нами дверь и, не думая, запрыгиваю на Стаса, скреживая свои длинные ноги о его талию. Прислоняю вмиг потяжелевшую голову к его ключицам, вдыхаю давно забытый любимый аромат апельсиновой цедры с ноткой бергамота. Как же сильно я соскучилась по нему.

Стас от неожиданности чуть ли не падает, подхватывает меня за ягодицы и прислоняется к двери, но не отпускает. Чувствую, как напрягается его тело.

От его запаха крышу сносит напрочь. Нет ни одной ясной мысли в голове, только первобытные инстинкты заполучить желаемое. Не могу удержаться и целую его в шею.

Мужчина, застигнутый врасплох, резко опускает меня на пол и отстраняет от себя на расстоянии вытянутой руки.

— Что это сейчас было? — шипит сквозь зубы, явно разозленный моим поведением.

— Благодарность, — бросаю в лицо и отворачиваюсь от него к окну. На улице такая прекрасная солнечная погода, не то, что атмосфера холодности, которая выросла между нами за доли секунды.

— Благодарность? — переспрашивает Стас и разворачивает к себе, больно схватив за руку.

— Ты на всех мужиков вешаешься с поцелуями в качестве благодарности? — злость не утихает в его взгляде. Вот теперь становится обидно. Нет ни одного мужчины в мире, кроме него, кого касались мои губы.

— Нет, ты единственный был и есть, — даю честный ответ, не отрываясь от любимых голубых глаз. Он еще о нашем страстном поцелуе ничего не помнит.

— Bravo, — хлопает в ладоши Стас, — я смотрю, прежняя Соня вернулась. А я то, грешным делом подумал, что ты образумилась.

Стас еще что-то хочет добавить, но входящий звонок прерывает наш неприятный разговор. Может оно и к лучшему. Успокойся, тогда и поговорим.

Подслушать, о чем говорит собеседник, не получается, так как Стас прикрывает мобильник рукой. Доносится лишь отдаленный женский голос.

— Хорошо, я сейчас спущусь, — единственное, что говорит Стас, — а с тобой у нас будет отдельный разговор, — кидает уже в мою сторону и уходит, громко хлопнув дверью. Псих, но всё равно любимый.

— Буду с нетерпением ждать. Если для того, чтобы увидеться с тобой надо будет идти на такие жертвы, то я согласна, — говорю твердым голосом в пустоту. Жаль, что он не слышит.

На звук хлопнувшей двери в комнату влетает Виктор Александрович.

— Что у вас тут происходит? — недовольство так и сквозит в его голосе.

— Да ничего особенного, просто Стас не обрадовался старому другу, который вернулся, — даю односложный ответ ничего не понимающему пожилому мужчине.

— А пойдете пить чай, ваш сын сегодня вряд ли вернется, — делаю свои выводы, наблюдая через окно, как Стас усаживает в свою машину жгучую брюнетку в красном коротком платье, выгодно подчеркивающим нужные места.

На следующий день собираюсь выяснить, что за «прекрасную» даму усаживал в свою машину Волков. Поэтому сразу же после учебы еду на встречу с одним замечательным специалистом в сфере добычи различного рода информации, которого давно не видела. Убью двух зайцев одним выстрелом. Встречаемся с другом на Краснопресненской набережной, откуда открывается шикарный вид на Москва-Сити. Погода хоть и ветреная, но достаточно комфортная для недлительных прогулок.

— Дим, я вчера видела Стаса с какой-то девушкой. Кто она? — начинаю с ходу, чтобы быстрее во всем разобраться и начать действовать.

Мужчина тяжело и разочарованно вздыхает, услышав вопрос.

— Соня, в этот раз не лезь. Там не всё так просто, — серьезным тоном предупреждает Пономарев, — то, что в прошлый раз тебе повезло, не значит, что получится и в этот.

Дима вспоминает случай двухлетней давности, когда Стас увлекся своей коллегой Ириной Золотаревой. Никогда не забуду эту наглую стерву. Случайно подслушала её разговор с подругой в кабинете полицейского участка, когда пришла к Стасу на работу. У него как раз тогда был день рождения. Эта тварь хотела обманом женить Волкова на себе, повесив на его шею чужого ребенка. Залетела неизвестно от кого и собиралась рожать.

Пришлось быстро разбираться с ней. В тот же день позвонила Пономареву и попросила о помощи. Он не хотел в это вмешиваться, но, к счастью, смогла его уговорить. Через неделю были готовы результаты.

Досье получилось внушительным. Диме удалось собрать достаточно компромата, чтобы избавиться от неё раз и навсегда. И на следующий же день это красная папка лежала на столе в ее кабинете. Ни о чем не собиралась просить, просто приказала ей уволиться из органов и оставить Стаса в покое. Ирина была в шоке от шантажирующей малолетки. Но сделала правильный выбор и исчезла из наших жизней. Иначе пришлось бы коротать свои деньки за стенами другого учреждения, где таким, как она, приходится ой как несладко. Не знаю, что эта тварь сказала Стасу, но он перебесился и забыл о ней.

— Кто она? — повторяю тот же вопрос, выплывая из воспоминаний прошлого.

— Ее зовут Екатерина Свиридова, она адвокат в юридической конторе, — начинает выкладывать информатор.

— Как они познакомились?

— Насколько мне известно, в спортивном клубе.

— Это у неё Стас всё время пропадает? — задерживаю дыхание в ожидании ответа.

— Не совсем, — с долей сомнения в голосе продолжает Дима. Решает, стоит разглашать информацию о личной жизни друга или нет.

— Что вообще происходит в его жизни в последнее время? — логичнее, конечно, спросить об этом у самого Стаса. Но он вряд ли будет теперь со мной разговаривать.

— Я не могу тебе этого рассказать, извини.

— Дим, пожалуйста, мне очень нужно знать, — прошу со всей обреченностью в голосе, смотря прямо в глаза. Пономарев вздрагивает от моего взгляда. Делает глубокий вдох и о чем-то задумывается, потом согласно кивает.

— Могу сказать лишь часть правды, на остальное даже не рассчитывай, — следует предупреждение, чтобы я больше не делала попыток что-либо разузнать.

— Хорошо, — соглашаюсь без сомнений.

— Стас в плотную начал заниматься делом Ульяны. Появились кое-какие зацепки. Катя тоже как-то с этим связана, но я не в курсе.

— Они встречаются или нет? — так и не выяснила.

— Не могу точно сказать, на влюбленных не похожи. Но они довольно много времени проводят вместе, — так и остаюсь ни с чем. Придется самой проследить за Стасом. И заодно выяснить больше про эту Катю.

— Всё время думаю, почему ты мне помогаешь. И всё равно не понимаю, — задаю вопрос, который не оставляет меня в покое. Дима необычный человек. Он не будет делать всё без определенной причины, втайне от Стаса. Который не простит, если узнает, кто сливает инфу.

Дима долго думает, прежде чем дать правильный ответ. Я же обращаю внимание на проходящую мимо нас красивую пожилую пару, и сердце сжимается, видя их любовь, которая сквозит в каждом жесте.

Хочу также прогуливаться со Стасом в обнимку, свободно целовать его и хохотать над его порой глупыми шутками. Хочу встретить старость с ним, родить кучу детей и рассказывать внукам забавную историю про принцессу, которая так упорно добивалась любви упрямого принца. И в конце рассказа радоваться вместе с ними неизменному хэппи энду любой сказки.

— Также хочешь? — друг комментирует мой взгляд, направленный на пожилых людей.

— Тебе бы в гадалки пойти, а не в детективы. Больше бы денег срубал, — удивляюсь его проницательности.

— Помогаю тебе, потому что Волков тоже любит тебя, но почему-то не хочет этого признавать, — такого ответа я точно не ожидала услышать.

— Как ты это понял, если даже сам Стас этого не признает? — сомневаюсь в уверенности друга.

— Если ты не заметила, я вижу то, что не замечают другие. Меня этому учили с детства. Порой незначительные вещи могут рассказать о человеке намного больше, чем он сам.

На этом непризнанный гений решает закончить разговор и удаляется по своим делам. Продолжаю свою прогулку по набережной, переваривая полученную информацию. И первым делом решаю тайно наведаться в спортивный клуб, в котором Стас занимается по вечерам.

К сожалению, в спортклуб удастся попасть только через две недели. После прогулки с Димой на следующий же день слегла с чертовой ангиной. Температура была под сорок. Не то что говорить, встать не могла. Виктору Александровичу пришлось вызвать скорую. Стас приезжал за это время только раз, привез витамины. И никакого разговора у нас, конечно же, не состоялось. Волков решил проявить гуманность и не добивать лежачего.

Захожу в спортивный зал в надежде, что сегодня все таки застану длинноногую брюнетку за одним из беговых дорожек или других тренажеров. Перед посещением клуба каждый раз созваниваюсь с Димой, уточняя передвижения Стаса.

Меня мать родная не узнает в таком прикиде, но рисковать не хочется. Чтобы изменить внешность, пришлось вызвать тяжелую артиллерию.

Настя с небольшим чемоданом вещей каждый раз поджидает меня в маленьком сквере недалеко от своего университета и своими волшебными руками изменяет до неузнаваемости. В первый раз ужаснулась, увидев в зеркале что-то похожее на девушку.

Спортивная одежда на три размера больше скрывает мою фигуру, за огромными очками невозможно разглядеть не то что глаз, а половину лица. А на остальную половину хной нарисованы веснушки. Под черной кепкой спрятаны длинные шикарные волосы.

Вспоминая, как Настя хохотала над моим новым образом, начинаю смеяться. Хорошая она подруга. Без лишних вопросов вызвалась помочь. Но я все равно пообещала ей позже все рассказать.

Заразительный смех привлекает внимание других посетителей, потому что на меня обращают внимание сразу несколько человек. И среди них тот, кто мне нужен. Сразу её узнаю.

Уверенным шагом подхожу к спортивной девушке, собирающейся встать на беговую дорожку. И ничего лучше не приходит в голову, чем попросить о помощи. Уловка всегда срабатывает, если нужно с кем-то познакомиться.

— Простите, не могли бы вы мне показать, как включается беговая дорожка. Я здесь в первый раз, совсем не умею пользоваться, — строю невинные глазки, при этом говорю правду, потому что ни черта не разбираюсь в этой чудо технике. Стас меня хоть и записал в спортзал рядом с домом, но к беговым дорожкам я и на шаг не приближалась. Бегать это не моё. Мне больше нравится заниматься на групповых занятиях по зумбе.

— Это очень просто, смотрите, — девушка указывает наманикюренным пальчиком на сенсорный экран — нажимаете сюда, и дорожка запускается. Чтобы отключить, нажимаете сюда, — указывает на другую кнопку.

— Спасибо огромное, — говорю спокойным, чуть ли не ангельским голосом. А самой придушить её хочется. Что-то чересчур она милая.

Смотрю, как подружка Стаса встает на беговую дорожку и включает медленную скорость, чтобы разогреться.

Я тоже не отстаю и повторяю за ней. Начинаем идти в одном темпе.

— А вы здесь давно занимаетесь? — допрос с пристрастием начинается.

— Полгода.

— Меня Настя зовут. А вас как? — представляюсь чужим именем. Знаю, что подруга меня простит.

— Екатерина Свиридова.

А она довольно симпатичная, высокая. На вид ей лет тридцать пять, выглядит старше Стаса. Красивое подтянутое тело, удлиненное каре, грудь третьего размера. Есть на что посмотреть. Будь я мужиком, наверное, тоже бы на нее повелась.

— А вы очень круто выглядите. Для парня стараетесь? — нужно быстрее выяснить и свалить отсюда, пока не начала петь ей дифирамбы.

— Нет, — усмехается она, — прежде всего нужно любить себя. Мужчин привлекает уверенность.

Она еще и умная. В этом я с ней практически согласна. Только если эта пресловутая самоуверенность не переходит в жесточайший эгоизм.

— Научите, как привлечь внимание мужчины? У меня с этим как-то не очень? — с врагом нужно сражаться его же оружием.

— Прежде всего, я посоветовала бы тебе сменить имидж. Видно, что ты девушка стройная, но почему то надела эти мешковатые штотки. И выбрось эти ужасные очки, они тебе не идут! — возмущение так и сквозит в голосе потенциальной соперницы, — мужчины прежде всего любят глазами.

— А как же внутренняя красота? — не соглашаюсь с её мнением.

— Внутреннюю красоту оставь для сопливых мелодрам. Почему ты думаешь, мужчины уходят после десяти или двадцати лет брака к более молоденьким? Потому что женская красота увядает, — выдыхает с некой долей обиды. Может в её жизни был подобный случай. Отец, например, ушел из семьи.

— А у вас есть парень? — долой философию! Мне её и в универе хватает, нужно переходить к сути.

— Да так, есть кое-кто на примете, — довольная улыбка расплывается на её лице. Это она на Стаса намекает?

— Любите его? — продолжаю свой навязчивый допрос, еле сдерживая свои эмоции.

— Кто знает? Людей может объединять не только любовь.

Екатерина переходит на быстрый бег. Я уже еле плетусь. Пожалуй, в спорте ей могу уступить, но точно не Стаса. Пусть даже и не рассчитывает.

— Вы на секс намекаете? — спрашиваю прямым текстом, на что моя собеседница начинает громко хохотать. А мне хочется треснуть её чем-нибудь.

— Ты хоть и маленькая, но суть улавливаешь.

Понятно все с ней. Сильная, уверенная, привлекательная женщина, которая знает себе цену, позволяет себя любить, но ничего взамен. Волков достоин большего.

Узнала достаточно, чтобы сделать свои выводы. Пора заканчивать эту театральную постановку.

— А вот, кстати, и он, — показывает мне на Стаса, направляющегося к мужским раздевалкам.

Что он здесь забыл сегодня? Вот черт, теперь точно пора исчезнуть. Прощаюсь с новой знакомой и иду в женскую раздевалку забрать вещи.

На выходе надеваю кепку и опускаю вниз голову. Быстрым шагом удаляюсь отсюда, пока не врезаюсь на препятствие в виде двух знакомых кроссовок фирмы Reebok. Вот это попадос. Извиняюсь чужим голосом, не поднимая головы, и иду дальше, пока не заворачиваю за угол. Прислоняюсь спиной к стене и шумно вдыхаю полной грудью, наполняя легкие воздухом, который внезапно закончился. Сердце стучит как бешенное,

боится быть пойманным.

Немного придя в себя, одним глазом выглядываю из-за угла, о чем незамедлительно жалею. Стас притягивает к себе Катю и целует в губы. Острая боль пронзает сердце, а жгучая ревность застилает глаза.

В бреду добираюсь до ближайшей скамейки. Нужно прийти в себя. Нет времени плакать и страдать. Нужно объявлять капитуляцию или бороться дальше. А так как проигрывать я не намерена, остается только одно. Сделать ответный ход.

Вечером приезжает разозленный Стас и уводит поговорить в ближайшее к дому кафе. Заказывает вип-комнату, чем приводит в смятение. Кажется, кто-то серьёзно влип.

Мужчина на какое-то время исчезает. Вся заведённая сижу и жду своей участи. Что он хочет мне сказать? Явно ничего хорошего ждать не приходится.

Погода за окном заметно портится. Накрапывает мелкий дождь, застекленные окна придают ещё больше мрачности картине. Это состояние эхом передается чувствительной душе.

Официант приносит еду на одного человека. Запеченная красная рыба с картофельным пюре, легкий овощной салат и мой любимый ананасовый сок.

Стас хочет сначала накормить, а потом убить? Усмехаюсь своим же глупым мыслям. Аромат блюд начинает активно дразнить вкусовые рецепторы и, недолго думая, перехожу к еде. Довольно вкусно, особенно рыба. Как раз не успела поужинать. После клуба долго наворачивала круги вокруг своего квартала. Приводила разбушевавшиеся чувства и мысли в порядок.

Как только доедаю последний кусок сытного ужина, в комнату заходит Стас. От него веет осенней свежестью и запахом сигарет. На черной косухе капли дождя. Ждал на улице, пока доем. И правильно сделал, при нем кусок бы в горло не полез. Смотрит на меня, как на врага народа. Да что я вообще сделала? Хотя много чего натворила. Но он же об этом не знает? Уже ни в чем не уверена.

И своим молчанием Волков тоже не помогает. Уселся напротив, только глазами стреляет. И каждый снаряд бьет ровно и больно, прямо в сердце, оставляет занозы. Такой чертовски красивый, с взъерошенными волосами и сверкающими от гнева глазами. Аж дух перехватывает. Сам того не подозревая, Стас пробуждает во мне что-то дикое, первобытное.

Столько различных эмоций пробегает на его лице, не успеваю считывать. Волков иногда остается для меня загадкой, книгой, которую не могу дочитать до конца, потому что сам автор не позволяет.

Что за дурацкую игру он ведет? Скоро глаз начнет дергаться от его бездействия. Отодвигаю грязную посуду, которая резко начала бесить, к краю длинного стола.

— Что ты молчишь? — не выдерживаю первая.

— Зачем ты приходила сегодня в спортклуб? — своим вопросом загоняет в тупик. Теряюсь. К такому я не была готова.

— Как ты меня узнал? — не могу понять, где так прокололась.

— Не отвечай вопросом на вопрос, — недовольным тоном предупреждает Стас. Разговаривает со мной, как с преступниками, с которыми привык работать. Но я не одна из них.

— Нет, милый, мы будем играть по моим правилам, — наваливаюсь на стол и выдыхаю тихим нежным голосом прямо ему в губы, как роковая соблазнительница. Стас одним движением усаживает меня на место. Удивление на его лице заставляет лишь усмехнуться.

Один, один. Не только он умеет приводить людей в смятение.

— А ты изменилась, стала действовать смелее, — мужчина озвучивает свои неправильные выводы.

— Нет, Стас, я всегда была такой, это ты не хотел ничего замечать, — серьезным

голосом констатирую факт.

— Хорошо. Каковы твои правила? — наконец-то замечает во мне достойного противника.

— Я отвечаю на твой вопрос, а ты на мой, — правила просты, как мир, — если не согласен, то я встаю и ухожу.

Ставлю ультиматум. Иначе никак. Либо на моих условиях, либо нет. Что там Катя говорила? Парням нравятся решительные девушки? Вот и проверим.

— Только при одном условии, — протягивает мне руку, чтобы закрепить договор, — отвечаем честно. Киваю и пожимаю теплую ладонь, слегка задерживая прикосновение. По телу пробегает электрический разряд. Невозможно равнодушно сидеть рядом с ним.

— Вопрос остается тем же. Что ты там делала? — первым в игру вступает Волков.

— Приходила познакомиться с Катей.

— Как ты её нашла? — звучит первое нарушение.

— Так нечестно. Сейчас моя очередь, — цокаю в ответ нетерпеливому мужчине, — но так и быть, я отвечу.

— Видела вас вместе и проследила, — отступаю от своих принципов не вратъ, но выдать друга тоже не могу. Жизнь иногда ставит на колени и заставляет выбирать из двух зол меньшее.

— Ты любишь ее или только спишь с ней? — смотрю внимательно в глаза человека, который сейчас своим ответом способен превратить моё сердце в лёд и разбить.

Любимый человек не спешит отвечать. Для нас это не ново, обсуждать такие щепетильные моменты, но в тоже время заставляет понервничать.

Стас достает сигарету и закуривает прямо в помещении. Хорошо, что работает вентиляция. Как раз для таких случаев.

— Может и люблю, — после длительного ожидания слышу ответ, который меня явно не удовлетворяет. Почему всем так сложно сказать? Да или нет. Третьего не дано. Для меня не существует пограничных состояний.

— Значит, только спишь, — делаю свои выводы.

Если бы любил, ответил бы сразу, а не задумывался о своих чувствах. Стас не ханжа, и я это прекрасно понимаю. Он видный мужчина со своими потребностями. Это причиняет боль, но секс — это ещё не любовь. Тело можно отдать кому угодно, но если в этом замешано сердце, то точно конец. С похотью еще можно бороться, но идти против настоящих чувств мне может оказаться не под силу. Нельзя этого допустить.

— Если тебе нужна женщина, — делаю долгую паузу, — спи со мной.

На моё предложение Стас начинает истерически смеяться. Мне становится мерзко и противно, будто я грязная портовая шлюха, недостойная его внимания.

Чтобы немного успокоиться, выхватываю из его рук недокуренную сигарету и делаю жадный вдох отравляющего дыма. Может задохнусь и избавлюсь от этого унижения.

Стас забирает эту гадость обратно и тушит о пепельницу.

— Не кури, тебе не идёт, — рассчитывает, что его грозный тон как-то может на меня повлиять. Наивный. Запретный плод, как известно, сладок. Но от курения, пожалуй, воздержусь.

— Спать с тобой не собирался и не собираюсь. Тема закрыта. И как ты вообще себе это представляешь? Я тебя чуть ли не с пелёнок знаю, — добавляет с усталостью во взгляде.

Прям уж и с пеленок. В двенадцать лет у меня уже грудь начала расти. Но ему об этом

знать не обязательно.

— Что ты сказала Кате? — возвращается к игре, которая мне порядком начинает надоедать.

— Ничего особенного. Просто хотела узнать, что она за человек и какие между вами отношения. Стас, — закрываю глаза и готовлю израненное сердце к следующему удару, — у меня вообще нет никаких шансов?

— Абсолютно, — выбивает почву из под ног. Хочется исчезнуть, раствориться в пространстве, развеяться пеплом по морскому берегу, чтобы не чувствовать воцарившуюся в душе обреченность.

Изо всех сил пытаюсь сдержать горькие слезы, не хочу показывать свою слабость перед ним. Пора уходить, мы всё сказали друг другу.

— Как ты меня узнал в клубе? — хочу выяснить, где я так прокололась, чтобы не допустить подобных ошибок в будущем.

— Духи... Я их подарил тебе на новый год в прошлом году. Тебе не сказал, но они уникальные, сделаны под заказ, — вот и вся разгадка. Нюх как у собаки, а глаз как у орла. К месту вспомнилась песня сыщика из Бременских музыкантов.

Как ему удастся быть настолько внимательным и заботливым? Дарит подарки, в которые вкладывает душу и время. Подвеска, скорее всего, тоже сделана на заказ. И это не маленькие деньги. Злитесь, но в тоже время заботится о моем здоровье. Накормил сегодня, потому что знал, что я голодная. Невозможно его ненавидеть, быть равнодушной, тем более. Остается только любить.

Беру свои вещи и ухожу из удушающего помещения не попрощавшись. Улица встречает меня освежающей прохладой. Подставляю лицо навстречу мелкой мороси, приятно щекочущей кожу.

В любовных романах главные героини, пользуясь моментом, прячут свои слезы в каплях дождя. Стоит попробовать, только слез уже не осталось.

Погода под стать моему паршивому состоянию. Когда-нибудь дождусь своего счастья, буду безмятежно улыбаться? Что-то я определенно делаю не так.

Смотрю в темное небо, такое же беспросветное, как моя жизнь.

С такими мыслями возвращаюсь домой. Ложусь в кровать полностью убитая и решаю подумать над своей плачевной ситуацией завтра.

POV Стас

Только Сонька может за считанные секунды довести меня до белого каления. Порой удивляюсь, как ей это удается. Маленькая взбалмошная бестия, которой в голову приходит черти что.

Когда натолкнулся на неё в клубе, готов был сначала рассмеяться, а потом придушить. До невозможности наглая, но одновременно смешная. Вырядилась, как чучело. Неужели правда думала, что я её не узнаю? Работа под прикрытием требует долгой подготовки. Но это не про Феникс. Знакомый аромат цветочных духов с нотками белой лилии и жасмина выдали её с головой.

После тренировки сразу же поехал за ней, чтобы поговорить и расставить все точки над «И». К сожалению, разговора как такого не вышло. Единственное, что я для себя понял — она выросла. Но это ничего не меняет.

А ещё я соврал, что люблю Катю. Я ненавижу ложь, но мне пришлось причинить ей боль, чтобы она не создавала опасных иллюзий относительно меня. Феникс всего восемнадцать. Ей нужно учиться, строить карьеру, встречаться с ровесниками, а не мечтать о взрослом мужике.

И моя связь со Свиридовой её никак не касается. Я и сам не понимаю, что у нас с Катей. Сначала наше общение было только из-за её отца, который замешан в деле о похищении Ульяны. Со временем всё изменилось, и наши отношения перетекли в горизонтальную плоскость без обязательств. В последнее время всё чаще ловлю себя на мысли, что Свиридова в меня влюбляется. И это становится проблемой, потому что я не испытываю к ней сильных чувств.

Соня ушла из кафе пять минут назад. Делаю последнюю затяжку и выкидываю очередную сигарету в пепельницу. Пора выдвигаться и бросать курить. На высокой скорости выезжаю с парковки на главную дорогу в сторону дома, пока не замечаю хрупкую фигурку, закутывающуюся в пальто. Сбрасываю скорость до двадцати и плетусь за ней. Заглушаю сильное желание остановиться и усадить строптивицу в машину. Но понимаю, что сейчас Феникс нужно побыть одной, подальше от меня, чтобы привести мысли в порядок.

Порой хочется вытрясти ранящие её чувства, чтобы она могла спокойно дышать. Это нужно и мне. Нам обоим необходимо обрести свободу. Ей от неразделенной любви, а мне от вины, что я, хоть и невольно, являюсь источником её боли. Может, отец и прав. Мне нужно отпустить Соньку. Но смогу ли я это сделать?

Поглощенный размышлениями, не замечаю, как добираемся домой. Сонька забегает в подъезд. И с диким ревом моя машина срывается с места.

Глава 16

— Феникс, хватит ворон считать! — прерывает мои глубокие раздумья преподаватель по физкультуре. Невысокий мужчина, которому не помешало бы пробежаться с нами пару километров вокруг стадиона. Кто поставил нашей группе физру первой парой? Теперь мучайся ещё несколько месяцев, пока не сменят расписание.

Уснуть вчера так и не получилось. Вагон мыслей практически до утра не давал мне заснуть, что сказалось на моем утреннем состоянии. Хорошо, что впереди два выходных, хоть высплюсь. Ещё и препод — изверг, без конца гоняет по кругу. А мне сегодня ещё с докладом по философии выступать.

Спустя час наши мучения заканчиваются, и всей группой целый день ходим, как варенные. Отношения с одноклассниками складываются хорошие. С одной девчонкой, Дарьей Смирновой, даже подружилась.

На последней паре, отлично защитив доклад на тему философии и педагогики, усаживаюсь на своё место и строчу смс Насте, что нужно срочно увидеться. Договариваемся встретиться в «Мирабилис» около семи вечера.

Забегаю домой, чтобы переодеться, освежиться под душем после утреннего марафона. Намазываю на тело всякие ароматические масла, которые увлажняют и придают коже мягкость и бархатистость.

Перед открытым шкафом возникают небольшие трудности. Кроме свободной мешковатой одежды надеть нечего. Срочно надо менять гардероб. Не в этом же мужчину соблазнять.

Останавливаю свой выбор на белых джинсах и голубом вязаном свитере.

В кафе немного опаздываю. Настя делает возмущенный вид, но претензий вслух не высказывает. Зато успевает заказать кофе и наши любимые эклеры с заварным кремом. Люблю её.

— Привет, что за срочность? Что горит? — не успеваю присесть, как подруга начинает сыпать вопросами.

— Судя по всему, моя жизнь? — говорю без преувеличения.

— Ого! Давай поподробнее с этого места.

Рассказываю Сорокиной всё, что произошло между нами со Стасом, начиная с подарка на первое сентября до вчерашнего разговора.

— Короче, как-то так. Мне нужна твоя помощь, — заканчиваю рассказ с огромной мольбой, способной растопить Антарктиду и приблизить глобальное наводнение.

— Выкладывай, — заинтересованно просит подруга, а в глазах уже пляшут чертята, предвкушая интересное приключение.

— Мне нужно полностью преобразить свой имидж. У Стаса скоро день рождения. И, как обычно, он пригласит гостей в ресторан или клуб. Я должна выглядеть сногшибательно, чтобы у проходящих рядом мужчин свисала челюсть и текли слюнки.

— Вот это ты замахнулась подруга. Уверена, что Стас клюнет? — задает вопрос, ответ на который мне неизвестен.

— Не попробую, не узнаю.

— Ты совсем на нем помешалась. Тебе лечиться надо, — усмехается подруга, ставя мне диагноз.

— Покажи мне хоть одного нормального человека в этом мире. Все мы немного сумасшедшие. Кто-то больше, а кто-то меньше.

— Твоя правда, — соглашается Настя, немного поразмыслив над моими словами.

— Завтра в девять встречаемся у моего парикмахера. Начнем с волос, — в миг воодушевленная спасительница переключается с дружеского тона на деловой. А с ней приятно иметь дело.

Мне так и не удастся выспаться на выходных, как до этого планировалось. Настя устраивает нам два адских дня шопинга, в которые входит поход в парикмахерскую, где мне срезают волосы под удлиненное каре, перекрашивают в пепельную блондинку, учат основам макияжа, делают маникюр и педикюр. Но страшнее всего было на депиляции по удалению волос со всего тела, думала, не доживу до конца процедуры.

Но Настины труды стоили своих денег и времени. Стоя вечером перед зеркалом в длинном красном облегающем платье с сексуальным разрезом до бедра, я не узнавала эту прекрасную миниатюрную девушку со стройными ногами на высоких каблуках, преобразившуюся до неузнаваемости. Сопливая девчонка вмиг превратилась в прекрасного лебедя. Теперь я готова к наступлению.

Дня рождения Стаса не могла дожидаться, как Нового Года в детстве. Все представляла, как сразу его наповал. Он ещё не видел мой новый образ. После того вечера в кафе мы с ним не виделись. Виктор Александрович сообщил, что Стас уехал в командировку в Нижний Новгород и вернется только за день до знаменательного события.

И, наконец, этот день настал. Мучительно долго собиралась в ресторан и столько же искала подарок Стасу на день рождения. В итоге нашла крутые дорогие часы и попросила на задней крышке сделать гравировку в виде рычащего волка, а внутри крышки надпись: «Я буду любить тебя всегда, сквозь время и расстояния». Сообщение можно будет прочесть только в том случае, если возникнет необходимость открыть крышку. Хватаю подарок и убираю в сумочку. Пора ехать, отец Стаса уже ждет.

В том, что мой образ выдался на славу, узнаю по удивленному возгласу Виктора Александровича, полчаса ожидающего меня на кухне.

— Сонечка, ты так же удивительно прекрасна, как ангел! — его восхищенный взгляд лучше всякого комплимента.

— Спасибо, вы сегодня тоже ничего, — делаю ответный комплимент прекрасному мужчине в возрасте. Для своих шестидесяти Виктор Александрович выглядит отлично. Он так же, как и Стас, не забрасывает спорт, следит за своим здоровьем.

Элегантный темно-серый костюм, выбранный на сегодняшний вечер, подчеркивает его природные черты, делая их выразительнее. На ногах начищенные кожаные туфли. Темные волосы с проседью уложены в модную прическу.

Мужчины этой семьи выглядят как греческие боги, сошедшие с Олимпа. Не нужно напрягать воображение, чтобы представить, каким Стас будет в старости. Достаточно посмотреть на его отца.

— Ты готова покорять бал? — делает очередной комплимент мой личный провожатый.

— Так точно, капитан, — отдаю честь, и мы оба начинаем смеяться.

В ресторан, к сожалению, мы не успеваем к назначенному времени, застреваем в пробке. Нужно было ехать на метро. Но Виктор Александрович настоял, что отвезет и привезет лично.

Заходим в арендованный зал спустя час. К этому моменту в помещении уже полно народу. Среди них многочисленные друзья Стаса с института и бывшие коллеги. Присутствуют и незнакомые мне лица, может партнеры.

Неземной красоты Волков в черных зауженных брюках и черной рубашке стоит в центре зала со Свиридовой, нежно придерживая девушку за талию. О чем-то мило шепчутся, что вызывает приступ тошноты. Хорошо, что сегодня не обедала.

Вот гадство! Стоило только немного опоздать, как моего мужчину взяли в оборот. В таком прикиде только и остается, что разворачивать. Короткое темно-синее приталенное платье с открытыми плечами практически ничего не закрывает, грудь чуть ли не вываливается. На высоченных шпильках она почти одного роста со Стасом. А он, если заметить, метр восемьдесят пять.

Так, кажется, надо немного выпить для храбрости, как раз мимо проходит официант с разлитым по бокалам шампанским. Я вообще негативно отношусь к алкоголю, но сейчас экстренная ситуация. Беру сразу два и залпом выпиваю один за другим, пока Виктор

Александрович куда-то отошел.

Спустя минуту тепло разливается по моему телу. Немного расслабляюсь, злость отступает, остается холодный расчет. Успокаиваюсь и начинаю обдумывать дальнейшие шаги. Нужно незамедлительно действовать, иначе она здесь же ему и отдастся. Соня Феникс так просто не сдастся. Я могу проиграть битву, но точно не войну.

Вдруг мой взгляд выхватывает красный пышный бутон в вазе на столе. И в голову приходит гениальная идея. И платье подходящее. Нахожу в интернете мелодию из к/ф «Держи ритм» и прошу организаторов мне помочь устроить неожиданный сюрприз для именинника. Молодые ребята соглашаются помочь.

— Дамы и господа, просим вас освободить танцпол. Обворожительная юная леди приготовила сюрприз для именинника! — объявляет диджей за пультом управления.

В зале приглушают свет. Ищу глазами Стаса. Сердце бешено стучит, лишь бы согласился. Улавливаю движение рядом, Волков оказывается за моей спиной и шепчет на ухо:

— Что ты задумала? — голос с хрипотцой проникает в самые глубины сознания, переворачивает все верх дном. Незаметно вытираю вспотевшие от волнения ладони о платье.

— Потанцуй со мной, — прошу так же стоя к нему спиной.

— Я не буду этого делать, — своим отказом выбивает оставшийся воздух из груди. Атмосфера, как гранитная плита, начинает давить. На нас устремлены десятки пар глаз и среди них горящие ревностью и ненавистью. Не могу ей уступить. Не сейчас. Это тоже самое, что перестать дышать. Через этот танец Екатерина должна понять, кому он принадлежит. Волков всегда был и остается моим.

— Сделаю всё, что ты попросишь, — чтобы получить желаемое предложи взамен что-то ценное. Говорю не подозревая, какова будет расплата.

— Согласен, — одно слово и я облегченно вздыхаю, — что будем танцевать?

— Ты поймешь, — он будет удивлен моему выбору.

Хватаю его за руку и веду в центр танцпола. Мы смотримся гармонично. Будто янь нашел свою инь. Пепельная блондинка и брюнет. Становимся в десяти шагах друг от друга. Даю команду включить музыку.

В зале полностью гаснет свет, и с первыми нотами чарующей музыки включается прожектор, который освещает только нас, отрезая от всего остального мира.

Смотрю на удивленное лицо Стаса, в котором проскальзывает узнавание. Да, родной, это то самое танго, которое мы с тобой танцевали сотни раз. Тогда я ещё не была в тебя влюблена, а ты вызвался помочь с подготовкой к конкурсу танцев на время отсутствия моего партнера, который внезапно заболел. Ты должен помнить каждое движение, потому что я загоняла тебя до седьмого пота.

Вступаю первой. Соблазнительной походкой, страстно проводя руками от бедер к животу, не разрывая контакт, направляюсь к Стасу. Он плавными движениями идет навстречу. Останавливаемся в миллиметре друг от друга. Его горячая рука ложится мне на талию и резким движением вплотную притягивает к себе. Даже на каблуках я ниже Стаса.

Животом чувствую его упругое тело, забываю, как дышать. Волков приподнимает меня и разворачивает на сто восемьдесят градусов. Опускаюсь на пол и откидываю левую ногу немного назад, а правой медленно очерчиваю полукруг с присущей грацией кошки. Кладу руку ему за спину, а другую вытягиваю в сторону, крепко сжимая его ладонь. Ногой обхватываю своего партнера за талию и чуть ли не вдавливаю со всей силы в его тело. Это

не просто танец. Это противостояние характеров, взглядов, чувств.

Нас затягивает в водоворот. Мы не обращаем внимания ни на кого, поглощенные безудержным танцем.

— Ты прекрасно выглядишь, тебе идет новый образ, — с придыханием шепчет Стас. Этот интимный момент принадлежит только нам двоим.

Нет сил разговаривать. Вся энергия уходит на то, чтобы держать себя в руках и не накинуться на него на глазах у всей толпы.

Этот танец пробуждает во мне небывалую чувственность. Ящик Пандоры открылся. Каждая клеточка моего тела хочет быть ближе к нему.

Четыре с половиной года назад всё выглядело по-детски невинно. Сейчас же я вкладываю в каждое движение всю силу безграничной любви и неудержимую страсть.

Любимый разворачивает к себе спиной и обхватывает за талию, ведет руками по животу. Перекладываю его руки на грудь, слегка сжимаю, издаю тихий стон. Стас молниеносным движением разворачивает к себе, и мы выполняем простые элементы танца без какого-либо подтекста.

— Это что сейчас было? В оригинальном танце не было сексуальных домогательств, — дикое шипение доносится до моего воспалённого мозга.

Движения Стаса становятся резкими и грубыми. Такой он мне нравится ещё больше. Ему идет роль плохого мальчика. В обжигающем пламени его сопротивления можно сгореть заживо.

— Небольшая импровизация, — томно выдыхаю ему в лицо.

Смотрим глаза в глаза, не отрываясь. Гнев и страсть, любовь и непонимание, боль и наслаждение — всё перемешалось в одну кучу, которую мне потом и разгрести.

Раздаются последние ноты. Я отхожу на несколько шагов назад и прыгаю на Стаса, он подхватывает меня двумя руками под ягодицы и поднимает вверх. Замираем в таком положении на несколько секунд. Гаснет прожектор, погружая всех в полную тьму.

Воцарившуюся тишину разрывает наше шумное дыхание. Сердце разрывается, наслаждаясь каждым прикосновением. Жаль, что нельзя продлить эти минуты навечно.

— Люблю тебя, — шепчу желанному мужчине в губы и нежно целую, вкладывая всю мощь и всю боль невзаимной любви.

Не знаю, что происходит в данный момент во вселенной, может солнечные вспышки в космосе, но Стас отвечает на мой поцелуй. Я всего лишь хотела почувствовать его вкус. Но даже в самых смелых мечтах не надеялась на ответ.

Прикосновения выходят грубыми и солеными от моих слёз счастья. Волков углубляет поцелуй, погружая в самые глубины чувственного наслаждения. Кусает и ласкает, рвет мои губы и душу на части. Горячие языки сталкиваются и ведут свою борьбу. Обвиваю шею мужчины руками. Нежно поглаживаю затылок. До помутненного сознания доносится тихий животный рык. Но неожиданно всё заканчивается. Волков опускает моё размякшее тело на пол.

Вокруг раздаются овации. А включенный свет, который я даже не заметила, говорит о том, что свидетелями нашего горячего поцелуя стали десятки людей.

В толпе улавливаю горящий лютой ненавистью взгляд его женщины. Понимаю, что мне на неё глубоко плевать. Я небезразлична Стасу, а всё остальное не имеет значения.

— Соня, уходи из моей жизни.

— Что? — не понимаю, о чем сейчас говорит человек, который минуту назад доставил

самое яркое наслаждение за всю мою жизнь.

Внимательно всматриваюсь в его лицо и не могу прочесть ни единой чертовой эмоции, кроме отрешенности и капли страха. Чего он боится? Осуждения людей? Не похоже на него. Ему, как и мне, всегда было безразлично мнение окружающих. Тогда что? Это из-за Кати? Так любит её?

— Желание. Ты обещала исполнить любое желание.

Мир рушится в одно мгновение. Ломать — не строить, так вроде говорят. Только Стас способен причинить мне такую ужасную боль. Чувствую, как трещат ребра над сердцем от давления разлагающейся души. Она стонет, воеет, как волк на луну от одиночества и тоски. Что-то умирает во мне прямо сейчас. Любовь? Нет. Надежда. Но у меня всё ещё остается гордость.

— Обещаю, — подписываю приговор сама себе. Цена за ошибку оказывается слишком болезненной. Я не готова за неё заплатить.

POV Стас

Блядь. Что я наделал? Не смог сдержать возбуждение, как неопытный малолетний юнец. Проклятое танго! Проклятые инстинкты! И Сонька вырядилась как никогда. Как только она вошла в зал, не смог оторвать от неё взгляд. Вышибла весь воздух из легких одним лишь видом.

Сам не заметил, как обычный танец молниеносно перетек в эротический. Каждое изящное движение девушки начало отдаваться острым желанием в паху. Только и думал о том, чтобы поскорее закончить эту адскую пытку и сходить в уборную, снять напряжение.

Соня одним лишь поцелуем смогла вызвать во мне необузданное животное желание. Готов был разложить её там же посреди танцпола и взять на глазах у всех. Мне стало плевать на все, лишь бы почувствовать себя в ней. Феникс неожиданно пробудила дикие чувства в моем теле, которые испугали до чертиков. Это же моя маленькая Сонька! А я захотел её. Она всегда была для меня как младшая сестра, которую клялся беречь от таких похотливых ублюдков, как я в том числе.

И в очередной раз мне приходится делать ей больно, оттолкнув от себя. Какой же ты, Волков, мудака. Но не вижу другого выхода. Больше ничего не могу ей предложить.

Феникс уходит, бросив на меня болезненный взгляд. Прошу, возненавидь и забудь меня. Ты достойна настоящей, искренней любви, которую я дать тебе не смогу. Станислав Волков не создан для серьезных отношений. У меня было много женщин. И я не допущу, чтобы Сонька оказалась одной из них.

— Скотина, как ты мог! — разъяренная фурия в виде Свиридовой догоняет меня на пути к мужским туалетам и залепляет пощечину. Заслужил. Но только не от неё.

— Катя, мы с тобой изначально договаривались, что у нас свободные отношения. И заметь, инициатива была с твоей стороны. Что за сцены ревности ты сейчас мне устраиваешь?

Девушка далеко не глупа и прекрасно понимает, что выкопала сама себе яму, поэтому разворачивается и уходит. Ещё и с отцом разбираться, который сейчас движется прямо на меня. В каждом его движении сквозит недовольство. Там что, толпа из недовольных выстроилась? Что за день сегодня. Этот день рождения я точно никогда не забуду.

Прошло почти три месяца с того рокового вечера. За это время привычный мир, в котором долго жила, перестал существовать окончательно. Стас ни разу не позвонил и не написал.

Через две недели переехала от Волковых обратно в свою квартиру. С жильцами проблем не возникло, они как раз собирались менять место жительства. Виктор Александрович прекрасно понял, что происходит, и согласился с моим решением. Мы долго прощались. За это время он стал мне как отец. Обещала звонить, но так и не позвонила. Не смогла. Услышу новости о Стасе — не сдержусь. Вновь начну разрушать себя.

Я так боялась его потерять, что сама же и оттолкнула. Чем ближе к нему подходила, тем дальше он отдалялся. Мои же чувства стали мне врагами.

Страх, поселившийся после смерти бабушки, так долго терроризировавший моё сознание, материализовался и отравил душу. Стас предал и унизил мои чувства. Так хочется разозлиться на него и разлюбить, но не могу. Не получается его возненавидеть.

Никто не знает, когда приходит и уходит любовь. Хочется проклясть тот день, когда мы встретились. Но Волков — самое лучшее, что было в моей жизни. Я готова пройти этот путь, ведущий в пустоту, ещё раз, не жалея ни о чем.

Предновогодняя суета и окончание сессии не дают упасть духом. Всё ещё дышу. Время не остановило свой бесконечный бег. Вселенная не взорвалась на мелкие частицы. Жизнь за окном продолжает движение в своем быстром темпе.

Приспосабливаюсь жить без него. С утра на учебу, вечером на подработку. Социальное пособие маленькое, стипендия и того меньше. Денег от сдачи квартиры больше нет, приходится работать. Но это и к лучшему. Физический труд официанта не оставляет сил, чтобы думать и жалеть себя.

Близятся новогодние праздники, которые решаю встретить с одногруппниками в недавно открывшемся клубе «Черная орхидея» активно набирающем популярность. Ни разу не была в таких заведениях. Да я вообще много чего не пробовала. Ни разу не напивалась, не курила, не занималась сексом. Надо наверстывать упущенное. Жизнь так коротка, чтобы тратить её на горькие слёзы.

Как раз стою в небольшом магазинчике, выбираю платье на новогоднюю ночь. Ничего особенно выделяющегося не вижу. Останавливаю свой выбор на голубом приталенном платье чуть ниже колен с квадратным вырезом. Для него у меня есть подходящий аксессуар. Кулон с птицей Феникс. Туфли возьму у Насти.

Оплачиваю покупку и довольная еду домой. В метро шумно и многолюдно, как всегда. Украдкой разглядываю временных путников, которых завтра и не вспомню. И не вижу ни одного счастливого лица. Разве так бывает? Неужели в этой гребанной жизни ни для кого нет счастья. Не верю. Может, мы сами не умеем его строить.

С этими мыслями выхожу из метро и сворачиваю за угол, во дворы. На улице уже стемнело. До дома идти минут десять.

Подхожу к неосвещенному переулку и замираю от страха. Застываю на мгновение, зажав перед собой сумку. Оцениваю ситуацию. Двое парней избивают ногами лежащего на снегу человека. Лиц не видно.

— Эй, я сейчас полицию вызову! — кричу со всей дури, медленно приближаясь к этим

придуркам.

Привлекаю к себе внимание, а что делать дальше, не имею понятия. Стас, конечно, учил меня кое каким приемчикам, но вряд ли мне это поможет против двух бугаев на голову выше меня.

— Слышь, малая, иди, куда шла, — грозный высокий голос рассекает значительное расстояние между нами, вызывая во мне небольшую волну паники.

Оглядываю пространство вокруг. И как назло, никого нет.

— Оставьте его, или я буду кричать, — на мой шантаж никак не реагируют.

— Слышь, тварь, если не хочешь здесь подохнуть, начни шевелить ногами и убирайся прочь, — в доказательство своих слов достает складной нож и направляет острый конец в мою сторону. Мама дорогая. Забываю, как дышать.

Со стороны пострадавшего доносится глухой мучительный стон и действует на отключившийся мозг, как ведро холодной воды. Чужая боль отрезвляет лучше любой пощечины. Вспоминаю о подарке Стаса. Если сегодня выживу, обязательно поставлю ему свечку за здоровье в храме.

Быстро достаю пистолет из сумки и целюсь преступнику между глаз, в которых поселяется страх.

В это время мимо проходит молодой парень, но, оценив обстановку, дает деру. Ну, спасибо, надеюсь, хоть полицию вызвать догадается.

— Пушку опусти, — включается в разговор второй участник преступной группировки, который поднял руки в примирительном жесте.

— Слушай сюда, ублюдок, — злость как яд сочиться из моего рта, — бери своего друга и уходи, иначе я буду стрелять.

Направляю пистолет в его сторону, держусь уверенно, будто профи. Гнев заполняет меня, вытесняя панику и страх. Видимо, это отражается на моём лице, потому что бандиты начинают отступать назад. Передергиваю затвор, слышится характерный звук. И парни убегают.

Стас был прав. Никто не захочет проверять, настоящая пушка или нет, когда жизнь на кону.

Засовываю оружие обратно в сумку и подбегаю к мужчине проверить пульс. После протяжного стога перестал двигаться. Нащупываю биение на шее. Живой.

— Вы меня слышите? — хлопаю пострадавшего по холодным липким щекам. Кажется, кровь.

— Принцесса, не бухти — доносится знакомый баритон. Включаю фонарик на телефоне и ужасаюсь. На меня смотрит окровавленное лицо Кирилла Киселёва. Никогда бы не подумала, что буду рисковать жизнью из-за этого ничтожества. Но сейчас это неважно. Он все равно остается человеком, попавшим в беду.

— Ты можешь встать? — не могу определить степень тяжести полученных ранений.

— Соня, уходи, я сам разберусь.

Даже в таком состоянии ведет себя как неблагодарный говнюк. Из последних сил приподнимает туловище и прислоняется спиной к стене.

— Я помогу тебе, — протягиваю ему руку. Подбитые глаза Киселёва плохо фокусируются, тело бьет нервная дрожь.

— Отстань, Феникс, сказал же, без тебя разберусь, — продолжает гнуть свою линию, как упрямый осел.

— Я не могу оставить человека, истекающего кровью, на улице. Даже такого, как ты, — слышу усмешку на свой комментарий и последующий стон боли из-за разбитой губы.

— Принцесса, теперь ты меня преследуешь? — своим вопросом приводит меня в бешенство.

— Да пошел ты! Вот и подыхай тут.

Пелена ненависти застилает глаза. Лучше уйду, пока сама сверху не добавила. Успеваю пройти метров пять, как слышу в след разочарованный вздох.

— Ладно, помоги мне, — безысходность так и сквозит в его хриплом голосе.

Подхожу к Киселёву и вижу в его руках разбитый вдребезги телефон.

— Давай вызовем скорую? — предлагаю наилучший вариант. Но не для Кирилла. Отрицательно качает головой.

— Дай свою мобилу, позвоню своим людям, — слышу приказной тон.

Вот и спасай после этого, ни капли благодарности. Но телефон все же даю. Набирает номер по памяти. Трубку берут быстро. Киселёв просит приехать и забрать его.

— Смогут только через час, — сообщает итоги разговора.

— Хорошо, тогда пойдем ко мне, обработаю тебе раны. Я здесь недалеко живу, — другого выхода не вижу. Помогаю бедолаге встать на ноги и хватаю за талию.

— Если бы я знал, что таким образом могу прикоснуться к тебе, непременно позволил бы избить себя раньше.

На свою глупую шутку Киселёв получает легкий тычок в бок. От чего начинает смеяться и сразу же жалеет. Хватается за грудь. Видимо, отбили ребра.

Дальше идем молча. Каждый думает о своем. Удивляюсь, как меня угораздило вляпаться в такое. Я просто магнит для приключений.

Десять минут до дома превращаются во все тридцать. Хорошо хоть лифт работает. До пятого этажа его тяжелую тушу точно не дотащу.

Долгожданный звук отпирающегося замка радует, как ничто в этом мире в данный момент.

Завожу парня сразу в ванную комнату, чтобы смыть запекшуюся в некоторых местах кровь.

Достаю из шкафчика чистое полотенце и кладу на стиральную машину, забираю куртку с обувью. Аккуратно умывается холодной водой, стараюсь не задеть поврежденные участки кожи. При свете раны кажутся ещё более глубокими и серьезными. Один глаз опух настолько, что не видно радужки. Бровь над левым глазом рассечена сантиметра на два, откуда и хлестала кровь.

— Кто тебя так? — интересно, что он не поделил с теми людьми.

— Да так, мелкая шпана. Хотели мобилу и деньги отжать, — говорит с шипением, терпя боль. Припухлость на губе увеличивается.

— Как ты оказался в моём районе? Ты же не здесь живешь.

— Тебя хотел увидеть, — рассмеяться бы над его шуткой, но как-то не до этого. Не хочет говорить — не надо. Меньше знаешь — крепче спишь.

— Заявление будешь подавать?

— Нет, с ними разберутся и без полиции, — в этот момент в глазах Киселёва загорается что-то звериное, таящее в себе опасность.

С его связями даже не сомневаюсь, что найдут и накажут. И не дай Боже никому оказаться на их месте. Про главу семейства Киселёвых ходят разные слухи. Поговаривают,

что он бывший криминальный авторитет. Но я, как человек косвенно связанный с полицией, понимаю, что бывших криминальных авторитетов не бывает. Только если вперед ногами.

— Откуда у тебя пистолет? — перескакивает на другую тему парень.

— Стас подарил. Как раз для таких случаев.

— Мент чтоль твой, которым ты меня пугала? — Киселёв неосознанно напоминает о прошлом, которое безумно хочется забыть.

Киваю головой и ухожу за аптечкой в свою комнату. По возвращении застаю его на кухне у окна, разглядывающего улицу.

— Садись, обработаю раны, — указываю на стул рядом с ним. Повинуется как послушный раб. Бывает же такое.

— У тебя здесь уютно. С кем ты живешь? — обычный, казалось бы, вопрос поднимает во мне бурю негативных эмоций и болезненных воспоминаний, напоминающих об абсолютном одиночестве. Чтобы отвлечься, начинаю копаться в аптечке.

— Одна, — мой холодный и грубый тон отлично показывает недовольство чужаку, влезшего не в свое дело.

Достаю перекись, вату и лейкопластырь. Начинаю обрабатывать рассечение над бровью и заклеиваю пластырем.

— А ты храбрая, мне всегда в тебе это нравилось. У тебя есть стержень, — делает неуместные комплименты. Кажется, кому-то по голове сильно попало. Больше надавливаю ватой на ранку возле губы, чтобы глупости больше не слетали. Понимает, что специально. Его янтарные глаза смеются. Становится похож на мальчишку.

— Зачем ты приставал ко мне в школе? — доля обиды всё же осталась в моем сердце.

— Ты извини меня, принцесса, — опять называет это дурацкое прозвище, — я не в себе тогда был. Можно я закурю?

Хотя бы разрешение спрашивает. Киваю в знак согласия.

— Только форточку открой, — не хочу отравлять свои легкие.

Дрожащими руками Киселев подносит сигарету ко рту, делает затяжку и медленно, наслаждаясь никотином, выдыхает в форточку. Хоть и побитый, но в этот момент похож на адекватного человека, с которым можно нормально поговорить.

Сколько лет существую, до сих пор не могу понять, что за странная штука эта жизнь. Вчера ты его ненавидишь, а сегодня помогаешь.

— Что с тобой тогда случилось? — меня все время интересовала причина его поведения.

— Подруга детства, которую я любил, выходила замуж. Вот крышу и снесло. Я тогда много дел натворил, поэтому и в школе не был. Родаки отослали подальше, — с тоской в глазах называет причину, которая никогда не приходила в мою голову.

У нас с ним, оказывается, много общего. Дикая боль, неподдающееся контролю сумасшествие, невыносимое одиночество, потеря любимого. Можно продолжать бесконечно.

— А от меня ты что хотел, раз другую любил? — не понимаю его мотивов.

— Сам не знаю. Задевала ты что-то внутри меня. Твоя смелость, недоступность, неподчинение заводили не на шутку.

Парень докуривает сигарету и бросает бычок на улицу.

— За мной приехали, — закрывает форточку и ковыляет в прихожую. Иду следом.

Помогаю ему одеться. Сам бы не справился. Киселёв напоследок достает из

внутреннего кармана визитку и протягивает мне.

— Если что-то понадобится, звони. Не люблю быть в долгу.

Убираю визитку во внутренний карман куртки, висящей под рукой. Но не думаю, что когда-нибудь воспользуюсь предложением.

— Выздоровлявай, — искренне желаю ему на прощанье и закрываю за ним дверь.

Вечер тридцать первого выдается суматошным. Приходит Даша Смирнова, и мы вместе собираемся в клуб. Накручиваем друг другу волосы, наносим убийственный макияж, распиваем на двоих бутылку шампанского, которую одноклассница прихватила с собой из дома. И всё это под аккомпанемент бесконечного смеха и русской попсы. Дарья — высокая, полноватая шатенка. Но лишний вес её совсем не портит, даже идет ей, придает особый шарм. Благодаря её бесконечным шуткам поднимается настроение, и грустные мысли оставляют меня. Сегодня оттянусь по полной, заполню разъедающую пустоту танцами и смехом.

К восьми вечера мы уже готовы. Перед выходом звоню Виктору Александровичу, поздравляю с наступающим. Он встречает Новый год у своей младшей сестры в Саратове. Про Стаса ничего не говорит, а я не собираюсь спрашивать. Лучшая подруга уехала со своими родителями в Германию на две недели. Я осталась одна, хоть Волков старший звал с собой.

В клуб мы приходим ровно к девяти. «Черная орхидея» встречает дикими танцами, ужасно громкой музыкой, прошибающей насквозь, и пьяными телами, непопадающими в ритм.

Поднимаемся на второй этаж к арендованной комнате, которую староста успела забронировать в последний момент за кругленькую сумму. В помещении около двадцати человек. Среди них не только мои одноклассники, но и их друзья.

Нас с Дашей встречают радостными возгласами и стаканами с непонятным содержимым. На столе в основном алкоголь и немного закусок. Сюда явно пришли не для того, чтобы вкусно покушать.

Через какое-то время и изрядно выпитое количество легких коктейлей организм просится по естественной нужде. Даша уходит с ребятами на танцпол, я же иду на поиски дамской комнаты.

Сделав свои дела, выхожу из кабинки туалета и вглядываюсь в огромное, на половину стены, зеркало у раковин. В глазах озорной блеск, щеки покраснели, макияж немного расплылся.

В таком виде выхожу в коридор и сталкиваюсь с человеком, которого никогда не хотела бы видеть в своей жизни. Неприятное удивление сковывает нас обеих.

— Софья, и ты здесь, — называет очевидные факты Свиридова, расплываясь в мерзкой искусственной улыбке. Даже не старается скрыть свою неприязнь.

В ответ прожигаю Катю ненавистным взглядом. Вот ведь судьба-злодейка, вечно мне подлянки устраивает. Не имею никакого желания встречать Новый год с ней в одном помещении и потом целых триста шестьдесят пять дней лицезреть эту особу, если верить народным приметам.

— Ты здесь откуда? Не старовата для подобных мест? — не могу сдержаться и не задеть эту суку, которая смотрит на меня как на ничтожество.

— Меня Стасик пригласил, его клиент владеет этим клубом, — а она не дура, знает, как бить по уязвленным местам.

— Рада за тебя, я пойду, — нет никакого желания вести светские беседы с любовницей Стасика. Фу! Никогда не нравилась эта уменьшительно-ласкательная форма его имени.

Но уйти мне не дают. Катя больно хватает за предплечье, впиваясь в мою нежную плоть своими длинными когтями, и тянет на себя. Со всей силы смахиваю её руку и отталкиваю подальше, на что она приходит в бешенство. Начинает учащенно дышать.

— Слушай сюда мелкая эгоистичная дрянь, оставь моего мужчину в покое! — за секунду девушка снимает фальшивую маску дружелюбия и превращается в яростную фурию, защищающую свою территорию.

— Он никогда не был и не будет твоим. Сегодня ты, завтра другая. А я подожду, — отвечаю спокойным тоном, игнорируя оскорбления в свой адрес. Меня трудно задеть, практически невозможно. Только Волкову это удастся. Рядом с ним всё не так.

— Не в этот раз, милочка. У нас серьезные отношения, — лучше бы она молчала, потому что действие алкоголя на мою нервную систему заканчивается.

Стараюсь сохранить самообладание и не опуститься до её уровня. Бабушка воспитывала во мне чувство собственного достоинства и королевского хладнокровия. Не могу её подвести.

— Предупреждаю в последний раз, еще раз увижу тебя рядом с ним — убью, — пустая угроза на меня никак не действует, если таким образом она думает от меня избавиться.

— Разве мама тебя не учила, что вешаться на чужих женихов, тем более лезть к ним целоваться — нехорошо? — зря Катя это сказала.

Упоминание о маме отключает все мои тормоза. Да еще и Стаса своим женихом называет. Плохо помню, чему учила меня мама, но жизнь научила давать сдачи.

Со всей злости хватаю и тяну эту дрянь за волосы. Она не остается в долгу, царапает мне левую щеку, что злит меня ещё больше. Начинается потасовка. Перестаю соображать, на автомате бью, как показывал Стас. Эта курица визжит и бьет в ответ. Ничего не чувствую, кроме сильной ненависти и ревности, застилающей глаза.

На шум из ближайшей кабинки выбегают люди, пытаются нас разнять. В пылу сражения прилетает и им. Не перестаю драться, пока за спиной не чувствую до боли родной цитрусовый запах.

Стас обхватывает меня руками за талию и утаскивает в чьей-то мрачный строгий кабинет. Голоса внешнего мира затихают, как только закрывается дверь.

Волков усаживает не сопротивляющееся тело на мягкий кожаный диван у стены, а сам садиться на колени передо мной. Прихожу в себя довольно быстро. Не рассчитывала встретиться с ним при таких обстоятельствах.

— Привет, — единственное, что могу сказать в данный момент.

— Привет, хулиганка, — расстроено вздыхает, — я тебя учил драться не для того, чтобы ты избивала людей.

— Она заслужила, — не собираюсь оправдываться и ябедничать.

— Понятно, — закрывает глаза и тяжело вздыхает. Что ему понятно? Встречается с мегерой, вот что понятно.

И только сейчас замечаю на щеке мужчины рядом со шрамом ссадину, приобретающую фиолетовый оттенок. Думаю, я тоже не лучше выгляжу. Ловит мой изучающий взгляд и поднимает бровь в немом вопросе?

— Я тебя ударила, — показываю указательным пальцем на ссадину.

— Ты на свое лицо сначала посмотри, — встает и подводит меня к круглому зеркалу, висящему на противоположной стороне рядом с рабочим столом, и становится рядом.

Картина просто потрясающая. Платье местами порвано, кровоточащие царапины по

всему лицу, разбита верхняя губа, синяк на скуле. Размазанная помада и потекшая тушь довершают образ. Словно войну прошла. Даже на школьный Хэллоуин такого грима не наносила. Во всем этом безобразии прекрасен лишь кулон, подаренный Стасом.

Тупая боль только сейчас дает о себе знать. Катя постаралась на славу. Радует одно — она сейчас выглядит не лучше.

— Почему не идешь к ней? — задаю закономерный вопрос, смотря в отражение его глаз.

— О Кате есть кому позаботиться, — произносит слова, которые напоминают, что у меня нет никого роднее этого мужчины, который выбрал сейчас быть со мной.

Разворачиваюсь к нему и крепко обхватываю за талию. Прижимаюсь лицом к широкой груди и наслаждаюсь отведенным мне временем. Не хочу сдерживать эмоции, рвущиеся наружу. Три месяца я не давала им выхода, обманывала сама себя, считая, что у меня всё отлично, что могу прожить и без него. Катя стала последней каплей, прорвавшей плотину.

— Я так ...скучала.

— Я тоже, маленькая, — Волков также продолжает обнимать меня и нежно целует в лоб.

— Стас, давай больше не будем расставаться. Обещаю, что больше не буду лезть в твою личную жизнь. Давай как раньше, — я готова ждать столько, сколько понадобится, пока он не полюбит меня.

— Как раньше, — повторяет за мной, — как раньше уже не будет, Соня.

После этой реплики отрываю голову от теплой груди и вопросительно смотрю на него. Он лишь качает головой, давая понять, что это точно конец.

Отпускает меня и подходит к шкафчику, где лежит аптечка. Достает какую-то мазь. Ведет себя так, будто это его кабинет. И не удивительно, раз знаком с самим хозяином.

Подходит ко мне и начинает сосредоточенно обрабатывать каждый синяк и ссадину. Мазь приятно холодит кожу, успокаивая расцарапанные места.

Осторожно касается раны на губе, боясь причинить боль неосторожным движением. Зачарованно наблюдаю за ним.

Его забота причиняет еще большую боль, чем безразличие. Мы в ответе за тех, кого приручили, разве не так говорил Лис Маленькому Принцу.

На протяжении шести лет Стас пускал корни в моем сердце, создавая прекрасные воспоминания, даря заботу и дружескую любовь. Но прекрасная роза любви в итоге превратилась в ядовитый плющ, медленно отравляющий весь организм.

— Забери. Мазать нужно два раза в день, — заканчивает свои манипуляции и дает в руки лекарство.

— А как же ты? — о своей ссадине Стас явно не беспокоится.

Открываю тюбик и выдавливаю немного прозрачной густой массы на палец и аккуратно размазываю по опухшей коже. Стас все равно вздрагивает, но не издает ни звука. В этом весь он. Никогда не скажет, что его беспокоит. Он же сильный и самостоятельный. Ниже его достоинства плакаться о своих чувствах.

Задерживаю взгляд на его лице. Медленно веду пальцами по неровной поверхности шрама, обвожу острые скулы. Впитываю в себя, как в первый раз, знакомые черты, боясь что-то забыть, хотя это невозможно. Его образ будет преследовать меня до последнего вздоха.

Стас перехватывает мою блуждающую руку и сжимает, не причиняя боль.

Так и стоим, разглядывая друг друга в мертвой тишине. Молчание иногда бывает громче всяких слов. Говорю, что люблю, что он — мой воздух, вся моя жизнь. Начало и конец. Но он глух и не слышит. А может, делает вид, что не слышит. Он в смятении.

— Иди к своим друзьям. С Катей сам разберусь, — прогонять меня входит у него в привычку.

— Иди к черту, Станислав Волков! — вместе с ругательством срываю кулон и кидаю в него. Ухожу, громко хлопнув дверью. Хорошо, раз он так хочет.

Спустя пару секунд слышу звон разбивающегося стекла, который отдается эхом в моем сердце. Стас разбил не только стекло, но и последнюю надежду.

Бой курантов возвещает о том, что вот-вот наступит Новый год. И какие ещё повороты судьбы меня ждут, знает только Бог.

Праздничные выходные пролетают быстро. Первую половину дня валяюсь дома, во вторую иду в кафе на подработку. Из Германии прилетает Настя, привозит угощения и сувениры.

Долго общаемся. Подруга рассказывает, что влюбилась в одного классного парня нашего возраста. Пока она в России, общаются по скайпу. На летние каникулы уедет к нему. Такой счастливой я её видела впервые. Искренняя радость за подругу переполняет моё сердце. Хоть кто-то счастлив.

За два дня до учебы Сорокина зовет прогуляться по торговому центру, купить новое платье ко дню рождения её отца. Охотно соглашаюсь развеяться. Хоть и равнодушна к шопингу, но лучше, чем куковать дома одной.

Настя примеряет кучу разных вещей, ища идеальное. Спустя несколько часов поиска, к моему великому счастью, находит зеленое расклешенное платье чуть выше колена с объемными рукавами. В нем она похожа на прекрасную ведьму с рыжими волосами.

— Насть, пойдём перекусим, — чуть ли не хнычу энергичной подруге, которая, наконец, нашла то, что нужно.

— Мак или KFC?

— Хочу гавайскую пиццу, — называю третий вариант.

Выходим из бутика и направляемся на третий этаж к ресторанному двору. Проходим мимо свадебного салона, как Настя вдруг уводит меня быстрее к эскалатору.

— Хей, что такое? — не понимаю, зачем она уносит меня, как торнадо.

— Да так, препода своего увидела, с которым в контрах, — пытается соврать подруга, но не замечает, как почесывает нос снизу. Всегда так делает, когда хочет скрыть правду.

— Не лги. Пойду сама посмотрю, — упрямства мне не занимать.

— Лучше не ходи, — предупреждает обеспокоенная Сорокина. Да что она там такое увидела? Но человеческая натура такова, что когда ей говорят: не делай, она обязательно это сделает.

— Заинтриговала, — её поведение начинает меня забавлять ровно до тех пор, пока не подхожу к витринам свадебного салона. Улыбка сходит с лица, как последний снег, быстро тающий под лучами теплого весеннего солнца.

Свиридова выходит из примерочной в пышном свадебном платье и идет к ожидающему её консультанту.

Время останавливается. Все окружающие звуки вмиг исчезают. Перед глазами только счастливая невеста, которая вертится, как пушистое облако перед зеркалом.

Думала, что познала все оттенки боли. Но нет. Вижу перед собой картину конца мира. Моей жизни в том числе. Вдруг попадаю в какой-то вакуум, отделяющий от реальности происходящего.

Настя быстро реагирует и уводит меня из торгового центра. Видимо, я настолько ужасно выгляжу, что таксист несколько раз на меня жалостливо смотрит.

— За дорогой лучше следите, — звучит незнакомый стальной голос из моих уст.

Таксист никак не комментирует. За годы работы, стало быть, ко всему привык.

Пропускаю мимо сознания, как доезжаем домой, как Настя укладывает меня, как проходит день и наступает новое утро. В чувство приводит непрекращающаяся трель

телефонного звонка. Звонит Даша. Что ей нужно? После новогодней ночи ни разу не созванивались.

— Да, слушаю, — отвечаю на звонок осипшим голосом.

— Подруга, с тобой всё в порядке? — мой голос заставляет её волноваться.

— Всё хорошо, только встала, — не придумываю оправдания лучше.

— Я уж подумала, что ты заболела. Хотела пригласить тебя на вечеринку, которую устраивает мой друг.

— Отлично. То, что надо. Во сколько и куда приехать? — радую Смирнову своим согласием.

— Скину в СМС. До вечера, — первой заканчивает разговор и кидает трубку.

У меня в запасе ещё три часа. Успею спокойно собраться. Сначала нужно сгрести мысли в одну корзину. Хватит себя уничтожать. Сколько можно испытывать свои нервы? Буду жить и веселиться всем на зло.

Через два часа заходит Настя, чтобы проверить, как я. Но застаёт веселую и жизнерадостную девушку, одевающую красное платье, которое мы вместе покупали на день рождения Стаса. Правда, укороченную на двадцать сантиметров выше колен.

Вечерний яркий макияж и причёску я уже успела сделать. Скоро уже выходить.

— Куда ты собралась в таком виде? — включает курицу — наседку Сорокина.

— На вечеринку, — отвечаю, не обращая особого внимания на неё.

— Нет, ты не поедешь в таком состоянии? — качает головой взволнованная подруга.

— Нормальное у меня состояние, — упрямо не соглашаюсь с ней.

— Да ты не в себе. Улыбаешься, как ненормальная. Ведешь себя, будто ничего не случилось, — начинает тарыхтеть, как заведенный трактор.

— А что случилось? Ничего не случилось. Подумаешь, женится. Мне всё равно. Я и без него прекрасно проживу, — нагло вру сама себе.

Подруга тоже скептически относится к моему заявлению. Прожигает насквозь сомнительным взглядом.

— Жди меня. Я с тобой поеду, — грозно тычет пальцем и уходит собираться.

Спустя полтора часа встречаемся с Дашей у непримечательной многоэтажки. Заходим в просторную четырехкомнатную квартиру, заполненную незнакомыми людьми. Даша знакомит нас со своими друзьями. На вид нормальные ребята.

Вокруг лежат пустые бутылки из под алкоголя, стоит плотный дым от кальяна. В зале танцует группа изрядно выпивших молодых людей. Игрет неизвестная мне рок музыка.

Однорупница провожает нас на кухню, где разливают алкоголь и стоят закуски. К еде точно не притронусь. Смирнова дает всем по бокалу вина. Они с Настей начинают о чем-то болтать. Не вникаю в их разговор.

На кухню вваливаются четверо парней, что-то бурно обсуждая.

Андрей, хозяин квартиры, не сводит с меня свой пристальный взгляд.

От вина, выпитого на голодный желудок, становится дурно. Все таки я не умею пить. Выхожу на балкон подышать свежим воздухом. Андрей выходит вслед за мной.

— Будешь? — протягивает мне самокрутку.

Киваю и забираю из его холодных рук странную сигарету. Как галантный джентльмен подносит даме зажигалку и поджигает.

После нескольких затяжек голова начинает заметно плыть.

— Что это? — только сейчас понимаю, что это не обычная сигарета.

— Так, легкий наркотик повеселиться, — говорит так, будто дал мне мятную конфету, а не запрещённое вещество. Возмущение так и просится наружу, но вдруг становится фиолетово. Сознание накрывает волна легкости и веселья.

— Пойдем потанцуем, — поступает предложение, от которого я не хочу отказываться.

Заходим обратно в квартиру и идем прямо в центр беснующейся, разгоряченной толпы.

Меня накрывает волна мощнейшего адреналина. Начинаю безудержно танцевать, Андрей пристраивается сзади. Становится плевать на Стаса, на Катю в белом платье. Забываю о своей любви и бесконечной боли.

Мир становится цветным, живым и радостным. Мне нравится это состояние эйфории, где не нужно ни о чем думать и переживать, где я, пусть и на короткое время, но свободна, где больше не рабыня своих чувств и желаний.

Андрей обхватывает меня за живот и прижимается всем телом. Извиваюсь, как змея, трусь ягодицами о его пах. Чувствую, что его это заводит. И он действует дальше, проверяет границы дозволенного. Но сейчас я готова на всё, не думая о последствиях. Сожаление придет завтра, а сегодня буду наслаждаться прикосновениями чужого мужчины.

Возбужденный парень упирается в меня эрекцией и сносит крышу. Разворачиваюсь к нему, вижу помутненные глаза, которые тоже ничего не соображают, живут лишь первобытными инстинктами и желают лишь одного — меня. Всё бы отдала за то, чтобы на месте Андрея был совершенно другой мужчина. Начинаю его целовать, не чувствуя абсолютно ничего, кроме механических движений и влаги.

— Ты с ума сошла, — с громким ором Настя отрывает меня от недовольного парня.

То, что она видит, подвергает её в шок.

— Ты что, под кайфом? — делает правильные выводы будущий врач.

— Угу, — киваю в ответ и начинаю хохотать от её растерянного вида.

— Сейчас же идем домой, — тянет меня за руку в сторону выхода обеспокоенная подруга.

— Нет, я не хочу! — сопротивляюсь изо всех сил и случайно толкаю её.

— Ну, как знаешь, — с обидой произносит Настя и уходит, оставляя меня одну.

Её уход никаким образом не влияет на моё состояние. Жажду продолжения банкета. Иду искать Андрея, который куда-то исчез. Перед глазами всё плывет, свет бьет по глазам, но все же нахожу его в одной из спальных комнат. Оглядываю темное помещение, освещаемое небольшим ночником в виде звезды, прикрепленной к стене. Парня застаю сидящим на полу возле кровати с бутылкой в руках.

Сажусь рядом и забираю у него спиртное. Делаю три жадных глотка, немного увлажняя пустыню во рту. Алкоголь обжигает горло.

В комнате много книг. Редко встретишь человека, который любит читать.

— Какую... литературу... читаешь? — пытаюсь завязать разговор, но язык заплетается. Впадаю в какое-то аморфное состояние. Не могу пошевелиться.

Но молчаливый собеседник игнорирует вопрос, встает и уходит.

Не знаю, сколько так сижу, уставившись в одну точку. В голове пустота. Не ощущаю ни времени, ни пространства. Все тягучее и медленное.

В комнату возвращается Андрей. Закрывает дверь на ключ и включает музыку на магнитофоне. Снимает с себя белую футболку и остается в свободных спортивных штанах. За два больших шага приближается ко мне и легко укладывает на жесткую кровать. Устраивается рядом с бессильным телом. Чувствую, как его плоть упирается в бок. Кажется,

начинаю осознавать происходящее, но сопротивляться нет желания. Абсолютно плевать. Чем он меня накачал?

Парень медленно спускает лямки платья, оголяя грудь. Увиденное доставляет ему удовольствие. Шершавыми руками ласкает моё чувствительное тело. Здравый разум отключён. Реагирую на прикосновения, ничего не могу поделать.

— Ты прекрасна, — шепчет интимные слова и начинает целовать мою шею, оставляя мокрые следы, которые холодят тело.

Медленно, смакуя каждый поцелуй, добирается до моих возбужденных сосков. Начинает посасывать, словно это сладкие леденцы. Тело прошибает током. И резко приходит осознание. Чужие губы, чужой мужчина. Я чуть не лишилась девственности с незнакомым человеком. Начинаю активно сопротивляться. Не знаю, откуда берется энергия. И, о боги, мне удается спихнуть его с себя. Андрей не предпринимает никаких попыток остановить меня, у него элементарно не хватает сил. Пребывает в таком же амёбном состоянии, что и я пару минут назад.

Еле добираюсь до двери, дергаю на себя. Закрыто. Лихорадочно ищу глазами ключ и нахожу на столе рядом с магнитофоном. Со второго раза попадаю в замочную скважину и открываю дверь.

И лучше бы я этого не делала. В дверях, растрепанную и с голой грудью, меня застает Стас. Его шоковое состояние в доли секунды сменяется на неудержимую ярость.

Под гневным взглядом Стаса пытаюсь привести себя в порядок. Еле как поднимаю лямки, трясущимися руками расчесываю волосы, поправляю помятое платье. Со стороны, наверное, выглядит смешно. Но Волкову не до смеха.

Мой несостоявшийся сексуальный партнер лежит, обездвиженный наркотическим действием, не в силах пошевелиться. Сильно сомневаюсь, что Андрей смог бы совершить начатое до конца.

Стас больно хватает за руку и тащит за собой из квартиры не забывая, прихватить мои вещи из прихожей. Пролетаем четыре лестничных пролета и оказываемся на улице.

Морозная свежесть в один миг окутывает меня, придавая рою беспорядочных мыслей немного ясности.

Как он узнал моё местоположение? Зачем вообще приехал? Разве не должен быть рядом со своей любимой невестой. Ответы нахожу, когда вижу Настю, нервно вышагивающую рядом с его машиной. Не говорю ни слова, лишь с обвинением смотрю на неё.

— Я не знала, что делать. Прости, — подруга смотрит виновато.

— Садитесь в машину, — повышенным тоном приказывает Стас.

Настя отказывается ехать с нами. Придумывает неубедительную причину и быстрее смывается в сторону метро. Хороша подруга! Вызвала демона из преисподней и теперь оставляет с ним наедине.

Волков грубо усаживает меня на переднее сиденье и со всей дури хлопает дверью. Громкий звук больно бьет по воспалённым мозгам.

Быстрым шагом обходит авто и садится на свое место, забыв пристегнуть ремень. Трясущимися от злости руками заводит машину, и мы резко трогаемся с места. В салоне царит гробовая тишина. Смотрю по сторонам, лишь бы не видеть разъяренный взгляд мужчины за рулем.

Его поведение напрямую отражается на вождении. Едем быстро, нарушая скоростной режим. На поворотах по инерции заносит, и я ударяюсь о боковую панель. Впервые вижу его в таком состоянии. Он всегда сдержан, сосредоточен и внимателен на дорогах.

— Ты хочешь нас убить? — взвизгиваю, когда он проезжает на красный свет, и нам сигналият другие машины.

— Соня, заткнись! — водитель орет в мою сторону с бешено горящими глазами.

Совсем слетел с катушек. С таким Стасом я еще не знакома. От неприятного удивления и шока совсем забываю возмутиться. Дальше едем молча. До моего дома доезжаем без происшествий.

Не дожидаясь разъяренного мужчину, бегу в подъезд. На лифте доезжаю до нужного этажа. Слышу звук закрывающейся подъездной двери и приближающиеся быстрые шаги. Стас нагоняет, когда я пытаюсь открыть дверь, но от сильного волнения руки не слушаются. Несколько раз роняю ключи на бетонный пол.

Отбирает у меня связку и с первой же попытки отпирает замок. Квартира встречает нас морозной прохладой. Забыла закрыть окно перед уходом.

Стас включает свет и ощупывает меня с ног до головы пронзительным изучающим взглядом. Увиденное не приводит его в восторг, а больше злит. Забрасывает к себе на плечо, как мешок картошки, и прямо в платье ставит в ванную под ледяные струи воды. Кричу от

резкого холода, пронзающего все тело.

— Прекрати! — кричу и рьяно отбиваюсь из последних сил. Царапаю его по рукам, удерживающим на месте.

Спустя несколько минут экзекуция заканчивается. Стас передает мне банное полотенце и белоснежный халат, а сам уходит.

Прошибает крупная дрожь. Колотящимися руками пытаюсь хоть как-то вытереть мокрое тело. Платье неприятно липнет к коже, хочется поскорее его снять. Движения кажутся бессмысленными, потому что одежда отказывается слезать. В конечном итоге побеждаю и выкидываю платье вместе с нижним бельем и колготками в барабан стиральной машины.

Стою, как античная обнаженная статуя в центре ванной комнаты. Тело продолжает неимоверно трясти. Не могу согреться. Зато полностью прихожу в себя. Разум проясняется, плотина безразличия разрушается, выпуская в душу человеческие эмоции. Но чувство вины и сожаления не приходит. Сердце настолько изранено безразличием любимого человека, что готово лечь под другого и хоть раз в жизни почувствовать себя нужным и желанным. Суррогат тоже дает насыщение, пусть и временное.

Надеваю халат на голое тело и выхожу из ванной. Волков спокойно громыхает посудой на кухне. Застаю его за приготовлением травяного чая, что приводит меня в бешенство.

— Убирайся из моей квартиры! — кричу, как полоумная, указывая на выход.

Как же достала его бесконечная забота даже в такой ситуации. Чуть не переспала с неизвестным мужчиной, которого знала от силы час. А он чай готовит. Что я должна сделать, чтобы вывести его на чувства? Пусть орет за неприемлемое поведение, пусть хоть шлюхой обзовет. Но не безразличие. Совсем его не понимаю. То он пропадает из моей жизни, то лезет, куда не просили.

— Садись, попей горячее, — ставит кружку на стол, ближе к краю, где я стою.

— Да пошел ты со своим чаем, — швыряю ненавистный предмет в сторону раковины. От удара кружка разбивается на несколько крупных осколков. Зеленоватая жидкость стекает по кафелю.

Так разрушается и моя жизнь. Громко и больно. Не получается жить тихо. Любить тихо тоже не получается. Сука судьба каждый раз ставит меня на колени, но я не сдаюсь, что её неимоверно бесит. Буду продолжать бороться.

Выбегаю из кухни в спальню в поисках одежды и косметики. Не собираюсь сидеть и жалеть себя, проклиная мир за несправедливость. Одним всё, а другим ничего.

— Куда собираешься?

Волков со всей силы выдирает из рук вещи, которые успела достать из шкафа, и кидает их на пол, как ненужный мусор.

— Закончить начатое, — с наглой ухмылкой смотрю в его закипающие злостью глаза.

Собираюсь довести его до кипения. Взорвать этот спящий вулкан к чертям собачьим. Пусть разнесет здесь всё вокруг, покажет свои истинные чувства. Я должна знать, что не совсем безразлична Стасу, что увиденное задело его.

— Ты никуда не пойдешь, поняла меня, — переходит на повышенный тон. Хватает за плечи и смотрит прямо в глаза. Не могу оторваться от его дьявольски красивых глаз и соблазнительных губ. Хочу его прямо здесь и сейчас.

— Ты не мой мужчина, чтобы что-то запрещать, — перехожу на спокойный тон и облизываю пересохшие губы.

Мужчина замечает мои действия и замирает. Это дает уверенность действовать дальше. Отхожу от него и скидываю халат на пол, не испытывая при этом ни капли стеснения. Поднимаю с пола черные кружевные трусы и медленно надеваю.

Волков молча наблюдает за происходящим. Не могу считать его эмоции. Он отлично умеет прятать чувства.

— Стас, милый, если ты думаешь, что я буду слушаться тебя, то ты сильно ошибаешься, — продолжаю свой монолог, ближе подходя к нему, и оставшуюся фразу шепчу на ухо, — сейчас же соберусь, пойду и лягу под первого понравившегося парня, и ты меня не остановишь. Буду всю ночь стонать под ним и получать удовольствие, которое ты не в силах мне доставить.

Так убедительно вру, что сама себе поражаюсь. Никуда не собираюсь уходить. Я настолько душевно вымотана, что сил хватит только для того, чтобы дойти до кровати.

— Маленькая сучка, так хочется под мужиком оказаться? — шипит в ответ. Больно ударяет спиной об стену. Его рука, как стальной обруч, обхватывает мою шею и сжимает.

— Да, — единственное, что могу вымолвить.

Всего одно слово и в глазах зарождается бешенство. Он разъярен. И мне впервые становится страшно. Такие сильные руки не могут вредить, они должны защищать, дарить наслаждение. Никогда и подумать не могла, что Стас в силах причинить мне боль. Но всё бывает в первый раз.

В легких заканчивается воздух, но это неважно. Его поведение ранит сильнее и острее, чем что-либо. Боль проникает до самых глубин сознания. Я испытала, наверное, все её оттенки.

Ещё немного и он сломает хрупкую шею. Но этого не происходит. Стас ослабевает хватку, но руку не отпускает. Неожиданно начинает поглаживать затылок. Смотрит прямо в глаза болезненным сожалеющим взглядом.

— В могилу меня сведешь, девочка, — шепчет вдруг севшим голосом.

Его поведение поражает. Глаза мечутся, что-то решают.

— Никогда, слышишь. Я люблю тебя, — шепчу ему в ответ, вкладывая в эти слова всю страсть, накопленную годами одиночества, всю боль, которую пришлось пережить.

В доказательство своих слов начинаю нежно целовать мягкие и вкусные, как сладкая вата, губы. Он не отвечает.

Отрываюсь от мужчины и смотрю в его прекрасные глаза с тихой мольбой, с немим криком о том, как он мне нужен. Прямо сейчас.

И что-то рушится в нем. Слетают все барьеры. То, что происходит дальше, сложно описать.

Стас захватывает в плен мои разгоряченные губы и начинает мучительно терзать. Больно кусает и облизывает, будто за что-то наказывает.

Отвечаю со всей страстью, накопленной годами воздержания. Тихо постанываю ему в рот от дикого наслаждения, которое способен подарить только этот мужчина.

Стас углубляет поцелуй и врывается в кипящий лавой рот, не встречая никакого сопротивления. Наши языки сплетаются в едином танце, даря друг другу пьянящее удовольствие. Руки сильнее сжимаются на его груди. Пытаются на ощупь снять рубашку, но безрезультатно.

Стас прерывает поцелуй под разочарованный вздох, исходящий из моей груди. Хватает на руки и несет на широкую кровать. Осторожно опускает на белые простыни и нависает

надо мной, расставив руки по бокам. Наклоняется и от ключиц вниз ведет дорожку из поцелуев, пока не находит одно из мягких полушарий, жаждущее его прикосновений. Жадно втягивает затвердевший сосок и начинает умело посасывать, аккуратно покусывает.

Сильной рукой сжимает воспаленную грудь, даря боль наслаждения. Перестаю существовать в реальном мире, растворяюсь в его ласках. Забываю обо всем, что до этого тревожило.

Мои шаловливые руки блуждают по его телу. Одежда безумно мешает. Чтобы избавиться от неё, толкаю Стаса на спину и усаживаюсь сверху. Чувствую восставший член и начинаю об него тереться. Слышу тихое шипение, разливающееся теплом в моём сердце. Мучительно долго расстёгиваю пуговицы дрожащими пальцами. Стас никак не помогает, продолжает ласкать моё возбужденное тело.

Наконец мне это удастся и в качестве утешительного приза взору открывается прекрасная картина виде мускулистой груди. Не могу удержаться и не попробовать на вкус эти идеальные темные бусины.

Медленно провожу языком, оставляя мокрый след, и дую на них. Мужчину передергивает. Продолжаю также терзать его плоть круговыми движениями ягодиц.

Стас пытается развернуть меня на спину, но я не позволяю, отталкиваю обратно.

— Шшш, лежи смирно, — приказываю, взяв на себя ведущую роль.

Слишком долго этого ждала, имею право насладиться им сполна. Снимаю с него последнее, что мешает действовать. Задерживаю дыхание от вида обнаженного мужчины.

Стас же заинтересованно наблюдает за происходящим. А я умею удивлять.

Обхватываю большой, стоящий колом орган и медленно вожу рукой по его основанию. Слегка сжимаю. Стас раскидывает руки в стороны, зажимает одеяло и тяжело вздыхает. Увеличиваю темп, сама получая неопишуемое удовольствие, наблюдая за его бьющимся в экстазе телом.

Громкие стоны мужчины как бальзам для собранного из осколков сердца.

— Где ты этому научилась, — доносится хриплый голос до помутненного сознания.

— В интернете много полезной информации, — выдаю свой секрет.

Ночами часто представляла эту картину, сегодня ставшую реальностью.

— А говорят, что интернет зло, — улыбается в ответ любимый человек. Неожиданно укладывает на лопатки и пристраивается рядом. С этим мужчиной нельзя терять бдительность даже на доли секунды.

— Теперь моя очередь, — шепчет в опухшие губы и начинает медленно смаковать.

Одновременно с поцелуями мускулистая рука Стаса ложится на мою промежность. Через тонкую ткань нижнего белья начинает ласкать намокший бутон. По всему телу проходит электрический разряд. Внизу живота начинает нестерпимо тянуть.

Начинаю хныкать и дергаться под его рукой. Любовник всё понимает и опускает трусики. Ловлю его ладонь и кладу между ног, идеально выбритых накануне. Надавливаю на его пальцы и начинаю стонать.

— Маленькая командирша, — усмехается Стас. Убирает в сторону мою руку. Возвращается и раздвигает чувствительные складки. Добирается до сочащегося влагой центра. Медленно водит пальцем, не давая разрядки.

— Не мучай, — рвано выдыхаю, еле составляя слова в предложения, — мне больно там, сделай что-нибудь.

— Потерпи. Тебя нужно растянуть. Я слишком большой, — проявляет заботу в

ненужный момент.

Больше не могу, вот-вот взорвусь. Хочу почувствовать его в себе. Плевать, насколько он большой. Пусть быстрее утолит нестерпимое желание.

На мой призыв Стас проникает пальцем и гладит внутри. От невероятных ощущений прогибаюсь в спине, кусаю губы, но облегчения не наступает. Мучитель добавляет второй палец и увеличивает темп. Терплю из последних сил.

— Сейчас, пожалуйста, — говорю, едва шевеля губами. Сдвигаю ноги в коленях для лучшего проникновения.

Стас отвечает на приглашение и пристраивается между ног.

— Готова?

— Давно готова.

И момент, который я ждала так долго, наконец наступает. Стоны становятся громче, предвкушая облегчение. Стас мучает меня медленным проникновением. Дает привыкнуть. В качестве мести сжимаю и разжимаю член мужчины внутри себя. На что Волков дергается и шипит.

Сжимаю руками его ягодицы и подталкиваю глубже. Тогда одним резким движением человек, которому я отдала своё сердце навсегда, меняет жизнь на "до" и "после". Вторгается в страждущую плоть, принося боль, смешанную с кровью и глубокое наслаждение. Стас двигается не спеша, медленно увеличивая темп.

Слезы счастья стекают по лицу. Приносят невероятное облегчение. Наши стоны сливаются во едино, как и наши тела, сердца и разум. Душа распадается на миллионы атомов удовольствия и собирается обратно.

Соня Феникс перестает существовать как отдельная личность, полностью отдавая себя мужчине, который доставляет великое, ни с чем несравнимое чувство — быть любимой.

Глава 23

Просьпаюсь ближе к обеду, безгранично счастливая и удовлетворенная. Подтягиваюсь на кровати, как грациозная кошка под лучами теплого солнца. Тело ломит от усталости. В промежности чувствую легкий дискомфорт. Стас терзал моё тело всю ночь. Только ближе к рассвету заснули.

Любимый уже встал и во всю орудует на кухне. Судя по звукам, готовит завтрак. Вчерашняя ночь возродила во мне надежду на совместное будущее. Уже представляю, как выхожу замуж за Стаса в белом свадебном платье.

Буду каждое утро готовить его любимые завтраки, собирать на работу, вводить в семейную традицию поцелуйчики на удачу. Просто мысль о том, что до конца наших дней смогу заботиться о нем, приносит сладостное блаженство. Хочу, чтобы наша семья жила в большом загородном доме и чтобы в нем слышался радостный детский смех двоих, а лучше троих малышей с голубыми, как прекрасные лесные озера, глазами Стаса.

С такими радостными мыслями забегаю на кухню, чтобы увидеть любимого, по которому успеваю соскучиться, и замираю от увиденного.

— Настя? Ты как сюда попала? — не могу скрыть неприятное удивление и разочарование.

— И тебе привет, подруга, — льется жизнерадостный голос, — Стас ключи дал, попросил за тобой присмотреть.

— Я что, маленькая? И где он сам? — одолевает неприятное предчувствие.

— Не знаю, — пожимает плечами подруга, попутно помешивая жидкое тесто для блинов, — он у тебя ночевал?

— Да, — выдаю односложный ответ.

— Переспали? — поглядывает с хитрым прищуром лиса.

Киваю в ответ, не дожидаясь её реакции. Сейчас не это важно. Ухожу искать телефон. Срочно нужно позвонить утреннему беглецу. Может, случилось что-то серьезное.

Но мужчина недоступен и на следующий день, и через неделю. От беспокойства схожу с ума. Никто не знает, куда он исчез. Виктору Александровичу Стас сообщил лишь о том, что уезжает на неопределенное время. Он же не сбежал, как последний трус? Конечно, нет. В это никогда не поверю. Он всегда отвечает за свои поступки. Принцип у него такой.

Проживаю эту неделю как зомби. Практически ничего не ем, плохо сплю, потом засыпаю на парах или вообще не иду на учёбу. С работы отпрашиваюсь. Настя каждый вечер заглядывает ко мне. Не хочет оставлять одну, но ей приходится.

Хочется выть, как одинокий волк на серебряный диск луны и реветь из-за варварского поступка мужчины, наплевавшего на меня в очередной раз. Даже ни разу не позвонил.

Начинается вторая неделя длительного ожидания. На смену отчаяния приходит лютая злость. Скотина! Как он может так поступать с нами после нашей жаркой ночи. Я живой человек и мне очень больно. Он об этом не подумал, решив не выходить на связь?

Больше не собираюсь прогуливать занятия и необходимо выйти на работу. Здравый смысл, помахавший мне ручкой, постепенно возвращается.

Погрузившись в свои мысли, не замечаю знакомую машину, припаркованную около дома. Прохожу мимо. Родной голос, ранящий душу, окликает, зовет по имени. Замираю. Может, уже мерещится желаемое.

Разворачиваюсь и вижу реального Стаса. Бегу навстречу человеку, который исполосовал меня на тонкие лоскуты за это время. Кидаюсь на него и начинаю судорожно бить маленькими кулачками по твердой груди. Выплескиваю весь накопившийся гнев. Волков никак не реагирует. Сносит все мои удары, будто неподвижная гора.

— Где ты был? Я чуть с ума не сошла, — обвинения так и слетают с моих губ.

— Соня, садись в машину, нам надо поговорить, — серьезным холодным тоном бьет прямо в сердце.

Чую неладное, но послушно выполняю его просьбу.

В машине тепло, приходится раздеться. Стас же сидит в легкой серой куртке. Немного взволнованный, волосы растрепаны. На автомате тяну руку и укладываю его непослушные пряди, пропуская через пальцы.

Волков перехватывает замерзшую ладонь и кладет обратно мне на колени.

Его реакция обескураживает, поднимает волну возмущения. Где тот Стас, который без остановки любил мое податливое тело.

— Эй, ты чего? — обхватываю ладошками его щетинистое лицо, поворачиваю к себе. Чувствую под пальцами приятное покалывание немного отросших волос.

Приближаюсь к нему и нежно целую твердые зажатые губы. Он игнорирует меня, отстраняется, отводит взгляд, не желает даже смотреть в мою сторону.

— Соня, не надо, — ледяной тон отрезвляет поплывшее от его близости сознание.

— Я не понимаю. Поговори со мной. Что с тобой происходит? — прошу мужчину открыться. Мне важно узнать о его настоящих чувствах.

— Прости за ту ночь. Это было ошибкой. Я не должен был приближаться к тебе, — его слова в очередной раз убивают меня, но на этот раз окончательно.

— Что ты такое говоришь? Я же чувствую, что безразлична тебе, — пытаюсь переубедить человека, будто это возможно.

— Через месяц я женюсь на Кате, — приговаривает невинного к смертной казни. Все силы разом покидают меня. Вердикт вынесен и обжалованию не подлежит. Вечный покой в сырой земле — вот что ожидает меня в будущем, а не частный дом, полный детского смеха и родительской любви.

— Ты любишь её? — я должна знать, чтобы окончательно перестать дышать и уйти в спасительное забытие, остановить непрекращающийся поток предательских слез.

— Люблю, — говорит уставшим голосом, будто этот разговор высосал из него все соки.

— Ты обещал никогда не бросать меня, — вспоминаю о его обещании, данном после похорон бабушки.

— Прости, маленькая, — искреннее сожаление в голосе Стаса вбивает последний гвоздь в крышку гроба. Не могу больше находиться рядом с ним. Слишком мучительно.

— Прощай и будь счастлив за нас двоих, — через силу выдавливаю болезненное пожелание.

В последний раз разглядываю черты любимого человека, чтобы больше никогда не вспоминать. Его раскаивающиеся глаза будут до конца жизни преследовать меня. Выбегаю из машины и бегу домой, как спринтер на финише. Прихожу в себя, лишь очутившись в спасительных стенах.

Месяц спустя.

Не могу пропустить Свадьбу Стаса. Я должна своими глазами убедиться, что он женится на другой женщине. Надеюсь, что тогда мне станет легче и смогу его отпустить.

За месяц пламенного ада поняла, что потеряла всякий интерес к жизни. Осунулась, похудела. Просто существую, как безликая тень. Не умею жить без него. Будто вырвали сердце и душу, оставив лишь оболочку, которая, несмотря на мертвость внутри, продолжает существовать. Испытывает естественную нужду.

На регистрации свадьбы много народа. Теряюсь среди толпы гостей, специально неприметно одевшись. Держусь в отдалении, подальше от знакомых лиц.

Катя выглядит бесподобно в белом платье в пол, как модель, сошедшая с обложки модного свадебного каталога. Стас ничуть не уступает ей, одетый в приталенный черный смокинг. Счастливая невеста фотографируется с многочисленными гостями. Стас в двух метрах от неё о чем-то переговаривается с Димой, который выступает сегодня в роли шафера. Нигде не вижу Виктора Александровича. Видимо, решил пропустить официальную часть.

Начинается государственная регистрация, которую успешно прослушиваю, внимательно сосредоточившись на женихе.

Стас не выглядит счастливым, хоть и старается улыбаться. Он может обмануть кого угодно, только не меня. Прекрасно знаю, как выглядит его искренняя улыбка. Не понимаю, что здесь происходит, но всё похоже на фарс.

Пробираюсь вперед, ближе к нему. Регистраторша просит жениха и невесту подтвердить намерение заключить брак согласием.

— Прошу ответить вас Екатерина, — врывается в мой лихорадочный разум противный голос работницы ЗАГСа. Понимаю, что она ни в чем не виновата, но в данный момент ненавижу её не меньше невесты.

— Да, — ни секунды не сомневается без пяти минут официальная жена.

Подбираюсь ближе к жениху и прожигаю его взглядом. Он будто нутром чувствует меня и поворачивается в нужную сторону. Наши глаза встречаются. Смотрю жадно, впитываю, как губка его образ. Удивление на его лице сменяется на обреченность и сожаление.

— Прошу ответить вас, Станислав, — продолжает грузная тетка.

Неотрывно смотрим друга на друга. Качаю головой, прося сказать нет. Молю его. Если бы могла, упала бы на колени. Жених отводит глаза и произносит утвердительно:

— Да.

Порой не замечаешь, в какой миг оказываешься на краю пропасти. Понимание приходит слишком поздно, когда уже летишь молниеносно вниз. Жизнь перед глазами не пролетает. Прекрасные воспоминания не сопровождают в последние минуты. Только ожидаешь смертельный удар, который поставит жирную точку в несчастной истории.

Ко мне подходит встревоженный шафер и быстрым шагом уводит из регистрационного зала в холл.

Успеваю кинуть прощальный взгляд на чужого мужа, пропитанный жгучей ненавистью, ревностью и разочарованием. Я чертова мазохистка, раз сюда пришла. Ожидаемое облегчение не наступило.

— Пойдем. Незачем тебе на это смотреть, — решает за меня друг печальным жалеющим голосом.

Мне настолько становится плохо, что начинает тошнить. Приходится немедленно бежать в уборную. Дима спешит за мной и без стеснения заходит в дамскую комнату. Успеваю добежать до раковины и опустошить два дня не видевший еды желудок. Наружу выходит только жидкость.

— Может в больницу тебя отвезти? — предлагает не на шутку встревоженный друг.

— Всё в порядке, просто я ничего не ела, — успокаиваю ослабшим голосом. Даже стоять нет сил.

— Давай отвезу тебя домой.

— Нет. Я сама доберусь. Иди к Стасу, — без раздумий отказываюсь. Никого не хочу больше видеть.

— Это он попросил тебя отвезти, — произносит Пономарев, вызывая во мне вспышку гнева.

— Передай ему, чтоб катился к черту! — шиплю, как ядовитая змея, готовая наброситься в любую секунду.

— Соня, живи дальше. Он сделал свой выбор, — вздыхает человек, который не понимает, что Стас и есть моя жизнь.

Ухожу из ЗАГСа под недовольный ропот надоевшего за пять минут мужчины. Беру такси и еду в спасительные объятия родной квартиры.

Время беспощадно летит вперед, не замечаю, как пролетает ещё один месяц. Близится апрель, а с ним и годовщина смерти бабушки. Обязательно нужно сходить на кладбище. Не была там со дня похорон.

Порой кажется, что и моя жизнь превращается в кладбище. Каждый день хороню частичку себя, счастливые воспоминания, прожитые вместе со Стасом. И тот единственный раз, когда я могла свободно его любить, могла прикоснуться и не быть отвергнутой.

Каждую ночь прошлое отравляет мои внутренности. Едкий яд сжигает, оставляет лишь прах.

Как робот делаю то, что необходимо ежедневно выполнять, но от этого не становлюсь живым человеком. Это только набор функций, алгоритм, который заставляет двигаться.

О Стасе ничего не слышно. Виктор Александрович перестал со мной делиться обстоятельствами личной жизни женатого сына. Родители всегда на стороне своих детей. Попросил не лезть в сложившуюся семью, хоть сам и был против его женитьбы на Кате. Как отец он, наверное, прав. Принимает любые решения своего ребенка и не мешает делать собственные ошибки.

В этот момент я ощутила, что потеряла ещё одного близкого человека.

Осталась только Настя, но у неё своя жизнь, которая бурлит и изливается живыми потоками. Летом она собирается уехать к своему любимому, возможно, даже переедет к тетке.

Чувствую себя одиноким увядающим цветком, корни которого засыхают без дождя в пустыне. Любому живому организму нужно питание, а я все своё уже истратила и больше не получаю.

— Соня, очнись! Ты меня вообще слушаешь? — щелкает перед моим носом недавно забежавшая в гости рыжая бестия, отрывая от философских размышлений.

— Что? — переспрашиваю, глядя на подругу, которая зачем-то притащила с собой кучу экспресс-тестов на беременность, — опять какие-то эксперименты проводишь?

— Ага, только испытывать будем на тебе, — сообщает со всей серьезностью.

— Почему на мне? — искренне недоумеваю.

— Как будущий врач смело могу предположить, что ты беременна, — ошарашивает своим заявлением подруга.

— Бред, я бы заметила, — говорю с точной уверенностью, что не могла залететь.

— Тебя тошнит, у тебя периодическое головокружение и усталость, а ещё ты постоянно спишь, — Настя загибает пальцы один за другим, пытаюсь меня убедить.

— Ты прикалываешься? А я думаю, что это из-за того, что Стас женился, — сарказм ядом сочится с языка.

— Вы предохранялись?

Вопрос застаёт меня врасплох, начинаю нервно дышать. Нам настолько снесло крышу от желания, что спроси, как зовут, не вспомнили бы. Наутро собиралась сходить в аптеку за таблетками экстренной контрацепции, но Стас исчез, потом вообще было не до этого.

— НЕТ.

— Я купила струйные тесты, на них нужно пописать. Одна полоска будет значить отрицательный результат, две — положительный, — Настя вручает в руки тесты и

подталкивает к двери ванной комнаты с совмещённым санузлом.

Дрожащими от волнения руками забираю приборы, которые покажут дальнейшую судьбу.

Пребываю в легком волнении во время ожидания результата первого теста. Неужели судьба смилостивилась надо мной и решила подарить своё собственное маленькое счастье, частичку от любимого человека. Не собиралась становиться матерью в столь раннем возрасте, но сама мысль о том, что у меня может быть ещё одна родная душа, приводит в невероятный трепет.

Положительный. И последующие тесты тоже. Медленно оседаю на резиновый коврик и облокачиваюсь на холодную стену. Не могу поверить, что беременна. У нас с Волковым будет малыш. Неудержимая радость переполняет, словно поток живой воды приносит исцеление в сердце.

Наш ребенок — наше продолжение. Смысл дальнейшего существования.

Надежда, которая вдруг возродилась из пепла несбывшихся желаний, принесла с собой веру в лучшее будущее и любовь к новой зародившейся жизни.

От переизбытка эмоций не могу сдерживать ливня горячих слез. Сажу, схватившись за колени, и громко плачу. На мой рев прибегает Настя и усаживается рядом со мной. Забирает положительный тест из моей руки.

— Что будешь делать? — слышу предсказуемый вопрос.

— Жить, — только сначала в больницу схожу. В голове лишь одно — забота о малыше.

— Срок беременности 10–12 недель. Диаметр плодного яйца 61 мм, размером с мандаринку, — сообщает радостную новость пожилой врач.

— Это мальчик или девочка? — задаю волнующий вопрос.

— Пол ребенка ещё рано определять. Дождитесь 18 недели для более точного результата.

Хочу быстрее дать ему имя, а пока пусть будет Мандаринкой, как сказал гинеколог.

— Доктор, а можно получить снимок УЗИ?

— Да, конечно.

Выхожу из больницы окрыленной и самой счастливой мамой на свете. В руках несу первую фотографию моего малыша и направления на различные анализы. С мандаринкой всё хорошо, развивается согласно сроку.

Не спеша иду домой вдоль бесснежного тротуара, оглядываю огни вечерних зданий и вновь замечаю черный тонированный джип, который уже видела на днях. Номера дурацкие — три шестерки. Только безбожники ездят на таких машинах, как сказала бы бабушка.

— На фоне беременности у мамы развилась мания преследования, — шепчу Мандаринке, обнимая в защитном жесте еще незаметный живот.

Машина проезжает мимо. Вздыхаю с облегчением. Дурные мысли лезут в голову. Раньше посмеивалась над мамочками, которые тряслись над своими чадами, сдувая с них пылинки. Сейчас сама превратилась в такую.

Невольно вспоминаю об отце ребенка и немедленно набираю его номер. Стас должен знать про наше крохотное счастье.

Идут длинные гудки. Начинаю сомневаться в своем решении, как берут трубку.

— Стас...привет, — не знаю, с чего начать разговор и замолкаю. В трубке тоже провисает долгое молчание, только слышно, как собеседник шумно дышит.

— Слушай сюда, наглая сука! — раздается яростный женский голос, — хватит его преследовать. На свадьбу приперлась, теперь ещё и названиваешь.

Обвинения так и сыпятся в мой адрес. Поднимают волну раздражения.

— Дай телефон Стасу, мне нужно сказать ему кое-что важное, — прошу довольно грубым тоном, не желая церемониться с Катей.

— Он уснул после горячего секса, — сообщает довольная жена, намеренно причиняя боль.

— Разбуди его, это важно, — приходится проигнорировать предыдущее сообщение, чтобы добиться желаемого.

— Соня, прошу тебя по-хорошему, оставь нас в покое. Мне нельзя волноваться, я жду ребенка, — кидает на прощанье беременная жена Волкова и сбрасывает звонок.

Слышу звук разбивающегося о тротуар телефона. Неожиданная новость приводит в смятение. Не понимаю, плакать или истерически смеяться. Поднимаю неживой телефон с разбитым вдребезги экраном и выкидываю в ближайшую урну.

— Мандаринка, вот и остались мы вдвоем, — продолжаю идти дальше, ведя с молчаливым собеседником диалог, — я тебя никогда не брошу. Ты теперь мой мир и моя маленькая вселенная. Твой папочка оставил после себя самый большой подарок. Я буду любить тебя и беречь до конца своих дней.

Останавливаюсь на пустынном перекрестке. Дожидаюсь, когда включится разрешающий сигнал светофора. Дорога плохо освещается.

Дохожу до середины пешеходного перехода. Вдруг замечаю несущийся на сумасшедшей скорости автомобиль. Страх сковывает всё тело. Дикий рев мотора разрезает слух. Яркие фары ослепляют глаза, и...сильнейший удар откидывает вперед. Дичайшая боль пронзает всё тело. И перед тем, как уйти в забытие, успеваю разглядеть номер сворачивающей за угол темной машины. Три шестерки.

Белый свет бьет по глазам. Люди в белых халатах мельтешат передо мной. Не могу думать ни о чем, кроме боли. Кажется, что даже волосы на теле испытывают ужасную пытку. Сознание, словно дельфин, погружается в самые темные глубины и выныривает обратно на поверхность, не издавая ни единого звука.

Сквозь толщу воды слышу властный женский голос:

— Немедленно везите её в операционную. А вам, молодой человек, туда нельзя, — не понимаю, к кому обращается врач. Неужели Стас приехал.

Из последних сил стараюсь приподнять голову, но всё тщетно. Острая боль, как закалённая сталь, проходит по всему телу и укладывает меня обратно. Тихий хрип, как вольная птица, вылетает из моего рта и привлекает внимание мужчины. Пытаюсь разглядеть приближающиеся к моему лицу очертания, но барьер слез не позволяет идентифицировать человека.

— Принцесса, не шевелись, — сочувствующим голосом произносит Кирилл Киселёв. Его узнаю из тысячи. Может, это и к лучшему, что он здесь.

— Никому не говори об аварии, — единственное, что могу прохрипеть, вспоминая спланированный наезд.

Темнота никогда меня не пугала. Я боялась неизвестности, потому что не знала, откуда люди прибывают на эту землю и куда отправляются потом. Смерть — это начало или конец? Хочется думать, что все же начало. Ведь конец стал таким мучительно ужасным.

Умирать не больно. Больно возвращаться в жестокую реальность, где тебя ждет не любимый человек, а собственное изувеченное тело, которое, не смотря ни на что, хочет жить.

— Филипп Аркадьевич, прошло три дня, когда она очнется, — первое, что слышу, приходя в себя.

— Не волнуйся, Кирюша, ещё немного подождем, — вздрагиваю от холодного незнакомого голоса.

— Какие прогнозы? Она сможет видеть?

— Потребуется ещё одна операция, а там видно будет, — оглушает новостью лечащий врач.

Это они сейчас про меня говорят? Открываю глаза, и дневной свет ударяет по одному из них, а второй ничего не видит. Начинаю испуганно мычать. Доктор подбегает и начинает осматривать.

— Тише, тише, старайтесь не двигаться, — предупреждает Филипп Аркадьевич. Но слишком поздно. Не могу сдержать мучительные стоны. Болевые ощущения проходят по всем чувствительным местам, особенно в районе живота. Мой малыш.

— Что с моим ребенком? — вырывается скрип из пересохшего горла.

— София Игоревна, вынужден вам сообщить, что из-за полученных повреждений плод сохранить не удалось.

Раньше думала, что нет ничего страшнее, чем расставание с любимым человеком, ставшим твоим миром. Как же сильно я ошибалась. Не смогла защитить своего ребенка.

Чувство вины и потери смертельным камнепадом обрушиваются на меня. Будто горишь на костре, и языки пламени облизывают твою плоть, оставляя после себя лишь обугленный

труп. Сумасшедшая агония заставляет истощено орать, вызывая у сторонних наблюдателей жуткие эмоции.

— Принесите успокоительное, — кричит врач стоящей рядом медсестре.

Лекарство действует быстро. Успокаиваюсь и погружаюсь в спасительный сон.

Маленькая девочка с ясными голубыми глазами бежит по берегу бескрайнего синего моря навстречу худой невысокой девушке. Её длинные каштановые волосы развеваются от теплого бриза. Юное беззаботное личико озаряет счастливая улыбка, когда мама ловит и поднимает на ручки её легкое тельце. Задорный смех разносится ветром по всему песчаному побережью.

— Смотри! — пухленьким пальчиком малышка указывает в солнечное небо, куда стремительно взлетает стая белых птиц и исчезает в дали.

— Улетели, — грустно шепчет девушка.

— Я тоже полечу с ними, — делится с радостью в голосе дочка.

— Зачем, милая? — спрашивает взволнованная странным заявлением мама.

— Они полетели домой. И мне пора, — шепчет маленькое сокровище, заглядывая в испуганные глаза матери.

— Я тебя не отпущу, — девушка крепче сжимает в объятиях ребенка.

Малышка крохотной ладошкой вытирает слезы мамы и шепчет на прощанье:

— Отпусти меня.

Просыпаюсь от тяжелого сна со слезами на глазах. Сон, будто явь, напоминает о жестокой действительности.

Рядом в неудобной позе дремлет Кира, откинувшись на спинку стула. Тихо посапывает.

Тянусь перебинтованной рукой к стакану, стоящему на столе. Вода приятно холодит пересохшее горло. Утолив жажду, ставлю стакан обратно, но из-за слабости в теле промахиваюсь и роняю его на пол. От громкого звука мой посетитель открывает глаза.

— Ты проснулась, — облегченно вздыхает молодой человек.

— Что ты здесь делаешь? — до сих пор недоумеваю, каким образом он узнал о происшествии.

— Мне позвонили из больницы, попросили приехать.

Смотрю на Киру непонимающим взглядом, и он поясняет:

— При тебе не было сумки с документами и телефона. Только папка из гинекологии и моя визитка в кармане куртки, — подробно разъясняет мужчина.

— Ты никому не сказал, что я здесь? — перехожу к самому главному.

— Нет, как ты и просила. Только не понимаю, почему?

Облегченно вздыхаю, одной проблемой меньше. Мне надо подумать, что делать дальше.

— Это была не просто авария, а покушение, — поясняю другу.

— В смысле покушение? — удивленный громкий голос бьет по мозгам.

— Я видела машину, которая меня сбила до этого несколько раз.

— Но зачем кому-то тебя сбивать? — недоуменно говорит Киселёв.

— Сама не понимаю, — отрицательно качаю головой, перебирая в памяти людей, кому могла так насолить. Но никто на ум не приходит, — полиция уже приходила?

— Нет, что меня удивило, — сообщает плохую новость задумчивый собеседник.

— Ты знаком с врачом больницы? — высказываю свои предположения.

— Да. Я тебя перевез в частную клинику моей семьи. Не беспокойся, здесь тебя никто не найдет.

— Что со мной?

— Множественные переломы и ушибы, точнее скажет лечащий врач.

— Когда я смогу видеть?

— Нескоро, — понимаю, что Кира — бесполезный источник информации, но может быть полезен в другом.

— Можешь выяснить, кто это сделал? У тебя же есть необходимые связи? — с надеждой смотрю на единственного человека, к которому могу обратиться с просьбой.

— Не уверен, но попробую, — сообщает Кира утешительную новость, попутно что-то печатая в телефоне, — через три дня навещу тебя, а пока появились срочные дела, я пойду.

Прощается со мной новый друг и уходит, оставляя меня в совершенном одиночестве в ВИП-палате.

У судьбы удивительное чувство юмора. Вчера вы непримиримые враги, а сегодня друзья, готовые прийти на помощь. А любимые, за которых ты готов отдать жизнь, становятся безразличны.

Вызываю по экстренной кнопке медсестру и прошу принести мобильник. Невзрачная высокая девушка сразу соглашается и приносит кнопочный телефон.

По памяти набираю въевшийся в мозг номер и слушаю, как женский голос сообщает, что абонент выключен или находится вне зоны действия сети. И так несколько раз. Сукин сын. Без остановки проклинаяю Стаса, который так нужен мне сейчас. Я в отчаянии, не понимаю, что делать дальше.

Ярость и жгучая обида рождаются из пепелища сердца. Начинаю испытывать ненависть к Стасу так же сильно, как когда-то любовь. Всегда отдавалась своим чувствам до конца, что меня и погубило. Счастье, которое я должна была взять на руки, оставило меня.

Агония потери захватывает в плен все мои чувства. Никогда ещё не испытывала такую безысходность и бессилие. Поздно что-либо исправлять. Прошлое безвозвратно ушло и забрало с собой всё самое дорогое, что у меня было. Незачем больше жить, кроме мести. Уничтожу всех, кто разрушил мою жизнь, растопчу, сожгу и развею черный пепел по ветру.

— Соня, проснись, приехали, — будит громким голосом Киселёв, вырывая из блаженного покоя.

Бессонные ночи дали о себе знать в самый неподходящий момент. Кошмарные воспоминания последнего месяца мучают меня, как только закрываю глаза в попытках уснуть.

После долгих уговоров врача, меня выкатили на инвалидной коляске из больницы. Темная ночь и больничная маска помогли скрыться от недоброжелателей, не оставивших попыток найти меня. Кто является заказчиком, до сих пор не удалось выяснить. Всё оказалось намного серьезнее, чем мы предполагали.

И сейчас, сидя в небольшом фургончике на кладбище, из тонированного окна наблюдаю за процессией собственных похорон.

Уплываю в воспоминания недельной давности.

— Тебя ищут серьезные люди, что ты натворила? — недовольный тон Кирилла заставляет напрячься.

— Да не знаю я. Никому ничего не делала. Да и что с меня взять, кроме трехкомнатной квартиры, — говорю обиженно. Искренне не понимаю, в чем виновата.

— Им точно не квартира нужна, а твоя жизнь. Хорошо, что тебя перевезли к нам, иначе уже была бы на том свете.

Эти отморозки перешерстили больницу, куда меня доставила скорая. Кирилл после операции транспортировал меня в свою клинику для лучшего ухода по чужим документам. Серьезно отнесся к моей просьбе никому не сообщать.

— Ты же понимаешь, что должна исчезнуть сама. Рано или поздно тебя найдут. Даже со связями отца не удалось выяснить, кто за всем этим стоит, — взволнованно сообщает друг, который переживает за мою жизнь.

За последние недели мы с Кирой сдружились. Он стал моей спасительной соломинкой.

— Я должна умереть? — усмехаюсь единственному решению, которое приходит на ум. Не самый плохой выход из ситуации. Отправлюсь к своей семье, к Мандаринке, которую при жизни не смогла увидеть и взять на руки.

— Как вариант, — удивляет товарищ, соглашаясь со мной, — София Игоревна Феникс умрет от полученных травм, не приходя в сознание, в больнице. Как тебе?

— И ты сможешь всё это организовать? — спрашиваю, не веря в происходящее.

Кира кивает, довольно ухмыляясь принятому решению.

Удивленный возглас водителя фургона возвращает меня в настоящее, где небольшое количество людей кидают пригоршни земли в могилу усопшей. Кого там на самом деле хоронят, Кирилл решил мне не сообщать, показал лишь фото. Снимок мертвой девушки, чем-то действительно похожей на меня, после тонны грима и искаленного аварией лица стал ещё одним кошмаром наяву.

До сих пор не укладывается в голове, как его людям удалось организовать всё так быстро и правдоподобно. За короткий срок нашли подходящее тело в одном из многочисленных моргов страны. За большие деньги можно сделать всё что угодно. И это действительно пугает.

Единственное, о чем попросила Киселёва, чтобы не хоронил неизвестную рядом с

родными.

— Ты знаешь, кто эта беременная девушка? — слишком взволнованным голосом сообщает Кирилл, указывая в сторону семьи Волковых, и передает мне походный бинокль.

Смотрю на довольно округлившийся живот Кати, и огненная лава ненависти прожигает меня до самых костей. Держит Стаса за руку и пускает скупые слезы. Ей не в адвокаты, а на актрису надо было идти учиться. На Стаса стараюсь не смотреть. Слишком больно, раны ещё не зажили. Безжизненное лицо Виктора Александровича задевает внутри меня что-то, но не обращаю на это внимания.

Рядом с ними стоит зареванная Настя, облачиваясь на Диму. Она единственный человек, перед которым чувствую вину, но ничего не могу поделать.

— Это жена Стаса, — выплевываю с отвращением в сторону женщины, которая в конечном итоге получила всё.

— Теперь понятно. Пристегнись, немедленно уезжаем отсюда!

POV Стас

Её больше нет. Моей милой Соньки больше нет. Не могу в это поверить. Даже сейчас, стоя на её свежей могиле. Что я наделал? Не уберег. Не защитил.

Чувство потери засасывает меня в пучину безумного отчаяния. С каждым днем всё больше и больше. Моя маленькая девочка. Любимая. Я совершил ужасную ошибку, поддавшись на шантаж Екатерины.

Возвращаюсь в воспоминания двухмесячной давности, которые мучают меня по ночам.

Теплое дыхание безмятежно спящей девушки, как бальзам разливается по телу. Оголенные груди вновь возрождают дикое желание. Стройное тело освещается первыми лучами восходящего солнца. Короткие пепельные волосы раскинуты в разные стороны. Не могу удержаться и делаю снимок на телефон.

В памяти тут же всплывают горячие сцены безудержного секса. Её стоны подо мной будоражат все внутренности, кипятком разливаются по венам. И всё происходящее кажется таким естественным и правильным, будто она создана для меня.

Когда я увидел Соню, выходящую практически голой из комнаты валяющегося без сознания парня, озверел от ревности. МОЯ. Душащее чувство стало застилать глаза. Готов был придушить её любовника там же, но сдержался, понимая, что не имею на неё никаких прав.

А потом просто не смог устоять, увидев Феникс полностью обнаженной. Специально ведь провоцировала меня. Маленькая стерва. Но родная.

Смотрю на неё и осознаю, что она мне нужна как воздух. Никому не отдам. Сделаю своей навсегда. Поэтому еду в ближайший ювелирный салон и покупаю обручальное кольцо. По пути заезжаю за цветами. Но мои планы срывает входящий звонок от Екатерины.

— Да, слушаю, — бурчу недовольно в трубку.

— Стас, у меня к тебе серьезный разговор, — взволнованно сообщает собеседница.

— Нельзя отложить разговор на завтра? Занят сегодня, — невольно улыбаюсь, вспоминая о важном деле.

— Боюсь, что нет. Я беременна, — довольным голосом сообщает Свиридова.

Шок парализует всё тело. Забываю родную речь. Проклятье. Как такое могло произойти? Я всегда предохраняюсь. Только с Сонькой забыл о контрацепции. Вчера эта сексуальная дьяволица напрочь выбила из меня здравый рассудок.

— Еду, — еле проговариваю Кате, которая уже начала недовольно сопеть от ожидания.

Свиридова встречает меня при полном параде. Короткое облегающее платье, как вторая кожа, обтягивает стройную фигуру. Яркий макияж придает выразительности глазам. Но никакого эффекта девушка на меня не производит. Перед глазами только одно хрупкое создание. Имя которой въелось глубоко в сердце. Соня Феникс.

Катя приглашает на кухню. Запах ароматного кофе заполняет пространство. Садимся за стол. Девушка начинает диалог с того, что кладет передо мной снимки УЗИ.

— Что ты собираешься делать? — задаю девушке главный вопрос, от которого зависит наша дальнейшая судьба.

Катя прожигает меня уверенным взглядом. Шестым чувством понимаю, что ответ мне не понравится.

— Женись на мне, — Свиридова подтверждает мои ощущения.

— Исключено, — кидаю на будущую мать свирепый взгляд, — я готов помогать тебе финансово и участвовать в жизни ребенка, но жениться не буду.

Кольцо, купленное сегодня утром для Сони, лишь убеждает меня в правильности принятого в отношении Кати решения.

— Ты не понял, Волков. Это не просьба, — холодный тон девушки заставляет поежиться и задуматься о своей адекватности. Что вообще я в ней нашел? Расчетливая сука.

— Иначе я сделаю аборт. И это не обсуждается. Что ты выберешь? — ехидная улыбка расплывается по лицу девушки.

— Ты не посмеешь! — шиплю в ответ. Никогда не реагировал на угрозы. Но не с Катей. Знаю, что сделает аборт. Не первый день знакомы. Эту тварь ничто не остановит.

— Хочешь проверить?

— Нет, — не тогда, когда моему незащищенному ребенку грозит смерть.

Взгляд привлекает белоснежное платье, висящее в прихожей, покрытое прозрачной пленкой. Знала, стерва, что не откажусь. Уже свадебное платье купила. Но это ничего не меняет. Разведусь, как только родится ребенок.

— Стас, поехали, — возвращает в реальность печальный голос Пономарева.

Кладбище уже опустело. Солнце скоро сядет.

— Отвези Настю домой. Я ещё побуду с ней, — взглядом показываю на улыбающееся изображение любимой с надгробного камня.

Дима кивает и оставляет меня в одиночестве.

— Не прощай меня, — шепчу, смотря в светящиеся радостью глаза Сони, — я сам себя не прощу.

Жизнь потеряла всякий смысл в один момент. Столько времени угробил на то, чтобы понять, что люблю её. Ничего не имело значения, кроме моей малышки. Любые отношения стоят риска. А я побоялся рискнуть, за что и поплатился. И цена оказалась непосильной, убийственной. Я заслуживаю ада. С этого дня и до конца жизни буду гореть в сжигающем пламени вины и раскаяния. Прошлое безвозвратно ушло, а будущее не сулит никаких надежд.

Обессиленный и полностью опустошенный, падаю на колени. И впервые в жизни начинаю рыдать. Я не плакал, когда исчезла Уля, не плакал, когда ушла мать. Слезы отчаяния и безысходности начинают душить меня. Нет желания жить. Без неё.

Пять лет спустя.

Самолет, завершающий рейс Тель-Авив-Москва, мягко приземляется на посадочную полосу в аэропорту Внуково. Свежий вечерний воздух принимает в родные объятия, принося вздох облегчения. Весна в самом разгаре. Наконец-то вернулась домой.

На выходе встречает Кирилл собственной персоной и мой Сальвадор, по которому безумно соскучилась за последние долгие месяцы, проведенные в Израиле. Съездила подлечиться и заодно отдохнула перед предстоящим сражением.

Серая кугша, радостно виляя хвостом, бежит ко мне на встречу. Встает на задние лапы и начинает облизывать, вызывая во мне приступ хохота.

— Сальва, отойди, теперь моя очередь, — отпихивает пса в сторону друг, который рад меня видеть не меньше, и заключает в братские объятия.

— Привет, — шепчу, заглядывая в родные глаза человека, который за пять лет стал моей семьей, и нежно целую в холодную щеку.

— Наконец ты вернулась, Анна, — Кира облегченно вздыхает и крепче сжимает.

— Задушишь! — со смехом вырываюсь из объятий.

— Поехали, отвезу тебя домой, — заботливо предлагает возмужавший Киселёв, ставший еще красивее, чем был. Из юного мальчишки превратился в мужчину.

Каждый из нас изменился, пав жертвой сложившихся обстоятельств. Мы быстро повзрослели и взяли полную ответственность за свои жизни, не рассчитывая на постороннюю помощь. Отца Кирилла убили три года назад, и ему пришлось встать во главе большой компании. Вместе с кучей проблем, связанных с управлением бизнеса, у нас появился и общий враг.

В новостройку на окраине Москвы добираемся за полночь. Однокомнатная квартира встречает гробовой тишиной и запахом недавно законченной отделки. Дизайнер оправдал свой многотысячный гонорар, оформив помещение по высшему разряду. Одна кухня в стиле модерн многого стоит. Светлые тона и серебристая техника соответствуют моему вкусу. А за мраморные стены и черную раковину с джакузи — отдельное спасибо.

Обследовав маленькую современную квартиру, остаюсь довольной. Сальве новый дом тоже нравится. Особенно кожаный диван, который он принимается усердно грызть. Приходится пригрозить пальцем и поставить в угол, что пес беспрекословно выполняет. Умная собака.

— Будешь чай, — вспоминаю о своем госте.

— Нет, я поеду. Или можно у тебя остаться? — с хитрым прищуром и веселой улыбкой напрашивается на ночевку наглец, прекрасно зная, что в доме только одно спальное место.

— Поезжай домой. Только аккуратно, — выталкиваю уже смеющегося во весь голос парня за дверь.

— Завтра в одиннадцать встречаемся в моем офисе, — слышу напоследок прекрасные новости.

Порой его выходки сводят с ума. Стараюсь не придавать особого значения такому поведению, в надежде, что это не влюбленность. Усталость дает о себе знать, поэтому иду в душ и ложусь спать на безумно мягкую кровать.

Утром просыпаюсь от громкого лая Сальвы, который привык будить меня каждый день

в шесть утра. На прогулку выходим спустя двадцать минут. Радостный пес выдерживает поводок и убегает по своим делам. Спешу в след за ним, попутно благодаря небеса за чудо, которое вернуло меня к жизни.

Пять лет назад.

После похорон проходит почти два месяца. На время подготовки новых документов затаились в глухой деревне. Ожидаем выезда в Израиль, где я пройду реабилитацию и операцию по пересадке роговицы глаза. Кира уже успел задним числом продать бабушкину квартиру. Всё подстроили так, будто я собиралась переехать в другой город, но не успела.

Жизнь во мне потухает с каждым днем. Становлюсь безликой тенью. Ухожу в себя. Начинается депрессия. Нет сил для борьбы. Впереди долгий путь к восстановлению, но ничего не хочу. Ни ненавидеть, ни мстить. Думаю лишь о своей доченьке, которую видела во сне. Хочу быть с ней.

Кира неизвестно откуда приносит побитого породистого щенка и кидает мне на кровать, с которой изредка встаю по нужде.

— Зачем ты притащил его? — спрашиваю безжизненным голосом, скидывая с себя кутенка.

— Вставай, ему надо помочь, — приказывает доктор Айболит, непонятно зачем ставший спасителем несчастных и обездоленных. Меня в том числе.

— Отвези в ветеринарную клинику, — предлагаю разумное решение, недоумевая, причем здесь я.

— Где мне в этой дыре ветеринарку найти? — смотрит так, будто сказала неслыханную глупость.

— Вставай или выкину его на улицу! — переходит к угрозам парень, явно пытаюсь меня расшевелить.

— Дерзай, — говорю спокойным тоном, безразличная к дальнейшей судьбе псины.

В глазах Киры вспыхивает откровенная злость. И то, что происходит дальше, выводит меня из привычного состояния, затрагивает глубоко спрятанные чувства, напоминая о том, что все еще дышу и могу чувствовать что-то кроме, обреченности.

— Убери пистолет! — шиплю на Киселева, схватившего щенка за шкурку и приставившего оружие к его крохотной головке.

Взлетаю с кровати и выхватываю малыша из его хватки, не представляя, на что ещё способен этот мерзавец. Прижимаю трясущееся тельце к теплой груди и глажу, успокаивая его и себя. Осматриваю бедное животное, побитое жизнью так же, как и я. Мы с ним похожи. Никому не нужные сиротки, одинокие и нелюбимые.

— Надо обработать ранки и покормить. Я позабочусь о тебе, — говорю себе под нос, но Кирилл прекрасно всё слышит и усмехается.

— Так-то лучше, — подводит итоги своей психотерапии человек, которому самому не помешало бы лечение.

Наши дни.

Сальвадор подбегает ко мне, держа в руках скрюченную палку, прося с ним поиграть. Он очень жизнерадостный пес. С того дня мы с ним неразлучны. Сальва стал для меня спасительным плотом, благодаря которому смогла выплыть из пучины забвения, уносившего ближе к гибели. Он заставил меня ежедневно заботиться о нем и полюбить всем сердцем.

— Сальва, домой. Мамочке надо по делам, — окликаю собаку, в очередной раз побежавшей за новой игрушкой.

В строительную фирму Киселева добираться ближе к обеду на своем новеньком белом Мерсе. Три с половиной года назад вложила деньги, оставшиеся после продажи квартиры, в развитие нового направления, о котором так мечтал Кира. На сегодняшний день получаю хорошие дивиденды от вырвавшейся на лидирующие позиции компании. Имя и репутация, оставшиеся от отца, существенно облегчили продвижение организации в строительной отрасли.

Заезжаю на подземную парковку, где меня встречает личный ассистент Киселева.

— Доброе утро, Анна Германовна! Кирилл Александрович вас уже ожидает.

С милой улыбкой обращается женщина, которую два года назад я лично выбирала Кире, так как у него не было времени на поиск персонала. Татьяна сразу же пришлась по душе. Добрая и отзывчивая мама троих детей, которой нужна была работа. До меня ей отказали в шести компаниях, сомневаясь в трудоспособности многодетной матери. Но Татьяна не подвела, как и обещала. Её личная жизнь никаким образом не повлияла на работу.

— Кирилл Александрович предупредил об особенности сегодняшнего совещания? — уточняю на всякий случай, чтобы не было неожиданных казусов.

— Да, дал четкие указания проводить остальных через черный ход и никого не впускать в переговорную. Ни под каким предлогом.

Поднимаемся до шестого этажа бизнес — центра на зеркальном лифте в полной тишине. Взгляд непроизвольно падает на своё отражение. За последние годы сильно изменилась. Перекрасила отросшие до бедер волосы в черный цвет, постригла челку, которая, как ширма, закрывает рваный шрам на лбу. Всегда ношу темные очки, чтобы прикрыть левый глаз, который так и не удалось полностью восстановить. Строгий костюм облегает немного округлившееся тело, скрывая другие многочисленные рубцы, оставшиеся после аварии. Врачи предлагали удалить уродливые шрамы, но получили категорический отказ. Они служат напоминанием тому, ради чего я дышу.

Короткий звон оповещает о том, что мы доехали до нужного этажа.

Татьяна провожает до переговорной, где уже собралась вся моя команда. Разговоры за столом сразу же затихают, когда в помещение врывается главная виновница торжества.

Прохожу и сажусь в черное офисное кресло во главе стола. Кира сидит по правую руку от меня. Окна переговорной задернуты жалюзи, что не позволяет наблюдать за происходящим внутри. У каждого члена команды на руках досье на определенного человека.

— Всем добрый день, рада снова вас видеть! — оглядываю поочередно людей, которых впереди ожидает особенная миссия.

В ответ раздается радостный приветственный клич, имитирующий вой волков и заразительный смех. Какие же они ещё дети, хоть некоторые и старше меня. Радует, что несмотря на пройденные трудности, они смогли сохранить вкус к жизни и не сломались.

— Антон, приступай, — даю разрешение молодому, но гениальному хакеру начать презентацию. В помещении сразу же воцаряется убийственная тишина. Все прекрасно понимают, ради чего собрались.

Высокий двадцатилетний парень в очках включает слайд, на котором высвечивается ненавистное грозное лицо пожилого мужчины, и начинает:

— Свиридов Алексей Григорьевич, 1953 года рождения. Переехал в Москву из Липецкой области в конце 80-х с женой и единственной дочерью. По молодости судим за непредумышленное убийство. В 90-х сколотил состояние на торговле наркотиками и оружием. Многие структуры вели на него охоту, но никому не удалось собрать достаточно доказательств. Либо исчезали свидетели, либо убирали ведущих следователей. Одним из которых оказался Волков Виктор Александрович. Год назад Свиридов полностью отошел от легального бизнеса по производству лекарственных препаратов, передав управление компанией дочери. На данный момент разведен. Бывшая жена после развода уехала жить в монастырь, — Антон тяжело вздыхает.

Прекрасно понимаю, как ему тяжело дается это представление. Как и сидящей напротив юной девушке, по щекам которой текут слезы. Они, как и я, стали жертвой этой мерзкой семейки.

Мы с Кирой отыскали их случайно два года назад, увидев в желтой прессе статью об изнасиловании восемнадцатилетней начинающей модели. Брат-близнец давал интервью против известного уважаемого бизнесмена и обвинял его в жестоком насилии. На следующий же день весь тираж газеты сняли с продажи, что заставило нас задуматься об истинности данного заявления.

Адрес потерпевшей нашли быстро, но Тони и Антона там не оказалось. Интеллигентные родители и слышать не хотели об опозорившей семью дочери. Верные псы Киселева нашли их скрывающимися от людей Свиридова в одном из столичных мотелей и перепрыгали по новым документам в Подмосковье. Позже выяснилось, что Антон Куницын гений в программировании. Кира сразу же прибрал его к своим рукам, как драгоценный камень.

— На данный момент подозревается в незаконных поставках оружия в страны третьего мира. Также имеется сеть подпольных казино и борделей. По нашим данным основными посетителями являются медийные личности, политики и общественные деятели. Правоохранительные органы покрывают деятельность организаций.

— Удалось собрать доказательства, чтобы навсегда избавиться от этой мрази? — с презрением отзываюсь о твари, отнявшей и искалечившей много жизней.

Увидев на похоронах жену Стаса, Кира сложил пазл, который никак не складывался. Он лично знал Свиридовых. И на какие зверства способен глава семейства. В 90-е Киселёв старший вел общие дела со Свиридовым, потом их пути разошлись. Однако три года назад у них возник конфликт, и отца моего друга нашли мертвым с огнестрельным ранением в собственной квартире. Убийцу так и не нашли. Но мы с Кирой уверены, кто в этом замешан. Как и в покушении на меня. Остается выяснить, за что?

— Да. Есть несколько неопровержимых доказательств, указывающих на его причастность.

— Только кто осмелится предъявить ему обвинения?

Звучит вопрос, над которым долгое время ломала голову.

— Если противник полон сил, не нападай на него, — цитирую отрывок из древнекитайского трактата «Искусство войны».

— Антон, ты достал компромат на клиентов, регулярно посещающих бордели и казино? — обращаюсь к молодому специалисту в надежде, что он все же смог взломать их систему безопасности и получить доступ к камерам видеонаблюдения. Если хочешь победить врага, избавься от источника его силы.

— С трудом, но смог. Их программисты до сих пор не заметили шпионскую программу. Мне нужно ещё немного времени, чтобы поймать рыб крупнее.

— Отлично! Как только всё соберешь, жду у себя, — с благодарностью отдаю приказ нашему спасителю.

— Ослабим влияние Свиридова, пошатнем его авторитет. Свои же и нападут в попытке убрать его. Среди клиентов казино также был замечен главный прокурор, — поясняет остальным Кира. Мы с ним на одной волне.

Киваю Куницыну, чтобы продолжал.

— Свиридова Екатерина Алексеевна, 1979 года рождения, ныне Волкова. Бывший юрист. Ныне генеральный директор фармацевтической компании «Альфа». Замужем, есть дочь. С отцом напряженные отношения. Не судима, но в подростковом возрасте была обвинена в избиении одноклассницы. Дело впоследствии замяли. Жертва забрала заявление, сказав, что дала ложные показания.

— Дима, — обращаюсь к старому другу из прошлого, — можешь разыскать одноклассницу Кати? Хочу знать, из-за чего произошла драка и почему жертва забрала заявление.

Детектив кивает в ответ. Предчувствие, будто упускаем что-то важное, не отпускает. Все пять лет жду момента, когда смогу отомстить каждой твари, причастной в смерти моего ребенка. Жажда мести согревает меня одинокими ночами, дает силы вставать по утрам. В свободное от учебы время придумываю план по уничтожению империи Свиридовых.

— Сколько процентов акций компании на сегодняшний день вы смогли выкупить? — обращаюсь к Кириллу, надеясь на хорошие результаты. Отберу всё, что дорого Кате. Как когда-то она поступила со мной.

— Сорок семь. Обрабатываем ещё одного акционера. Слишком упрям. Если не согласится, придется шантажировать тюремным прошлым. Его жена и дети не в курсе, что он сидел за растление малолетней, — сообщает возникшую неприятность Пономарев, участвующий в скупке акций вместе с Кирой.

— Отлично, — потираю довольно ладони. Совсем скоро мы сможем нанести ответный удар по противнику. Киваю Антону, чтобы продолжал.

— В последнее время Екатерина часто посещает питейные заведения и ночные клубы. Не раз была замечена с другими мужчинами, — удивляет неожиданной информацией докладчик. Отношения супружеской пары начинают волновать всё больше и больше. Игра становится интересной.

— Проследите за ней. Мне нужны доказательства её аморального поведения, — уничтожу эту суку, которая наплевала на священные узы брака. Но мне только на руку её разгульный образ жизни.

— Кто занимается воспитанием ребенка?

— Преимущественно муж. Есть приходящая няня.

Всегда знала, что он будет отличным отцом.

— Что есть на Станислава Волкова? — обращаюсь к Алисе, которая полтора года назад устроилась секретарем Стаса.

Она сменяет Куницына и включает следующий слайд с информацией и фотографией некогда безумно любимого мужчины. Он стал выглядеть намного старше своих лет. В уголках до боли знакомых глаз образовалась легкая паутинка морщин. Взгляд как у столетнего, уставшего от жизни старика. Видимо, нелегкий выдался день. Щетина ему совсем не идет. Только шрам остается таким же. Мы были бы отличной парой, усмехаюсь несбыточной мечте.

Кирилл неотрывно смотрит в мою сторону, изучает. Что он там надеется увидеть? Боится, что я до сих пор люблю Стаса и не доведу начатое до конца? Он ошибается. Моя любовь умерла и похоронена вместе с Соней Феникс. Анна же мечтает станцевать последнее в своей жизни танго на их костях и получить долгожданную свободу.

— Дела в его фирме идут отлично, прибыль ежегодно увеличивается. Недавно компания вошла в топ лучших детективных агентств. Скоро планируется открытие адвокатской конторы, на которую приглашены сливки общества. Сам Станислав Викторович был против масштабного мероприятия, но жена настояла, — сообщает уже знакомую из интернета информацию, тайный агент.

— Ты установила прослушку в его кабинете? — пора приступать к плану, к которому готовилась так долго.

— Да. Спрятала под креслом, как вы и просили.

— Как часто проходят проверки на обнаружение подслушивающих устройств? — все нужно просчитать до мелочей, нельзя ошибиться.

— Сам Станислав Викторович нечасто посещает личный кабинет, только по неотложным делам или во время встреч с очередным клиентом. Следующая планируется через три недели. Я уже договорилась со специалистами, — радуется хорошими новостями Алиса. В запасе достаточно времени для осуществления задуманного.

На этом распускаю совещание, попросив остаться Диму. Есть вопросы, которые мы должны обсудить наедине.

— Что там с делом Ульяны Волковой? Узнал что-нибудь? — смотрю на Пономарева ожидая, что он хоть немного продвинулся с мертвой точки. Насколько нам известно, Стасу до сих пор не удалось что-либо выяснить.

— Я нашел человека, который участвовал в похищении Ули. Там такая запутанная история, не могу найти концов, — радуется хоть какой-то информацией Пономарев.

— Он подтвердил причастность Свиридова к похищению? — единственное, чем занят мой мозг в последние дни.

— Да, — вздыхает с облегчением друг и протягивает мне флешку. Посмотрю вечером в одиночестве.

— Информации можно доверять? — первое, о чем нужно позаботиться, когда начинаешь серьезную войну.

— Свидетель, бывший мент, участвовавший в сокрытии улики. Только вместо того, чтобы уничтожить их, оставил себе для гарантии безопасности.

— Почему оборотень в погонах передал улики тебе? — не понимаю действия человека, которого в два счета за это уберут.

— Грехи перед смертью замаливает, — недоуменный взгляд, направленный на детектива, заставляет пояснить, — последняя стадия рака поджелудочной железы.

Не испытываю ни капли сожаления к ублюдку, покрывавшему ужасные преступления за деньги. Ничто не оправдывает его действия. Такие люди мнут себя королями, убивают за деньги и власть, забыв о том, что конец у всех один. Смерть. Ей не важно, что ты нажил за свою жизнь. В могилу ты все равно уйдешь ни с чем.

— Соня, зачем тебе это? Срок давности уже истек, — от упоминания имени из далекого прошлого передергивает.

— Распотрошу этот чертов улей. Пусть сами друг другу глотки перегрызут.

Я всего лишь кукловод. Мне ещё рано выходить на сцену. Самый опасный враг — это невидимый враг.

— Так ненавидишь его, что готова уничтожить? — бросает мне в лицо обвинение, подразумевая, что Стас в первую очередь пострадает, когда выступит против врага, которого так долго искал.

— Он предал Соню, не смог защитить их ребенка, потому что был в медовом месяце с дочерью убийцы, — срываюсь на крик, не в силах больше сдерживать негативные эмоции.

Каждую ночь оплакиваю юную глупую Соню, которая просто хотела любить и быть рядом с самым дорогим ей человеком. Но потеряла всё. И себя, и ребенка. Бабушка была абсолютно права, когда пророчила ей гибель.

— Но ты жива! И он любит тебя. После твоих похорон Стас не живет, а существует. Только ребенок дает ему силы двигаться дальше, — пытается образумить друг, но безуспешно. Если любил, зачем выбрал другую? Диме не пробиться через броню ненависти. Моё сердце наглухо закрылось пару лет назад.

— Дима, хватит! — не могу больше выносить его присутствие.

— Ты хоть знаешь, как он назвал свою дочь?

— Нет. И знать ничего не хочу о ней, — упоминание о дочери Стаса больно режет по моему материнскому сердцу, которое никогда не сможет иметь детей, — уходи, ничего не хочу слышать об этой семейке.

— Соня, послушай...

Дима что-то ещё пытается сказать, но я его перебиваю.

— Чего ты хочешь добиться этими разговорами? Думаешь, я всё забуду и кинусь к нему в объятия? Ты забыл, что он и тебя предал! — чувствую, как истерика ломится в закрытую дверь. Начинаю швырять на пол всё, что попадает под руку, в том числе и ноутбук Киры. Знаю, что простит.

В помещение врывается Киселёв, безгрешная душа, и выгоняет Пономарева. Оседаю на пол, судорожно двигая конечностями. Сквозь слезы начинаю истерически смеяться. Давно не было приступа. Так, надо успокоиться и взять себя в руки.

Кира спокойно ожидает, когда закончится припадок. Прекрасно знает, что нужно дать время. Состояние нормализуется минут через десять. Друг бережно подхватывает меня на руки и увозит домой.

Окончательно прихожу в себя на следующий день. С утра выгуливаю Сальвадора и приступаю к чтению учебной и научной литературы.

Орлова Анна Германовна в новой жизни учится дистанционно на бизнес управлении. Нельзя лишней раз светиться. Веду довольно аскетичный образ жизни. Три раза в неделю посещаю спортзал, дважды в день гуляю с Сильвой, езжу за продуктами в ближайший магазин и оттачиваю дальнейший план действий.

Живу в тени. Пока рано выходить на сцену. Сценарист появится на публике только после окончания спектакля.

Проведя целый день за ноутбуком, не замечаю, как наступает вечер. Громкий телефонный звонок прекращает мою работу. Звонит Дима. Долго решаю, брать трубку или нет, но трель не прекращается.

— Алло, — слышит мой недовольный голос собеседник.

— Извини, я не должен был лезть в твои дела, — виноватым голосом просит прощения Пономарев вместо приветствия. Искреннее раскаяние смягчает моё сердце.

— Уже простила, — сообщаю хорошую новость, прекрасно понимая, что он не специально вывел меня из себя.

— Как там Настя? — до сих пор не могу поверить, что моя подруга вышла замуж за Диму, бросив своего немца.

— Всё хорошо. Ждет, когда ты сможешь вернуться. Она скучает по тебе.

Эти двое единственные, кто знает, почему Соне тогда пришлось умереть. Дима выследил меня три года назад, не поверив в мою смерть. Всегда видит то, что не замечают другие. Мелкие детали, которые вызвали в нем сомнения, подвигли начать целое расследование и привели к Анне Орловой. Он как был лучшим в своем деле, так им и остался. Стас потерял самого ценного сотрудника, когда выбрал присоединиться к темному миру, чтобы найти свою сестру. Дима был против этого союза и вышел из игры. Так Стас потерял не только Соню, но и лучшего друга.

— Скоро всё закончится, — тяжело вздыхаю, надеясь на благоприятный исход.

Только тогда смогу начать жить по-настоящему, не как безликая тень. Отпущу прошлое вместе с поверженными врагами и уеду строить новую жизнь подальше из этой страны.

— Когда начинаем? — звучит вопрос, который волнует всех членов команды.

Мы и так долго готовились. Искали людей, по крупицам собирали информацию.

— Через пять дней, — говорю шепотом, сама не веря, что этот долгожданный день скоро настанет.

— 13 апреля... Дата смерти Сони, — подытоживает горькую правду друг. Скидываю звонок.

Мои убийцы не учли одного, что в тот же день, когда решили убить Соню, выкопали могилы и для себя. Беззащитная Соня Феникс умерла, и из её праха восстала Анна Орлова готовая склевать один за другим сердца обидчиков, кровоточащие черной гнилью.

Через пару минут поступает ещё один звонок. Секретарь Стаса сообщает, что начальник появился на работе и не один.

С Алисой Романовой мы познакомились случайно, полтора года назад. Чуть не попала под колеса такси, в котором я ехала. Насквозь промокшая от дождя, с пятилетним ребенком

на руках, вся избитая и в крови. Никогда не забуду её животный страх к мужчинам. Ее регулярно избивал муж, который сейчас по моей милости сидит за решеткой.

В качестве благодарности девушка решила помочь в моем деле, хоть я и была против ее вмешательства. Романовой есть ради кого жить. Но она была непреклонна. Тогда и зародилась наиболее безопасная для нее роль во всей этой игре. Стасу в компанию требовался личный секретарь, а девушке нужна была работа. Так и убили двух зайцев одновременно. Яркая и хитрая, как лиса, Алиса замаскировалась под серую мышь, став моими глазами и ушами.

Подключаюсь к прослушивающему устройству и замираю, слыша в наушниках давно забытый мужской голос, причиняющий жуткую душевную боль.

— Катя, сколько ты ещё будешь шататься неизвестно где? Дочь ждет тебя! — от грозного голоса Стаса вздрагиваю даже я, сидя в безопасной квартире.

— Дочь? Она только твоя дочь. Вам двоим больше никто не нужен! — пьяный женский голос вызывает во мне отвращение.

— Не говори глупостей. Ты её мать, — устало вздыхает Стас. Слышу, как он присаживается в кресло и начинает нервно стучать по столу.

— Да, мать. Только на бумаге, — смеётся сумасшедшая, — я не чувствую себя ни матерью, ни женой. Ты только её любишь, а она тебя. Если бы не пригрозила, что сделаю аборт, ты даже не женился бы на мне.

Острый кол вонзается в самое сердце, напоминая о том, что я ещё не до конца мертва, что ещё могу что-то чувствовать, кроме мести. Возможно, это сожаление. Не могу определить своих же эмоций. Несмотря на болезненные ощущения, слушаю дальше.

— Сама виновата, не нужно было оставлять Софи на попечении няnek, как только она родилась, — упрекает Стас.

— Не напоминай мне её имя. Ты специально назвал нашу дочь именем шалавы, которую не можешь забыть! — орет разъяренная жена.

— Не смей её так называть! Это ты сука, которая спит с первым встречным! — слышу взбешенный голос Стаса и сильный удар о стол.

— Катись в ад, Волков. Ты ни разу не притронулся ко мне с тех пор, как женился. А я всего лишь хотела нормальной жизни, как у всех, — Катя начинает рыдать.

— Нормальной жизни, говоришь? Только начала ты её неправильно.

Её слезы как бальзам для моего израненного сердца. Упиваюсь её горем и отчаянием, как сладким опьяняющим вином.

— Нас всегда трое. Ты, я и твоя мертвая Соня, — шепчет отчаянно несчастная жена.

Не могу слушать дальше. Всё равно их болтовня ничем мне не поможет. Бесполезная информация. Выкидываю в сторону наушники и бегу в спальню к спасительной черной коробочке, где похоронен мой ребенок.

Достаю снимок УЗИ моей малышки из верхней полки и сажусь на пол. Единственное напоминание о том, что она когда-то была в моей жизни. У нее уже сформированы ручки, ножки, сердечко. До сих пор снится один и тот же сон, где раз за разом приходится отпускать свою прекрасную голубоглазую крошку в небо с белыми птицами.

— Моя девочка, моя Мандаринка, — ласково глажу первое и последнее фото ребенка.

Влага из глаз крупными шумными каплями падает на снимок. Бережно стираю рукавом свитера слезы, пока бумага не намочла.

— Милая, я никогда не смогу простить твоего отца. Он выбрал не нас, а другую девочку.

У тебя есть сестренка. Её зовут Софи, представляешь. Твой глупый папа назвал её в честь меня, — рассказываю всегда молчаливому собеседнику свои переживания.

Несбыточные мечты разрывают на части. Я бы всё отдала, чтобы вернуться в тот кошмарный день и всё исправить. Но прошлое не вернуть. Остается только отпустить, но даже на это я не способна, иначе у меня совсем ничего не останется.

Чувствительный пес прибегает к рыдающей хозяйке и ложится у ног. Смотрит грустными глазами, разделяя со мной скорбь. Глажу его за мягкую холку и целую своего верного друга во влажный холодный нос. Так и засыпаем в обнимку. Сальва всю ночь согревает моё мерзнущее тело.

Через два дня с утра пораньше в квартиру заявляются веселые близнецы. Жаль с ними расставаться. Но я решила выслать их из страны. Билеты в Париж уже куплены, где Тоня сможет продолжить свою карьеру модели, оставив позади ужасное прошлое. Антон многое сделал для нас, а дальше мы справимся. Им опасно оставаться в России. Есть риск, что их могут вычислить.

— Сальва, как я по тебе соскучилась, — пищит, имитируя голос ребенка Тоня, тискающая довольную собаку, без остановки виляющую хвостом.

— Проходите на кухню, я как раз блины допекла, — зову ребят попробовать мою стряпню. Наконец могу похвастаться своей готовкой. Виктор Александрович гордился бы мной. Легкий упрек совести тревожит мой мозг, но отгоняю его прочь. Когда всё закончится, съезжу извиниться перед ним.

Ребята заходят на кухню, восхищенные современным дизайном квартиры. Дружно усаживаемся за круглый обеденный стол.

Антон достает маленькую белую флешку и передает мне в руки.

— Здесь видео с камер казино, где отчетливо видны лица игроков и сопровождающих их любовников и любовниц. Аня, ты даже не представляешь, какой куш мы сорвали. Здесь много известных в криминальных кругах личностей, — с довольным лицом и победным блеском в глазах, сообщает хакер.

— Ты самый лучший, — сжимаю руку Куницына, вкладывая в этот жест всю свою благодарность.

— Это ещё не всё, — добавляет Тоня, с гордостью смотря в сторону брата, — Антон смог взломать доступ к скрытым камерам борделя, которые установлены прямо в VIP комнатах. Лучше их не смотри. Те ещё извращаюги, — говорит девушка с перекошенным от омерзения лицом.

— Зачем им камеры в частных комнатах? — искренне не понимает парень действия Свиридова, — если о них узнают, его же могут прикончить.

— Затем же, зачем и нам. Собирал компромат на всякий случай. Любой из его окружения может выступить против него. А так у него будут рычаги давления. Никто не захочет опорочить свое имя в глазах семьи и общества. Они все уважаемые люди, — делюсь размышлениями с ребятами.

— Но его жадность сыграла против него. Нужно выделять больше ресурсов на улучшение качества безопасности, — добавляет Антон.

— Нет, это не жадность. Это уверенность в том, что он всемогущ и ему всё можно. Он безнаказанно совершает зверские преступления и каждый раз выходит сухим из воды, — тяжело вздыхаю, огорченная тем, что таких людей, как Свиридов, целый океан в этом жестоком и несправедливом мире.

— Но он забыл одну вещь, — с презрением и лютой злобой выплевывает Тоня, — что в пруду всегда найдется хищник крупнее.

Не могу не согласиться с мудростью молодой девушки. Главная ошибка любого человека — думать, что он всемогущ и имеет права распоряжаться чужими судьбами. Когда правда в том, что мы не можем управлять даже собственной судьбой. В любой момент что-то или кто-то может лишить тебя всего, в том числе и жизни.

— Вчера вечером звонил Кира и просил всем передать, что они с Димой смогли выкупить необходимые акции для смещения с должности генерального директора, — ставлю в известность ребят.

На кухне воцаряется долгое молчание. Каждый из нас понимает, что это значит. Все необходимые инструменты для уничтожения империи Свиридовых готовы. Нужно лишь без потерь довершить начатое до конца.

Спустя час ребята уходят. Начинаю собираться на встречу с Кирой и Димой в коттеджный поселок, где находится особняк Киселёвых.

Добираюсь до места назначения только после обеда. В выходной день жуткие пробки. Кирилл встречает меня с бутылкой шампанского Дом Периньон в руках.

— Что празднуем? — спрашиваю у Киры, который протягивает мне дорожный напиток.

— Проходи, сейчас узнаешь, — пропускает вперед, в свой шикарный трехэтажный дом. Моя маленькая квартирка по сравнению с его особняком — просто трущобы.

Правда, здесь Киселев после смерти отца появляется редко. За домом и садом присматривает многочисленная прислуга. Каждый раз, когда приезжаю сюда, чувствую, что попадаю в музей, где нет семейного очага и уюта, присущего счастливым домам.

В гостиной за итальянским журнальным столиком сидит Дима, просматривает какие-то документы. Отвлекается от чтения, когда мы нарушаем тишину своим присутствием.

— Я встретился с одноклассницей Кати, которая с удовольствием поделилась подробностями драки, — сразу переходит к делу сыщик.

— Чем порадуешь? — надеюсь услышать хоть что-то полезное.

— Ты присядь, — Дима указывает на кресло рядом с собой.

Кирилл с любопытством наблюдает за моей реакцией.

— Эти снимки сделаны вчера, — Дима раскладывает передо мной пачку фотографий, как профессиональный крупье. И на каждом из них полуобнаженная Катя целуется с неизвестной девушкой.

— Что это? — недоуменно поглядываю на злорадные лица мужчин.

— Это, милая моя, фрагмент тайной жизни супруги Стаса, — разъясняет Кира. Непонятнее мне не становится.

— В первый раз за подобным Екатерину застукала одноклассница Диана Дёмина. И в качестве мести за издевательства над её внешним видом решила отомстить обидчице. Диана рассказала Свиридову, что единственная дочь нетрадиционной ориентации. За что Катя её и избила. А заявление Дёмина забрала из-за давления родителей, которые запретили связываться с этой семьей, — откровенные детали жизни Свиридовой подвергают меня в легкий шок.

— А как же мужчины, с которыми она спит? — недоумеваю я.

— Либо она бисексуалка, либо мужики, как прикрытые, — поясняет Кира.

— Чтобы убедиться, Кирилл подослал к Кате элитную проститутку. Результат ты видишь сама, — добавляет детектив.

— Зачем она вышла замуж? — эта информация переворачивает всё с ног на голову в моей и без этого беспорядочной голове.

— Кто знает, может, боялась отца. Дочери было за тридцать, ни мужчины, ни детей, — предлагает разумное объяснение Дима.

— Свиридов жестокий человек советского воспитания. Он никогда не смирился бы с ориентацией дочери.

Всё, что говорят ребята, звучит вполне логично. Но правду знает только Катя.

Обсудив план дальнейших действий ещё раз, Дима прощается с нами и едет домой к любимой жене. Его глаза загораются счастьем, когда речь заходит о Насте. Сегодня детектив порадовал нас ещё одним приятным известием, которое согрело сердце. Скоро в их семье станет на одного человека больше. А меня попросили быть крестной мамой. Согласилась, не думая.

— Ты останешься на ночь? — интересуется Кира, закрывая за Димой дверь.

— Пожалуй. Скоро стемнеет, — другу известно, что я неуверенно чувствую себя на дороге в темное время. Поэтому не раз оставалась у него.

— Разожжёшь камин, — безумно нравится смотреть на замысловатые языки пламени, с треском пожирающие сухие поленья.

Кира без слов выполняет мою просьбу. Заворожено смотрю на его оточенные движения, благодаря которым камин молниеносно загорается ярким огнем. Гостиная наполняется теплом. Усаживаемся на мягкий пушистый ковер с бокалом отличного шампанского, который быстро ударяет мне в голову.

— Ты прекрасна, принцесса, — ловлю на себе изучающий, заинтересованный взгляд молодого мужчины.

— Даже с этими уродливыми шрамами? — усмехаюсь над его комплиментом, не веря в то, что моё тело может ещё кого-то волновать.

— Эти шрамы кричат о твоей силе и стойкости. Ты удивительная, — шепчет Кира, приближаясь ко мне. Нежные пальцы Киселева убирают челку, обнажая бледные рубцы на лбу, и медленно проходят по ним, вызывая приятную дрожь в теле. В его глазах вспыхивает желание. Происходит то, чего я так боялась. Не могу потерять ещё и его. Но не спешу оттолкнуть. Посмотрю, как далеко он готов зайти.

Не чувствуя сопротивления, Кира смелее исследует моё лицо. Обводит горящие из-за воздействия алкоголя щеки, проходится по сухим губам. Смотрит вопросительно, спрашивая разрешения на дальнейшие действия. Молчу. Даю нам шанс попробовать.

Укладывает на пол, надежно придерживая рукой за спину. Наклоняется и целует робко в губы, постепенно углубляя поцелуй. Тело, давно позабывшее, что такое прикосновения мужчины, реагирует холодно. Ничего не чувствует. Движения выходят механическими, безжизненными. И Кира отстраняется. Чувствую себя пустышкой, которая ничего не может дать мужчине. Я не способна на чувства. Не могу любить, подарить семью, детей. Слезы — лютые враги, начинают так не вовремя, тихо стекать по лицу.

Кира прижимает меня к себе, пытаясь успокоить.

— Прости, — шепчу, обреченно уставившись в потолок, не в силах заглянуть в его прекрасные влюбленные глаза.

— Никогда не извиняйся за то, что не любишь ...Соня, — называет имя, которое никак не забыть. В такие моменты мне хочется ненавидеть её. За её слабость, за её нелюбовь к Кире, за то, что она все ещё имеет власть над жизнью Анны.

— Не люби меня, — прошу так, будто это возможно. Кира усмехается и обнимает крепче.

— Не могу. Влюбился, как только увидел тебя тогда, в подворотне, бесстрашную, с пушкой в руках. А когда ты начала обрабатывать раны человеку, которого ненавидела, пропал навсегда. Может и ещё раньше, в школе. Дразнил тебя. Не понимал, что понравилась.

Начинаю рыдать из-за откровенных слов мужчины. Прекрасно знаю все оттенки

болезненных чувств от безответной любви.

— Зачем мы живем, Кира? Если не можем быть счастливы с теми, кого любим, — задаю вопрос, который терзает в последние дни. Не знаю, как жить после мести и зачем. Смогут ли вырасти цветы на руинах и пепелище прошлого?

— Во всем есть смысл. Ты обязательно его найдешь и будешь счастлива. Я тебе помогу, — пытается вселить в меня хоть какую-то надежду друг.

— Люблю тебя... — шепчу мужчине, крепче прижимаясь к его сильному телу. Он прекрасно понимает, что я имею в виду. Он дорог для меня, как брат, которого у меня никогда не было. Глядя на близкие отношения близнецов, где-то в глубине души завидовала им. Они вдвоем противостоят целому миру. И вместе навсегда.

— И я тебя, — слышу последнее, когда мое сознание под действием алкоголя начинает погружаться в темноту.

Наступает день икс. Через два часа Антон разошлет клиентам Свиридова файлы с их активным участием в непотребствах.

На обед назначено собрание акционеров компании «Альфа». Где будет решаться вопрос об отставке генерального директора. Посмотреть на поражение своего главного врага поеду лично.

Сегодня утром у Свиридова назначена встреча с таинственным покупателем партии оружия, которую устроил Кира через старые связи отца. Этот ублюдок и не подозревает, что его ждет.

Собираю волосы в конский хвост. Надеваю свободное бордовое платье, которое отлично скрывает боевое оружие, спрятанное в кобуру на внутренней стороне бедра. Так, на всякий случай.

Кирилл был против моего участия. Но не могу больше оставаться в стороне. Я должна лично посмотреть в глаза монстра, разрушившего мою жизнь.

Три тонированных джипа, полные вооруженными до зубов людьми, выезжают из особняка Киселёвых. Мы с Кирой едем во второй машине.

— Оружием не светить, стрелять только в случае опасности. Мы не заинтересованы в кровопролитии. Нужно потянуть время, пока курьер доставит доказательства в прокуратуру и не приедет полиция, — Кира отдает приказы своим людям через рацию.

Начинаю нервничать. Я бесконечно долго ждала этого дня. Киселёв замечает мою дрожь и крепко сжимает ладонь, давая понять, что он рядом.

— Всё будет хорошо, — успокаивает мужчина, полностью одетый в черное. Ему идет этот цвет.

К складам на окраине Москвы приезжаем строго к назначенному времени. Остаюсь ожидать в машине. Надеваю наушники, чтобы подслушивать происходящее.

После нас на территорию въезжают две серебристые машины, из которых выходят люди Свиридова и дьявол собственной персоной. Лиц разглядеть не удастся. Все сразу направляются в небольшой ангар, расположенный между складами, где будут проходить переговоры.

Подключаюсь к прослушке, но она не работает. Черт. Всё же проверяли перед выходом.

Ожидание хуже смерти. Не представляю, что сейчас там происходит. Проходит минут двадцать. Что-то идет не так. Выбегаю из машины, заранее сняв пистолет с предохранителя и спрятав переведенное в боевой режим оружие обратно.

К постройке приближаюсь на цыпочках, стараясь максимально не шуметь. Иду вдоль стены, пока не слышу грубые мужские голоса.

— Киселёвское отродье! Надурить меня решил? Ты знаешь, что делают с такими, как ты? — слышу омерзительный хриплый голос.

— Ещё бы мне не знать, ведь это ты убил моего отца! — с презрением отвечает скорбящий сын.

— Он сам виноват, влез, куда не просили, а так жил бы долго и счастливо, — усмехается безжалостный убийца.

Дела совсем плохи. Смотрю через узкую щель на Свиридова, который сидит напротив входа и держит на мушке Киру. Наши ребята обезоружены. На что мы вообще рассчитывали?

Проклятье.

Времени думать нет. Буду импровизировать.

Пьяной походкой вваливаюсь в эпицентр бури, приводя некоторых в замешательство.

— Мальчики, ик. простите, а где здесь туалет. ик. я немного заблудилась, — сама не понимаю, что за бред несу, но эффект произвожу потрясающий. У наших ребят отвисает челюсть. Кира в удивлении закатывает глаза. При других обстоятельствах однозначно рассмеялась бы. Но сейчас не могу оторвать взгляд от пистолета, который все ещё направлен на дорогого мне человека.

— Ой, а что вы здесь кино снимаете...ик, — продолжаю корчить дуру, указывая пальчиком на оружие.

— Уберите эту сумасшедшую! — рычит Свиридов, чуть ли не пуская от бешенства слюни. Его люди начинают двигаться в мою сторону.

Но никто и подумать не может, что у миниатюрной хрупкой девушки припрятан козырь в рукаве, а точнее в ноге.

— Мальчики, — произношу приторно сладким тоном, — хотите, фокус покажу? Молниеносным движением достаю пушку и произвожу выстрел в руку Свиридова, выбивая его оружие. Годы тренировок в тире не прошли даром. Я всё ещё лучший стрелок среди наших парней.

Выстрел ненадолго оглушает меня, но пистолет не опускаю. На белой рубашке заклятого врага расплывается алое пятно. Но дьявол не издает ни единого звука, будто огнестрельное ранение для него всего лишь небольшая царапина.

— Следующая будет тебе в голову, шелохнуться не успеешь, — шиплю в сторону ошеломленного ублюдка, уверенно держа руку на прицеле.

Мразь отдаёт своим людям приказ не стрелять. Боится, гнида.

— Вот мелкая сучка! — орет Свиридов, — тебе не жить.

— Ты, мерзкая тварь, меня уже убил, — усмехаюсь над его угрозами, не чувствуя ни капли страха. Может, я желаю смерти, долгожданного покоя рядом с дочерью. Скидываю с себя темные очки, вместе с челкой закрывающие пол лица.

В глазах Свиридова пробегают узнавание, а потом удивление.

— Так ты не сдохла, — начинает хохотать выродок, — живучая гадина.

От леденящего душу смеха по всему телу пробегают мурашки. Во мне закипает невиданная злость. Готова разорвать его на куски прямо здесь и сейчас. Передо мной сидит не человек, а самый настоящий бесчувственный монстр.

— Зачем вы это сделали? — все время этот вопрос не давал мне покоя. С какой стороны не посмотри, не могла найти причин для жесткого убийства.

— Маленькая шлюха, не нужно было лезть в чужую семью. Так умудрилась ещё и залететь. Присосалась к Стасу, как пиявка, — такого ответа я не ожидала услышать. Эта скотина знала, что я беременна.

— И это всё? За это я и мой ребенок были достойны смерти?

В голове не укладывается, на что способны люди, потерявшие всякую человечность.

— Я и за меньшее убирал людей. Нет человека — нет проблем. Слышала народную мудрость? — никогда не забуду этот проклятый смех, который парализует жертву, как яд кобры.

Звук подъезжающего к амбару автомобиля выводит меня из ступора. Заставляет отвлечься от омерзительных чувств. Сомневаюсь, что неожиданные гости на нашей стороне. За

доли секунды разрешится наша судьба. Если я не выстрелю в этого ублюдка и не отомщу за всех, жизнь будет прожита зря.

Возвожу курок, готовая к выстрелу. Дальше начинается настоящий ад. Кошмарный сон.

В ангар заходит Стас. Наши взгляды встречаются. Чувства, как лавина, обрушиваются единой тяжелой массой, сдавливая легкие. Испускаю горестный вздох.

— Соня, — тихий хриплый шепот ранит сильнее, чем пуля, которую кто-то выпустил в мою ладонь. Роняю пистолет. Начинается перестрелка. В боевиках всё выглядит намного лучше, чем то, что происходит сейчас. Свистят пули, люди разбегаются, ища укрытие. Кого-то ранит. Шок от происходящего не позволяет связно думать. Всё происходит в считанные секунды.

Более шустрые успевают спрятаться за крышками. Вижу парочку наших ребят, которые лежат на полу. Стас тянет меня за руку и уводит в сторону от обстрела, к другому выходу из ангара, обходя огромные стеллажи с коробками.

Всё происходит быстро и тихо. Волков уверенно обходит амбар, направляясь к своей машине. Собирается меня увезти.

— Отпусти! Я не поеду без Киры! — кричу в широкую спину, активно пытаюсь вырваться из крепкой хватки.

— Твой Кира не жилец, — воспринимаю неожиданный ответ как ложь, не веря в происходящее.

— Нет, отпусти! — чуть ли не рыдаю. Стас лишь усиливает хватку.

— Садись в машину, живо! Я не потеряю тебя ещё раз, — болезненный взгляд мужчины прожигает насквозь, сковывает все тело. Волков заталкивает меня в черную железную машину, которая спустя секунды с диким ревом вылетает на трассу. Успеваю разглядеть в окно заднего вида, как с другого въезда на склад заезжают три непримечательных фургона, и из них выбегает ОМОН с автоматами.

Автомобиль на бешеной скорости всё дальше увозит нас от эпицентра боевых действий в неизвестном направлении. Мужчина сосредоточенно ведет машину, периодически поглядывая в зеркало.

Медленно прихожу в себя. Пульсирующая боль напоминает о своем существовании. Шепчет, что я жива и всё ещё могу чувствовать. Но это не приносит облегчения. Предпочитаю в данный момент быть со своими людьми. Рядом с Кирой. А не ехать в одной машине со своим прошлым, непонятно почему оказавшимся там.

Будущее пугает своей непредсказуемостью. Не могу больше никого потерять. Я непомерно устала. Каждый раз, разлетаясь на миллионы осколков, теряю часть своей души. Время собирает их, но идеальный пазл сложить не удастся.

Едем в напряженной тишине. Жизнь проходит, а Стас не меняется. Всё такой же закрытый. Молчание — характерная черта наших отношений. Мне нечего сказать человеку, который когда-то был моей вселенной.

Внезапно машина сворачивает в сторону показавшейся на горизонте лесополосы и останавливается вдали от дороги. Мощный двигатель затихает. Стас достает аптечку для первой помощи.

— Давай руку, — командует мужчина, недовольно разглядывая кровоточащую рану. Позволяю перевязать кисть. Не хватало ещё грохнуть в обморок от потери крови. Аккуратно берет мою ладонь в свои дрожащие ледяные руки. Бережно обрабатывает серьезное увечье и туго перевязывает бинтом. Смотрит, не отрываясь.

— Соня... — еле слышно и протяжно произносит Стас, будто пробует имя на вкус. Передергивает от его хриплого голоса, который я пыталась навсегда забыть. Внимательно осматривает каждую часть моего тела, словно не доверяет тому, что видит. Жадно поглощает мой новый образ. Боль в глазах смешивается с непониманием. Задерживает свой изучающий взгляд на ненавистных шрамах.

Когда-то девочка Соня очень хотела, чтобы глаза любимого мужчины были направлены только на неё. Но это не является желанием Ани.

— Извините, вы ошиблись, я — Анна Орлова, — произношу упрямо, отказываясь принимать тот факт, что Софья Феникс на самом деле жива.

— Понимаю, что ты меня ненавидишь, но бессмысленно отрицать очевидное, — с обреченностью произносит Стас.

— Нет, вы ошибаетесь. Соня не могла вас ненавидеть, она умела лишь любить. Но какая жалость, девушка умерла! — ехидство Орловой не знает границ.

— Расскажи, что тогда случилось. Как ты выжила? — игнорирует злорадство с моей стороны, умело переключаясь на другую тему.

— Спроси у своего любимого тестя, — не собираюсь ничего рассказывать этому предателю.

— Поговорить по-человечески у нас не получится, я так понимаю?

Утвердительно киваю головой в знак согласия. На данный момент меня беспокоит один неприятный факт.

— Что ты забыла в промзоне? — предупреждает мой вопрос мужчина.

— Да так, приехала избавить мир от одного ничтожества, — будничным тоном заставляет

собеседника усмехнуться.

— А ты? — парирую вопросом на вопрос.

— Я сопровождаю некоторые сделки Алексея Григорьевича, — удивляет мужчину, которого не узнаю. Как он мог связаться с таким человеком?

— Зачем тебе всё это? Ты ненавидел криминал, — недоумение так и сквозит в голосе.

— Вспомнила, значит, — парирует с усмешкой Стас. Да, нормально поговорить у нас действительно не получится.

Бессмысленную перебранку прерывает входящий звонок мобильного Волкова. Не слышу, о чем разговор, но явно о чем-то плохом, потому что Стас начинает чертыхаться, как матерый зек.

— С твоими людьми всё в порядке. Ранены, но живы. Только Свиридов сбежал, — выплевывает водитель, заводя мотор автомобиля. Сразу же становится легче дышать, пока до сознания не доходит вторая часть предложения.

— Как сбежал? — произношу дрожащим голосом.

— Так же, как и мы, на четырех колесах, — находит время для идиотских шуток.

— Тебе Кира звонил? — срочно нужно переговорить с другом.

— Да.

— Дай мне свой телефон, — умоляюще прошу Стаса. Молча получаю телефон в руки. Но не могу разблокировать.

— Пароль.

Стас долго молчит, не отрываясь от дороги. Позади уже несколько километров.

— Ну, — теряю терпение, будто прошу назвать пароль от банковской карты.

— Твой день рождения, — с неохотой отвечает Волков. Умеет он удивлять. В другой ситуации позволила бы себе немного поиздеваться над ним, но на это нет времени.

Ввожу четыре цифры, и телефон снимается с блокировки. И от того, что вижу, перехватывает дыхание. Забываю, что мне необходим кислород. На главном экране наше совместное фото со дня рождения Стаса. Фотограф запечатлел самый откровенный момент нашего выступления. Поцелуй, который навсегда врезался в память.

Воспоминания, как нежданные гости, врываются в мой мозг. Вихрем уношусь в тот счастливый момент, где не было предательства, ненависти, мучительной тоски. В то время Соня ещё могла стать счастливой, если бы не череда трагических событий.

Чувствую, как влага стекает по щеке. Незаметно стираю ненавистную слезу тыльной стороной ладони. Отворачиваюсь к окну, не желая показывать свою слабость.

Набираю последний принятый номер и слышу продолжительные гудки. Кира не отвечает. Предполагаю, что расхлебывает фатальные последствия сегодняшнего дня.

Отдаю телефон обратно Стасу, игнорируя факт существования фотографии.

Забирает мобильник и кладет в карман легкого пальто.

— Ничего не скажешь? — голос мужчины пропитывается болью. В уголках глаз появляются слезы. Но моё сердце испытывает только удивление. Никогда не видела, чтобы Стас плакал.

— Ничего важного не увидела, чтобы комментировать.

Пытаюсь больнее уколоть его, напитаться теми же страданиями, через которые когда-то пришлось пройти Соне из-за его безразличия. Но мужчина мгновенно скрывает свои эмоции, сосредоточив всё внимание на дороге.

Плевать на всё. И на то, куда он меня везет. Нет абсолютно никакого желания

разговаривать с ним. Рано или поздно высадит где-нибудь.

Заезжаем в Москву. Останавливаемся где-то во дворах спального района.

— Куда ты меня привез? — пытаюсь хоть как-то сориентироваться на местности.

— Сейчас заберем необходимые вещи и затаимся на пару дней, — озвучивает дальнейшие действия Волков, приводя в замешательство. В мои планы не входило проводить время с ним.

— С ума сошел! Вызови мне такси, — в голове уже строю маршрут к дому, а потом поеду на поиски Киры.

— Хочешь сдохнуть при входе в подъезд! Тебя уже ищут люди Свиридова, — переходит на повышенные тона разозленный мужчина.

— Уж о себе позабочусь! — шиплю ему в ответ.

Стас приближается на опасно близкое расстояние и хватает сильными руками за плечи, причиняя боль.

— Не дури, если жить не надоело. Включай свою голову и внимательно слушай, что скажу, — серьезный тон Стаса заставляет задуматься, — Свиридов самый опасный человек, которого я знаю. Не да Бог, ты попадешь к нему живой. Он покушения не прощает. Его люди такие же безжалостные, как он сам. Тебя сначала пустят по кругу, потом отдадут на корм собакам. Теперь решай, едешь со мной или нет.

Тирада обеспокоенного мужчины вселяет некий страх. Не хотела бы такой унижительной смерти. Что-что, а жизнь задолжала мне достойную кончину.

— Хорошо, — соглашаюсь обреченно, — только мне надо забрать собаку.

В дачный поселок на юго-западе от Москвы добираемся в третьем часу по полудню. Сальва рядом со мной. Всё прошло спокойно. Правда, долго уговаривала упрямого мужчину, который ни за что не хотел соглашаться заезжать ко мне. Аргументировала тем, что Свиридову понадобится время, чтобы пробить мои данные, учитывая, что новые документы практически нигде не светились. Около дома не оказалось никого подозрительного, но я все же переделалась и напялила рыжий парик.

Загородный коттедж Стаса представляет собой небольшое двухэтажное строение из белого камня. Выхожу из машины и чувствую легкий запах хвои, доносящийся от сосны неподалеку. Дом окружен кирпичным забором с коваными секциями. На внутренней территории между парочкой деревьев расположились трехместные садовые качели.

Когда-то мечтала о таком доме, подальше от городской суеты, где природа и чистый воздух. Дом, полный топота маленьких ножек и счастливого беззаботного смеха. Но мои мечты и моя жизнь, посыпались, как карточный домик от дуновения нежданного ветра.

И неизвестно, где именно носится этот смерч. Надеюсь, что здесь мы скрыты от его глаз. Стас не стал бы подвергать нас риску, если бы не был уверен в безопасности этого места.

— Свиридов не знает о существовании коттеджа. Дом записан на чужого человека. В данный момент это самое безопасное место, — подтверждает догадку Волков.

— Надолго мы здесь? — одна лишь мысль жить с ним под одной крышей заставляет заметно нервничать.

— Пока на несколько дней, потом посмотрим.

Несколько дней я в силах потерпеть. Запрусь в одной из комнат и буду выходить только на прогулку с собакой.

Стас достает сменную одежду и три больших пакета с продуктами, которые успели купить по пути. Сальва убежал изучать новую местность, наглым образом оставив меня наедине с мужчиной.

— Проходи в дом. Можешь занять одну из крайних комнат на втором этаже, — отдает распоряжения владелец недвижимости, подталкивая меня вперед.

Внутреннее пространство залито дневным светом, благодаря многочисленным окнам. Всё выполнено в светлых тонах, как я люблю. В гостиной шикарная кожаная мебель с мягкими подушками.

Огромная картина бушующего моря в центре гостиной, как магнит притягивает взгляд. Буйство стихии завораживает, заставляет отвлечься от реалий жизни, окунув в собственную мрачность бытия. Лишь отклик Стаса отрывает меня от созерцания данного шедевра.

— Мне нужно съездить за Софи. Весь дом, кроме моего кабинета, в твоём распоряжении, — замираю, услышав неожиданные слова. Из-за всей этой суматохи забыла про существование любимой дочери, с которой он не расстанется. Прекрасно понимаю, что не готова встретиться с его ребенком. Выдержит ли Соня ещё один раунд с болезненным прошлым.

— Не надо. У неё есть мать, которая позаботится о ней. Тем более она внучка Свиридова, — пытаюсь воззвать к здравому смыслу. Но, видимо, зря. Стас недовольно смотрит, не соглашаясь с моим мнением.

— Никому, кроме меня, она не нужна. Катя появляется дома раз в три дня и то, чтобы переодеться. А дедушка видел её от силы раз пять за всё время.

— Нет, нет, нет. Ты не понимаешь, — шепчу в отчаянии, смотря прямо в глаза отцу моего не родившегося ребенка.

Поднимаюсь на второй этаж, оставляя Волкова одного. Убегаю, чтобы не наговорить лишнего. Захожу в первую попавшуюся комнату, которая оказывается детской. Начинаю хохотать над иронией ситуации. Розовая кроватка с балдахинном, мягкие игрушки, ковер с мишками, шкаф с маленькими вещичками. Насмешка судьбы, не иначе. Слышу громкий хлопок двери. Он все таки ушел.

В то время как Стас познавал радость отцовства, мне пришлось в одиночестве оплакивать своего малыша. Пока его дочь училась ходить и говорить, я ночами проклинала его за то, что он сейчас с ней. Семейка Свиридовых отняла у меня самое дорогое, ради кого я готова была отпустить Стаса. Катя и её дочь забрали моё счастье. Любимый мужчина сделал выбор в их пользу, предав нас.

— Никогда не прощу, — истошно кричу в пустоту и покидаю комнату.

Как в бреду ухожу из дома в сторону пруда с беседкой, которую заметила неподалеку. Сальва бежит по пятам. Нужно привести мысли в порядок и подготовиться к неизбежной встрече.

— Это всего лишь беззащитный ребенок. Он ни в чем не виноват. Девочка не выбирала, в какой семье родиться, — говорю сама себе в попытках здраво мыслить, но жгучая обида всё равно не проходит, рикошетом цепляя и её.

Теряю счет времени, занимаясь сеансом психотерапии. Сальвадор, как самый верный пес, сидит рядом, отдавая часть тепла продрогшей хозяйке.

Возвращаюсь к коттеджу, когда начинает смеркаться. Стас уже приехал.

Захожу в гостиную и слышу задорный детский смех, доносящийся из кухни. На автомате иду на голос и замираю на пороге. Стас, изображая ложкой самолет, пытается накормить сопротивляющегося ребенка кашей. Вижу только спину малышки и черные волнистые волосы до лопаток.

Молча наблюдаю за двумя людьми, которым больше никто не нужен, чтобы быть счастливыми и просто улыбаться. Это всё могло быть частью моей жизни. Встретившись со Стасом, попала в плен болезненного прошлого. Стала рабыней несбыточных мечтаний. Горькое сожаление наполняет душу с каждым смехом ребенка. До безумия желаю, чтобы день, когда мы встретились со Стасом, был вычеркнут из моей судьбы.

Оставляю отца и дочь наслаждаться общением друг с другом. Мне среди них не место. Поднимаюсь на второй этаж в поисках свободного помещения.

Отыскав в конце коридора уютную комнату, передеваю в короткую шелковую сорочку и плюхаюсь прямо в середину огромной кровати. Пес ложится рядом на полу. Так и засыпаем, не выключив светильник.

Яркий свет фар больно бьет по глазам. Слышу хруст ломающихся костей и скрежет шин, сворачивающих с перекрестка. Со стороны наблюдаю кровавое тело юной девушки, не осознанно схватившейся за живот в защитном жесте. Звук сирен кареты скорой помощи заполняет сознание. Поднимаю взгляд на темное небо, где не видно ни единой звезды. Лишь редкие хлопья снега падают в горячую кровь, растворяются в источнике жизни, становясь с ней единым целым.

Потом картина сменяется. И эта же девушка стоит на берегу моря уже с мужчиной, в

руках у которого маленькая девочка с голубыми глазами, как у отца.

Малышка поворачивается, и радостный вскрик заполняет округу:

— Мамочка вернулась! — тянет крохотные ручонки в сторону матери. И вдруг исчезает вместе с отцом, оставляя женщину одну в беспросветном одиночестве.

Просыпаюсь от собственного жуткого крика. Картины прошлого и несбыточного будущего не оставляют попыток уничтожить меня. Сердце гулко стучит в ушах, охваченное ужасом увиденного. Глубоко вдыхаю в попытке успокоиться.

Салва обеспокоенно мечется на кровати, не зная, как помочь хозяйке. И только сейчас замечаю рядом черную коробочку.

— Зачем ты принес её, — отчитываю собаку, пока достаю фотографии после аварии, которые сделал Кира, и больничные документы с гинекологии. Я обещала своему другу, что сожгу этот гроб с похороненным в нем прошлым только после того, как всем отомщу и начну жизнь с чистого листа.

Раскладываю снимки на кровати, чтобы напомнить себе, что задолжали мне люди, которые сделали это. И в самый неподходящий момент в комнату врывается обеспокоенный хозяин дома.

— Что случилось? — первое, что спрашивает Стас, ураганом влетая в спальню.

Его взгляд невольно падает на разложенные в хаотичном порядке фотографии. Он приближается и внимательно изучает каждую. Между снимками рассматривает моё искалеченное тело, прикрытое лишь тонкой сорочкой. Волков начинает выстраивать логическую цепочку. Неотрывно слежу за реакцией человека, в глазах которого плещется боль вперемешку с раскаянием.

В комнате повисает гнетущая тишина. Смысла прятать снимки не вижу. Пришло время поступить по-взрослому. Мы давно не маленькие дети, чтобы играть в молчанку и ждать, кто же проиграет, первым открыв рот.

— Свиридов, — скорее утверждает бывший следователь, чем спрашивает. Киваю, не в силах произнести даже одного короткого слова.

— Я найду его, обещаю, — уверенно произносит мужчина. И что-то проносится во взгляде Волкова такое, что всем сердцем верю его словам.

Моя душа измучена. Хочу найти покой. Месть высосала всю внутреннюю энергию. Но я должна довести начатое до конца. Иначе на том свете не смогу посмотреть в глаза дочери. Я должна быть сильной. Но сейчас мне хочется сдаться и разделить гнетущее бремя потери с отцом ребенка. Иначе просто захлебнусь и утону в этой бездонной пропасти. Это не только моя трагедия. Это общая трагедия.

Достаю из медкарты снимок УЗИ и протягиваю Стасу.

— Не успела сообщить тебе, что забеременела после той ночи, — шепчу, глотая тихо стекающие слезы, — ребенок не выжил в аварии.

Мужчина сквозь боль смотрит на черно-белый снимок. Скорбь и сожаление плещутся в его взгляде. Осторожно проводит пальцами по тонкой картонке, будто боится, что она вот-вот испарится. Одинокая слеза прокладывает дорожку вниз по его щеке.

Не могу удержаться и не прикоснуться к нему. Стираю слезинку с его лица, нежно глядя рукой в утешающем жесте. На миг хочу забыть о своей ненависти и поддержать мужчину.

Стас кладет свою горячую ладонь поверх моей, слегка сжимает. Смотрю неотрывно в затуманенные глаза.

— Прости, что не смог защитить вас, — запоздалое прости не приносит никакого облегчения. Только скорбь.

Реальность больно бьет по сердцу. Каждый раз, глядя на снимок, испытываю чувство вины за то, что произошло. Если бы сразу оставила Стаса в покое, возможно, этого не случилось бы. Только сейчас начинаю осознавать, что была ослеплена любовью. Ничего не хотела замечать, кроме мужчины, сидящего передо мной. Набросила поводок себе на шею, и спустя время он затянулся.

Самой главной ошибкой было видеть в нем центр вселенной. Создала из несовершенного человека идол, которому поклонялась, как совершенному божеству. При этом забыв спросить, а нужна ли ему эта любовь. Мой эгоизм уничтожил меня. Исправлять ошибки прошлого стало слишком поздно, а создать счастливое будущее невозможно.

— Ты любил меня хоть немного? — Анна должна знать, была ли Соня дорога родному человеку, как любимая женщина. Не напрасна ли была её смерть.

— Все ещё люблю, — глагол настоящего времени, который влюбленная девушка должна

была услышать раньше, ранит так сильно, что хочется согнуться от боли.

— Когда ты это осознал?

То, что Стас признался в любви, упрямо игнорирую. Знать, был ли шанс у влюбленных быть вместе, уже не имеет значения. Но для юной Сони, похороненной в глубинах памяти, всё ещё важно.

Волков обреченно вздыхает, ложится на кровать, устраивая голову на мои колени. Обдумывает ответ с закрытыми глазами.

— Точно не могу сказать. Возможно, когда мы танцевали танго. Не смог удержаться и поцеловал тебя. Ты была такой прекрасной и страстной, — Стас улыбается, вспоминая тот день. Невольно копирую его эмоции, погружаясь в далекое прошлое вместе с ним, где было так просто жить. Неосознанно начинаю пропускать его короткие волосы сквозь пальцы.

— Почему ты не рассказал о том, что чувствовал тогда? — слезы вновь упрямо прокладывают путь наружу. Душат меня, лишают возможности нормально дышать.

— Я испугался. Ты была дорога для меня как младшая сестра. После исчезновения Ули ты стала моим плотком воздуха, моим спасением от чувства потери. Мне было противно осознавать, что я желаю тебя.

— А как же наша совместная ночь?

— Когда Настя позвонила и сообщила, что ты под наркотой целуешься с неизвестным парнем, сорвало все тормоза. Почувствовал дикую ревность, — от откровения мужчины чувствую невероятную горечь. Если бы он был честен в своих чувствах, мы могли бы избежать всей этой мучительной истории.

— Почему ты оставил меня на утро?

— Я поехал за цветами и обручальным кольцом. Хотел сделать тебе предложение.

— Но сделал его другой, — печальная усмешка срывается с моих уст.

— Я собирался расстаться с Катей, но она позвонила и сообщила, что беременна.

Соня проиграла в любовной гонке. Но, как оказалось впоследствии, жизнь — долбаная игра, в которой не бывает победителя. Мы все потеряли что-то ценное. Лишились счастья, которое стояло на кону.

— Почему ты работаешь со Свиридовым? Ты в курсе, что это он виноват в исчезновении Ульяны, — перехожу к насущным вопросам.

Хватит копаться в прошлом. Уже ничего не изменить. Нужно правильно строить настоящее, чтобы не было вновь нестерпимо больно в будущем.

— Да, я всё знаю. Только он был всего лишь исполнителем. В обмен на информацию о заказчике я сопровождаю его нелегальные сделки. Ему нужен был свой человек.

Судьба — непредсказуемая штука, всегда найдет, чем удивить. Значит, мы с ребятами плохо копали. Но это не отменяет его вины. Свиридов должен быть наказан за свои злодеяния.

— Узнал, что случилось с сестренкой? — замираю, готовая услышать любой ответ. В какой-то момент его личная потеря стала моей.

Услышав вопрос, Стас расплывается в счастливой улыбке, слегка озадачивая меня.

— Она выжила. Благодаря информации Свиридова я нашел всех исполнителей. Среди них оказался мужчина, у которого была маленькая дочь. Когда ему поручили убрать её, он не смог. Инсценировал смерть, отправив поддельные фото, и увез её в глухую деревню к одной бездетной паре.

Радость от услышанной новости приносит невероятное облегчение. Тепло растекается

по моему каменному сердцу, немного согревая его.

— Что с заказчиком?

— Он мертв. Бандитская пуля.

Каждый получает заслуженное возмездие. Неправильные действия порой приносят с собой губительные последствия.

— Ты виделся с ней?

— Однажды подсел к ней в кафе. Мы разговорились. Она оказалась очень открытой и общительной. Не помнит ничего о прошлом. Любит и гордится своими родителями. Живет в Москве, — с облечением вздыхает брат, спустя долгие годы нашедший любимую сестру, — я не смог рассказать ей правду.

Тяжело вздыхаю. Прекрасно понимаю причину его поступка. Ульяна, так же как и Соня, однажды умерла. И на свет появился совершенно новый человек, с другим настоящим, со стертым прошлым и безболезненным будущим. Этой маленькой девочке дали шанс на счастливую жизнь в другой семье. Для неё не существует другой реальности.

Соне повезло меньше. Она никогда не сможет забыть, кем была, кого любила и кого потеряла. Со временем боль утихнет, воспоминания померкнут, но до конца не исчезнуть из остаточной памяти.

Утро встречает заложенным носом, острой болью в горле и высокой температурой. Долгая вчерашняя прогулка принесла свои плоды.

Стаса уже нет в комнате. До полуночи мы обсуждали наше прошлое и настоящее, пока я не заснула. После нашего разговора облегчение не пришло. Стало только хуже. Всё могло быть иначе, если бы мы раньше выяснили отношения и нашли вместе выход из сложившейся ситуации. Но страх и непонимание заглушили шепот сердца.

Жажда заставляет меня встать с кровати, но организм упрямо твердит: нет. Откидываюсь обратно на кровать, не в силах встать. Тело ломит и сильно знобит. Мучительный стон срывается с губ. Проклятье, как не вовремя.

Дремота берет надо мной верх. Мечусь в лихорадке. Сорочка неприятно липнет к телу, пропитавшись потом. Сквозь сон чувствую прохладное прикосновение мокрой ткани по телу. Становится немного легче.

— Соня, — доносится обеспокоенный голос через помутненное сознание, — нужно выпить лекарство.

Чувствую, как Стас приподнимает обессиленное тело и сует в рот горькие таблетки. Заставляет запить теплой жидкостью. Проглатываю, морщась от боли. И снова впадаю в царство Морфея. Впервые за долгое время вижу прекрасные сны.

Просыпаюсь ближе к вечеру. Чувствую себя намного лучше. Температуры нет. За окном уже темнеет. Рядом на столике лежат куча различных лекарств, махровое полотенце с тазом воды, а в ногах сидит голубоглазое чудо в обнимку с собакой.

— Привет, — хриплю в сторону маленькой девочки, прекрасной, как ангел. Ловлю на себе любопытный взгляд, застающий врасплох. Изучаю ребенка в ответ. Она очень похожа на малышку из моих снов. Маленькая копия Стаса. От Кати практически ничего.

— А я вас уже видела, — удивляет меня незваный гость, с которым мы видимся впервые.

— И где же ты меня видела?

— У папы в кабинете есть ваши фотоглафии. Только тшшш, — прикладывает свой крохотный указательный пальчик к пухлым губкам, — не ласкайте ему, он не лазлешает туда заходить. Я зашла туда, когда папа забыл заковать дверь.

Хочется рассмеяться от её виновного милого вида, но изо всех сил держусь, стараясь отнестись к просьбе со всей серьезностью. Киваю в знак согласия.

— А как зовут вашу собачку? — спрашивает, глядя на пса с восхищением.

— Сальвадор. Можно просто Сальва.

— Какое класивое имя! А меня зовут Софи, — только сейчас замечаю, что ребенок плохо выговаривает букву «р», — но мне больше нравится Соня. Но мама не хочет так меня называть.

Делится своей жизнью и секретами маленький человек. Невольно заставляет испытывать симпатию к своей персоне. Чувствую, что нет ни капли ненависти к столь нежному юному созданию.

— Папа сказал, что тебя тоже Соня зовут.

— Папа ошибся милая, меня зовут Анна.

— Классно! Как принцесса Анна из моего любимого мультика, — радостный голос

заполняет пространство.

Меня передергивает от знакомого прозвища. Вспоминаю о Кире, который так и не вышел на связь.

— Почему ты здесь? — боюсь заразить малышку. Не понимаю, куда смотрит отец.

— Сальва сюда привел, — вздыхает и начинает тараторить девочка, — папа со мной не иглает, он готовит супчик. Мне стало скучно, поэтому я убежала, пока он не видит. Папа мне заплетил сюда заходить, сказал, что тете плохо и ей нужно отдыхать. Вот.

Софи разводит руки в стороны и трясет ими, изображая непонятно кого. На этот раз не могу удержать смех, который из-за больного горла вырывается с ужасным скрипом.

В этот момент в комнату заходит Волков, безгрешная душа, с дымящейся чашкой на подносе.

Замечает задорного ребенка и закатывает глаза.

— Софи, я же просил сюда не заходить, — ворчит недовольный мужчина.

— Всё в порядке. Она уже уходит. Да, Софи? — подмигиваю крошке, прося согласиться со мной.

— Да, папочка, — тяжело вздыхает девочка, покидая комнату. Сальва тащится вслед за ребенком. Кажется, кто-то нашел нового друга.

Стас ставит поднос на низкий стол и присаживается рядом. Берет в руки ложку, собираясь меня покормить. Откидываю одеяло, чтобы приподняться, и застываю, обнаруживая на теле черную пижаму.

— Ты меня переодел, — через силу хриплю, стараясь заметно возмутиться.

— Ага, — соглашается довольный своими действиями мужчина, расплываясь в улыбке, как Чеширский кот.

— Зачем? — негодую от того, что он видел моё обнаженное изуродованное тело.

— Соня, ты меня стесняешься? — бровь Стаса приподнимается в удивлении.

— Всё рассмотрел? Как тебе мои шрамы? — шиплю со всей ненавистью. На мгновение забыла, кто я и почему нахожусь здесь, — и не называй меня больше Соней. Твоя Соня умерла пять лет назад.

Гнев закипает во мне, нещадно бурлит. Безумно хочу кого-нибудь придушить, но вместо этого забираю чашку из его рук и со всей силы, на которую способна в данном состоянии раненой рукой, швыряю в сторону.

Данная ситуация действует на меня как катализатор, возрождая в памяти события, предшествовавшие нашей первой и единственной страстной ночи любви, когда я также швырнула кружку с чаем. Воспоминания последующего безумства окунают меня в ледяную воду. Отрезвляют помутненный незапланированной встречей рассудок.

— Пошел вон со своей любовью и заботой! — с грозным взглядом указываю на дверь.

И начинаю смеяться, не обращая внимания на болезненное першение. Моя жизнь — сплошная ирония. Скажи кто-нибудь лет шесть назад, что я буду посылать любимого мужчину ко всем чертям, ни за что не поверила бы. Мы поменялись ролями.

Стас непонимающе смотрит на меня и решает оставить. Правильно, зачем связываться с сумасшедшей. По крайней мере, это глупо.

Но мужчина, видимо, так не думает и быстрым шагом возвращается, не успев дойти до двери. Резким движением опрокидывает меня на спину и нависает надо мной. Захватывает в плен, расставив мускулистые руки по сторонам. Смотрю на Волкова ошарашено, не в силах предугадать дальнейшие действия мужчины.

— Дура, — тихо шепчет, явно не с целью обидеть, — правда думаешь, что смогу тебя оставить после того, как однажды потерял. Мне плевать на твои шрамы, главное, что жива. Я готов был лечь рядом с тобой на кладбище, если бы не Софи.

Откровения Стаса шокируют, но не доходят до сердца. Остаются на уровне понимания, но не затрагивают чувств. Ледяная корка на сердце достигла таких размеров, что её не просто разрушить. Софи ошиблась. Я не принцесса Анна. Я её сестра. Холодная Эльза.

— Выпусти! — пытаюсь откинуть с себя мужчину, но он лишь припечатывает меня обратно на кровать.

— И не подумаю, — нагло усмехается Стас, — до сих пор не могу поверить, что ты жива, что могу прикоснуться к тебе, и ты не испаришься, как плод моего воображения.

В доказательство своих слов мужчина начинает медленно водить рукой по моему телу. Вздрагиваю от неожиданной ласки, прожигающей сквозь легкую ткань шелковой пижамы. Затихаю, не в силах что-либо вымолвить. Не чувствуя сопротивления, Стас забирается мне под майку. Теплые пальцы проходят вдоль оголенного живота, подбираясь к возбужденной груди. Проклинаю своё тело за проявление слабости. Собираю всю волю в кулак и толкаю мужчину в грудь в попытке отодвинуть от себя подальше. Но усилия настолько же напрасны, как если бы я пыталась сдвинуть огромный валун.

— Перестань сопротивляться, я вижу желание в твоих глазах, — упрек Стаса ранит меня, потому что это гребанная правда.

— Тебе показалось, — усмехаюсь, не собираясь сдаваться.

— Сейчас проверим, — Волков тоже не привык проигрывать.

Неожиданно отодвигает край шорт и забирается внутрь, к моему естеству. Вводит палец в мою возбужденную плоть, которая уже готова принять его. Всё тело прошибает давно забытое наслаждение. Прогибаюсь в спине, когда Стас добавляет второй палец и ускоряет движения. Тихий стон срывается с моих губ, объявляя о капитуляции. Война проиграна, сопротивляться бессмысленно. Не знаю, как далеко мы бы зашли, но громкий визг из коридора рассеивает густой туман страсти, приводя в чувство. Отталкиваю от себя мужчину и со всей силы влепляю ему пощечину. Волков никак не реагирует.

— Я с тобой ещё не закончил, — кидает напоследок несостоявшийся любовник и покидает спальню, оставляя меня наедине с самобичеванием.

POV Стас

Моя упрямица жива и сейчас находится в соседней комнате. До сих пор не могу поверить, что мне подарили новую жизнь, которую я не заслуживаю. И моя маленькая Соня тоже не заслужила те мучения, через которые прошла одна. И наш малыш. Осознание того, что у нас мог быть ребенок, оглушает, приводит в смятение и возрождает в сердце дикую ярость на Свиридова. Гнида. Уничтожу. За годы работы на него я собрал достаточно компромата. Хватит, чтобы засадить эту сволочь далеко и надолго. Но для начала нужно найти эту тварь, которую и человеком назвать язык не поворачивается.

Набираю Кириллу, чтобы узнать, как продвигаются поиски. Совместно с Киселёвым решили не посвящать Соню в детали дела. Её битва закончилась. Теперь это только моя война. Не представляю, как моя малышка пережила весь этот ужас и не сломалась.

Идут длинные гудки, и, наконец, на другой стороне трубки слышится раздраженный голос.

— Судя по твоему недовольному тону, хороших новостей нет, — делаю свои умозаключения.

— Свиридов как сквозь землю провалился. Границу не пересекал, нигде не регистрировался, карточки заблокированы, телефон не пеленгуется. Черт, — бурчит парень, выдавая слова, как автоматную очередь.

— Спасибо, Кирилл. Теперь я займусь поисками.

Так и знал, что у Киселёва ничего не выйдет. Свиридов тоже не дурак. Знает, как скрываться. За свою долгую жизнь не раз приходилось это делать. Но я тоже не лыком шитый. И у меня достаточно связей, которые помогут найти его.

— Зачем вы слили компромат на Свиридова в СМИ? — упрекаю глупого мальчишку.

— Мы собрали достаточно информации, чтобы его засадить, — нагло заявляет Киселев, не понимающий сути происходящего.

— Вы только раздражили тигра, дернув его за усы. Да, ему больно. Но не смертельно. То, что вы собрали — только верхушка айсберга. Этого всё ещё недостаточно, чтобы засадить его. Вы недооценили противника. Теперь нам всем угрожает опасность, — тяжело вздыхаю, описывая реальную ситуацию.

— И что нам теперь делать? — слышу разочарованный вздох.

— Я через своих людей пришлю тебе одну интересную папку. Её нужно будет доставить главному прокурору. Он поймет, как правильно ей распорядиться, — озвучиваю план дальнейших действий и скидываю трубку.

Жду, когда девчонки заснут, и еду к старому знакомому, которому я когда-то оказал значимую услугу.

Александр Бессонов. Для узкого криминального круга просто Бес. Единственный человек, который по могуществу не уступает Свиридову.

Подъезжаю к особняку Бессонова в кромешной тьме. У ворот встречает многочисленная охрана. Пацаны все как на подбор. Высокие, жилистые, личные цепные псы Беса.

Спустя пару минут навстречу выходит и сам хозяин. Высокий мужчина в черном костюме со стальным взглядом. Молча здороваемся и поднимаемся в личный кабинет Бессонова, где нас никто не подслушает.

— Чем обязан в столь поздний час, — хриплый голос Беса заполняет практически пустое пространство. В мрачном кабинете присутствует минимум мебели. Рабочий стол, заваленный документами, небольшой диван и пара стульев.

— Свиридов исчез. Нужно его найти, — перехожу сразу к делу.

— Что взамен? — глаза мужчины загораются любопытством. Его деловая хватка всегда мне нравилась. Решает вопросы без лишних прелюдий, только бы получить какую-нибудь выгоду. Александр никогда не будет делать что-то просто так. К счастью, мне есть что предложить. Достаяю флешку и протягиваю Бесу.

— Здесь компромат на Свиридова. Благодаря информации, что содержится в этой флешке, ты сможешь отжать весь его нелегальный бизнес.

В глазах Бессонова загорается дикий азарт. И я понимаю, что он попался на удочку.

— Договорились. Мои ищeyки найдут его.

И я даже не сомневаюсь в том, что он говорит. В его службе безопасности собраны лучшие бойцы страны, которым он платит баснословные деньги.

— Что со Свиридовым делать дальше?

— Просто найди его. Дальше я сам с ним разберусь, — на этом заканчиваю разговор.

Домой добираюсь после полуночи. Коттедж встречает мертвой тишиной. Поднимаюсь к своей девочке, по которой уже успел соскучиться.

Сонька, укутанная в теплое одеяло, мирно сопит. Сажусь на край кровати и дотрагиваюсь до её холодного лба. Температура спала.

Моя маленькая беззащитная девочка. Безграничное счастье от того, что она жива и рядом, разливается по всему телу. Беру её теплую ладошку и целую. И в этот момент четко осознаю, что никогда и ни за что больше её не отпущу. Я лучше умру, чем ещё раз переживу этот ад.

Три дня пролетают незаметно. Успеваю встать на ноги за такой короткий промежуток, что не может не радовать. Пора начать предпринимать хоть какие-то попытки выйти из сложившейся ситуации. Потому что жить под одной крышей со Стасом становится невыносимо. А делать вид, что ничего между нами не произошло, невозможно. Больше никаких посягательств в мою сторону не было, что заметно облегчило временное пребывание в его доме.

Кира до сих пор не позвонил. Стас категорически запретил мне в это вмешиваться. Сказал, что они и без меня разберутся.

Софи с Сальвой настолько сдружились, что невозможно их оторвать друг от друга. Только спать верный пес все же возвращается ко мне. Наверное, чувствует, что чревато оставлять хозяйку без присмотра на ночь.

За эти дни девочка забегала ко мне в комнату тайком от отца пару раз. Скрашивала моё одиночество рассказами о себе. Она оказалась не по годам развитым ребенком. Многие уже осознает и понимает.

Выздоровливающий организм дает о себе знать жутким урчанием в районе живота. Ничего практически не ела за время болезни. Пила жидкие бульоны, которые приносил заботливый мужчина.

Выхожу из своей комнаты на поиски еды. И взглядом утыкаюсь на кабинет, в который запрещено заходить, любезно показанный милой болтушкой.

Толкаю дверь. Заперта. Не забываю послать пару ласковых хозяину кабинета. Если он думает, что это кого-то остановит, то только не меня. Приходится сходить за отмычкой. Чего только не найдешь в женской сумке.

С легкостью скрываю замок. И бесшумно захожу внутрь, тихо закрыв за собой дверь. Дружба с бандитами оказывается полезной.

От неожиданности роняю отмычку и вздрагиваю от характерного после удара звука.

— Что за чертов... алтарь?! — даже язык не слушается, онемевший от увиденной картины.

Везде мои фото, сделанные до трагических событий. Прохожу вдоль стен, внимательно рассматривая каждую. На одной мы со Стасом на моем выпускном в девятом классе. На другой в парке аттракционов счастливо поедаем сахарную вату. Огромное количество прекрасных моментов из прошлого, куча кадров со дня рождения Волкова. Такие беззаботные и счастливые, мы даже не могли предположить, чем в конечном итоге обернутся для нас эти отношения.

Закончив изучение стен, подхожу к письменному столу. Поочередно открываю боковые ящики, пока не нахожу небольшую красную коробку.

Снимаю крышку дрожащими руками. Чувствую, что эта коробочка тоже таит в себе немало тайн. И оказываюсь права. Внутри лежат два знакомых предмета: подвеска, подаренная мне Стасом в честь поступления в ВУЗ, и разбитые часы с гравировкой, которые я заказывала для него.

Раскладываю предметы из прошлого на столе. Мой наблюдательный глаз замечает двойное дно. Немедленно открываю его и перестаю дышать. Сердце начинает учащенно биться. Прекрасное обручальное кольцо с россыпью маленьких бриллиантов, которое Соня

никогда уже не наденет, и фотография, о существовании которой она даже не догадывалась.

Болезненный вздох заставляет легкие насытиться кислородом. Замираю, не в силах отвести взгляд от юной полуобнаженной девушки после её первого раза с любимым человеком. Белое одеяло приоткрывает мягкие округлости, украшенные темно-бежевыми жемчужинами, скрывая остальные части голого тела. Стас сделал снимок на рассвете. Мягкий свет успел освятить безмятежное, умиротворенное лицо счастливой Сони Феникс.

Книгоед . нет

Воспоминания того дня вызывают безудержный поток слез. Ничего уже не вернуть, всё разрушено. Нет материалов, чтобы выстроить всё заново. Слишком многое пережито и потеряно.

Звук открывающейся двери приводит меня в чувство. В кабинет заходит источник моих слез собственной персоной. Отворачиваюсь к окну, чтобы не видеть его прекрасных раскаивающихся глаз.

Стас осторожно двигается в мою сторону, встает позади и обхватывает за талию, крепко прижимает к себе.

— Я буду любить тебя всегда, сквозь время и расстояния, — шепчет печально мужчина, повторяя слово в слово надпись, нанесенную на внутреннюю сторону крышки часов, — ты обещала.

— Ты тоже много чего обещал, — бросаю упрек, вспоминая обещание никогда не оставлять меня.

— Прости меня, — голос Стаса звучит с надрывом.

Стою, не двигаясь, уставившись вдаль, будто там могу найти ответы на неразрешенные вопросы.

— Если бы простое прости могло вернуть всё обратно, — шепчу обреченно сквозь непрекращающиеся слезы, — между нами слишком много боли. Я ненавижу тебя также сильно, как любила.

Стас кладет голову мне на плечо, которое быстро намокает от слез мужчины. К сожалению, слишком запоздалых.

Вырываюсь из несопротивляющихся объятий и оставляю его в полном одиночестве.

Спускаюсь на первый этаж. Иду прямо на кухню. Война войной, а обед по расписанию. Вытираю слезы рукавом водолазки, немного приводя себя в порядок, чтобы маленькая повариха, хозяйничающая на кухне, ничего не заметила. Вокруг царит полный беспорядок. Рассыпанная мука довершает образ рабочего процесса.

— Что ты готовишь? — заглядываю за спину ребенка, забравшегося на деревянную табуретку. Перед собой вижу густую массу серого теста, рядом лоток яиц и различные специи.

— Оладушки, — печально вздыхает малышка.

— Помощь нужна?

— Да. Сама не могу, — радостный голос заполняет сердце, — папе позвонили, и он ушел искать тебя.

— Хорошо, тогда командуй.

Надеваю желтый фартук, висящий на крючке рядом с холодильником, собираю волосы в пучок и встаю рядом с Софи, передающей мне яйца.

На кухню заходит потрепанный Стас, наливает себе кофе и молча усаживается за обеденный стол напротив нас.

Не обращаю на него внимания. Заново начинаю готовить тесто для блинов.

— Тебе нравится готовить? — пытаюсь за разговором отвлечься от наблюдающего за нами мужчины.

— Ага, — отвечает девочка, попутно вытирает запачканные мукой руки о живот, — папа меня учит.

Стас приучает дочь с детства самостоятельности. Меня в её возрасте на кухню не подпускали даже на метр. Хоть сейчас уже научилась вполне несносно готовить, но домохозяйка так себе. Мне больше нравится проводить время в тире, чем за готовкой.

— А кто тебя научил, — любопытные глазки смотрят на меня, ожидая ответа.

— Немного твой дедушка Виктор, немного мой лучший друг, — улыбаюсь, вспоминая, как терпеливо Кира относился в первое время к моим подгоревшим блинам.

— А мама не учила? — вопрос девочки ставит в затруднительное положение.

— Нет, мама не успела меня научить, — думаю, что причину не стоит озвучивать маленькому ребенку, не представляющему, что такое смерть.

Софи тяжело вздыхает, собираясь сказать что-то важное:

— Моя мама тоже не готовит со мной. Я её почти не вижу, — делиться своими переживаниями кроха. Сердце пронзает укол ревности. Не понимаю, как можно оставить собственного ребенка.

— Возможно, она занята, но я уверена, что мама тебя любит, — пытаюсь утешить расстроившуюся малышку.

Что за день сегодня? К кому не подойди, все плачут. Даже в этой маленькой семье нет счастья. Каждый из них страдает по-своему, лишенный любви.

— Аня, ты холошая, будешь моей мамой? — неожиданный вопрос застаёт врасплох не только меня, но и Стаса, поперхнувшегося жидкостью.

Девочка умоляюще смотрит на меня печальными глазками. Теряюсь, не знаю, что ответить. Взглядом прошу Стаса помочь мне. Но он лишь пожимает плечами. Вот ведь гад! С любопытством начинает ожидать, что я отвечу.

— Прости, малышка, не думаю, что правильно просить у меня о таком.

— Почему? — для ребенка не существует никаких условий. В их мире всё просто и понятно.

— Ну, во-первых, у тебя уже есть мама. Во-вторых, мы с твоим папой только старые друзья, понимаешь. Мы не вместе, — ожидаю, что девочка всё поймет и больше не будет задавать таких вопросов.

Софи надолго замолкает, переваривая услышанную информацию. Лицо хмурится, явно недовольное моим ответом. Успеваю за это время закончить с тестом.

— Но папа любит тебя.

Стас снова начинает кашлять, очередной раз поперхнувшись нескончаемым кофе. Так можно и умереть. Подхожу к раскрасневшемуся объекту и вырываю кружку из его рук. Выливаю остатки кофе в раковину и с шумом ставлю пустой сосуд обратно на стол.

— Захлебнешься ещё, — шиплю в лицо удивленному моей выходкой мужчине.

Наш неудачный спектакль прерывает машина, остановившаяся прямо у ворот дома.

Из знакомого автомобиля выходит Кира и уверенно направляется в сторону входной двери. Наконец.

— Почему ты мне не сообщил, что он должен приехать? — с упреком смотрю на Волкова.

— Не успел.

Направляюсь навстречу к другу, по которому безумно соскучилась. Стас в это время уводит Софи наверх.

Не успеваю дойти до двери, как звучит звонок. Открываю Киселеву и кидаюсь в родные объятия. Как мне его не хватало.

— Принцесса, — шепчет в волосы довольный Кира.

— Где ты был столько времени и почему не звонил?

— Так погоди, сначала накорми, потом вопросы, — останавливает мой напор друг. Только сейчас обращаю внимание на его помятый серый костюм и усталый вид.

— Пойдем, у нас как раз блины на подходе, — виновато заглядываю Кире в глаза. Усаживаю мужчину за стол. Сама иду допекать оставшееся тесто.

— Кира, обрадуй, пожалуйста, хорошими новостями, — не желаю больше и минуты находиться в этом доме.

— Свиридова поймали на границе, сейчас он в СИЗО.

Долгожданная новость обрушивается, как лавина. Не могу устоять на ногах. Кира подбегает и подхватывает меня за талию. Начинает шептать успокаивающие слова. Облегчение наполняет душу. Возмездие свершилось, всё закончилось.

На кухню возвращается Стас, уже без Софи. Замечая меня в объятиях другого мужчины, начинает пылать несправедливым гневом.

— Убери от неё руки! — угрожающий голос заставляет вздрогнуть.

Кира лишь усмехается, но из объятий выпускает.

— Ладно, принцесса, я лучше поеду.

— А как же я, — недоумеваю, почему он меня оставляет.

— Заеду за тобой завтра в девять, на сегодня есть кое-какие незавершенные дела.

Хочу возмутиться, но дерзкий поцелуй друга в губы ошарашивает. И не меня одну. Стас накидывается на Киру, схватив его за ворот пиджака.

— Убью, — шипит с ревностью, заметной невооруженным глазом.

Встаю между двумя мужчинами. Инстинктивно закрываю собой Волкова и отталкиваю Киру в сторону двери.

— Дурак! — кричу хохочущему провокатору.

— Потом спасибо скажешь, — слышу на прощанье.

Поворачиваюсь к пытящему от злости Стасу. Устроили здесь цирк, хорошо хоть Софи пропустила взрослое представление.

— Что ты себе позволяешь? — недоуменно смотрю на мужчину, — ты не имеешь никакого права лезть в мою жизнь.

Стас не находит, что ответить. Ухожу в своё временное жилище собирать немногочисленные вещи, чтобы не оставаться наедине с ним.

Не выхожу из комнаты целый день. Дом погрузился в долгожданную тишину. Сальва сегодня решил остаться с Софи. Видимо, чувствует скорое расставание с новообретённым другом. Моё сердце тоже томится печалью. Незаметно маленькая девочка пустила корни в разбитом сердце.

С завтрашнего дня их не будет в моей жизни. В скором времени и на территории Российской Федерации. Закончу со всеми делами и покину эту проклятую страну. Прошое, к сожалению, не перепишешь. Чернила глубоко въелись в сердце, но я попытаюсь всё забыть и начать с чистого листа. Найду в себе силы перевернуть страницу.

Перед сном иду в душ, расположенный прямо в спальне. Горячая вода уносит с собой всю усталость нервного дня. Расслабляюсь под тяжелыми каплями воды. Закончив все процедуры, накидываю на голое тело халат и выхожу из ванной комнаты.

Перед глазами предстает впечатляющее зрелище. В полутьме комнаты ожидает демон в белых спортивных штанах с оголенным торсом. Огонь в глазах заставляет понять, что он пришел выполнить обещанное.

От голодного волка не спастись, как бы сильно не старался бежать. Я и не собираюсь. Глупо отрицать, что моё тело жаждет прикосновений этого мужчины. Сегодня позволю Соне насладиться желанными ласками, но Анна завтра уедет, оставив после себя лишь горькие воспоминания.

Наша последняя ночь поставит точку в этих непростых отношениях. Мы оба получим, что хотим, и будем двигаться дальше, не оглядываясь назад. Навсегда похороним безвозвратное прошлое.

Уверенно подхожу к мужчине, по пути скидывая влажный халат на пол. Стас неотрывно следит за моими действиями. Останавливаюсь в миллиметре от его губ. Шумно дышу. Стас делает глубокий вдох, разглядывая стройное голое тело с ног до головы. Забываю о шрамах, находясь под его чарующим от возбуждения взглядом. Слегка царапаю выпуклости пресса, медленно веду руку вниз. Мужчина замирает. Смело забираюсь внутрь и плотным кольцом обхватываю восставший кол. Смотрим друг на друга, не отрываясь. Впитываю в себя каждую эмоцию любовника. Глаза Стаса обволакивает пелена возбуждения, когда я начинаю активно двигать руками. И отступаю от него, решив подразнить.

— Соня, милая — раздается недовольная реакция на мои любовные игры, — не в этот раз.

Завожусь от его угроз и падаю спиной на кровать, позволяя мужчине действовать. Стас не заставляет долго ждать, нависает надо мной уже раздетый.

— Обратного пути не будет, — предупреждает меня любовник.

— Меньше слов, трахни уже.

Два раза просить не приходится. Стас набрасывается на мои губы, как хищник на свою жертву. Целуемся, как изголодавшиеся звери. Раним друг друга, разрываем на части. Больше похоже на поединок, чем соитие.

Кусаем друг друга, оставляем метки, зализываем раны. Стас жадно начинает исследовать моё тело, оставляя болезненные засосы. Я не остаюсь в долгу, царапаю его спину. Добравшись до груди, поочередно начинает долго и мучительно посасывать затвердевшие соски, будто не может насытиться. Выгибаюсь ему навстречу. Безумное

желание, как яд распространяется по всему организму. Я на грани смерти.

Стас не спешит ворваться в моё изнывающее тело. Медленно спускается по ложбинке к животу, оставляя влажные следы. Порхает по рваным шрамам легкими поцелуями. Спустя вечность добирается до пульсирующего бутона, раздвигает чувствительные лепестки и дерзко водит языком. Ток проходит по всей нервной системе. Пространство вокруг заполняет громкий стон.

Больше нет сил терпеть эту пытку. Хочу почувствовать его плоть в себе.

Пытаюсь откинуть его на спину и оседлать. Но мужчина не позволяет взять его за узду. Дает понять, что он хозяин положения.

— Ублюдок! — шиплю от негодования, — возьми меня уже.

Начинаю ерзать под ним, теряя последние капли терпения. Но его это не волнует. Продолжает терзать моё тело, умелыми ласками. Из глаз брызжут слезы неудовлетворения. Готова придушить этого мужчину. Приходит понимание, что это своеобразная месть за то, что хочу оставить его. Тяну мужчину ближе к лицу, чтобы посмотреть в бесстыжие глаза.

— Если ты немедленно не возьмешь меня, возненавижу тебя ещё больше, — перехожу к угрозам, в надежде, что Стас услышит.

Он замирает от моих слов и, не отводя взгляда, резко входит. Начинает жестко двигаться, дарит долгожданное облечение. Протяжный стон мужчины проникает в самые глубины сознания, унося в потоках ни с чем несравнимого наслаждения.

Просыпаюсь под барабанную дробь капель дождя по стеклу. Стас сопит рядом. Не могу отказать себе в желании рассмотреть его обнаженное тело поближе.

Всё такой же красивый. Пара новых морщин не портит его лицо. Наоборот, выглядит брутальным. На лице легкая небритость. Провожу рукой по щеке, чувствуя, как жесткие волоски царапают кожу. На миг забываю о предательстве. Но жестокая реальность не ждет смиренно под дверью, а врывается, как хозяин моей судьбы. На часах половина девятого.

Осторожно встаю с кровати и иду собираться. Скоро должен приехать Кира.

Умываюсь и одеваюсь максимально тихо, стараясь не разбудить мирно спящего мужчину. Выхожу во двор ровно к назначенному времени. Кира с зонтом в руке уже поджидает около машины, припаркованной недалеко от дома.

Ветер пробирается под одежду. Неприятный озноб проходит по всему телу, забирая тепло.

— Соня, — неожиданный отклик останавливает меня посередине двора.

В мою сторону в одних штанах мчится Стас. Быстро нагоняет и хватается за руку.

— Не оставляй нас, — болезненный взгляд прожигает в груди огромную дыру.

Не могу остаться. Не могу переступить через свои обиды и боль, накопленные за годы одиночества. Собираюсь попрощаться с ним навсегда. Но вдруг к дому подъезжает ещё один автомобиль.

Тонированное стекло быстро опускается, и из темноты салона выглядывает дуло пистолета, нацеленное в мою сторону. Не успеваю сообразить, что к чему, как Волков закрывает меня собой. Раздается серия выстрелов. Машина резко трогается с места. Скрежет шин, как осколок от взорвавшейся гранаты въедается в мозг.

Медленно оседаю вместе с раненым на землю, окрашивающим грязные лужи хлынувшей из груди ярко-красной кровью. Разглядываю лицо, исказившееся от жуткой боли, и не верю в происходящее. Из рта любимого мужчины вырывается кровавый фонтан. Начинаю истошно орать, как раненое животное, осознавая беспощадную реальность.

Поднимаю лицо навстречу холодному серому небу и проваливаюсь в спасительную тьму, ставшую частью моей проклятой жизни.

— Бабушка, почему ты после смерти дедушки так и не вышла замуж? — заинтересованно смотрю на пожилую женщину, прожившую большую часть жизни без любимого мужа.

— Знаешь, что самое страшное в жизни? — задает встречный вопрос Ба.

Пожимаю плечами, не имея представления, какой ответ она хочет услышать.

— Прожить её с нелюбимым человеком, — отвечает мудрая собеседница, — Соня, ты выбрала прожить жизнь, уехав от своего любимого. Как думаешь, найдешь ли ты счастье, убежав от самой себя и своих чувств?

— Бабушка, — смотрю с глубокой болью на родного человека, — он меня сильно обидел. Как же я могу простить его.

— За день до смерти дедушки мы с ним сильно повздорили. Я затаила на него обиду, а он ушел из дома и больше не вернулся, — тяжело вздыхает вдова.

По щеке старой женщины стекает одинокая слеза, которую она спешит скорее стереть костлявым пальцем.

— Только потеряв его, поняла, что любовь всё прощает. Жизнь так скоротечна, что в ней не должно быть места обидам. Непрощение, как веревка с камнем, брошенная на шею, потянет в воду и погубит душу.

Резкий запах нашатырного спирта приводит меня в сознание. Разгоняет чудесный сон, где мне было хорошо рядом с близким человеком, которого больше никогда не увижу. Но разговор с бабушкой заставляет задуматься о нас со Стасом. Смогу ли я жить без него?

Открываю глаза и вижу перед собой измученное лицо Киры, который вздыхает с облегчением, когда я прихожу в сознание. История повторяется. Всё та же больничная койка, тот же доктор с ватой в руке и мой друг.

— Что со Стасом? — единственное, что меня сейчас волнует. Сердце бешено бьется в ожидании ответа, боясь услышать о самом страшном, что могло случиться с нами.

— Он в реанимации, — с горечью сообщает врач.

Страх парализует, обездвиживает работу сердца. Начинаю задыхаться от панической атаки. Не могу его потерять. Жить вдали от него — это одно, но знать, что Стас похоронен в сырой земле, убьет и меня.

— Соня, выпейте успокоительное, — протягивает мне стакан с жидкостью врач. Забираю лекарство и жадно выпиваю в надежде, что это хоть как-то облегчит мои страдания.

— А где Софи? — неожиданно вспоминаю о девочке, которая осталась дома одна.

— Её отвезли ко мне домой и вызвали няню, — ответ Киры рассеивает волнение о дочери Волкова.

Вдруг в палату врывается встревоженная супружеская пара в белых халатах. В глазах обоих читается великая скорбь. Настя, как только замечает меня, кидается в объятия. Начинаем безудержно рыдать над ситуацией, из-за которой встретились впервые за пять лет. Только сейчас понимаю, как мне её не хватало.

— Всё будет хорошо, — шепчет подруга мне на ухо.

Рядом на кровати пристраивается Дима. Берет мою ладонь и крепко сжимает. Пытается меня подбодрить, но прекрасно осознает, чем всё может закончиться.

— В коридоре ожидает Виктор Александрович... Я рассказал ему о тебе, — ставит перед фактом муж подруги.

Не так представляла себе нашу встречу. Не знаю, как посмотрю в глаза отцу, который может потерять сына из-за меня. Боюсь почувствовать лютую ненависть от близкого человека. И он будет прав, ведь это моя вина. Верша свою месть, я была готова к своей смерти. К его нет, как бы не злилась.

Беру свои эмоции под контроль и неуверенным шагом направляюсь навстречу неизбежному. Пластырь лучше всего отрывать резко.

Выхожу в коридор, ища глазами Виктора Александровича. Взгляд останавливается на осунувшемся пожилым мужчине, ожидающем на скамейке. Незаметно подхожу ближе. Отец Стаса поднимает голову.

— Соня, — выдыхает мужчина и берет в плен моё ослабшее тело. Крепко сжимает в отеческих объятьях, — не могу поверить, что обе мои дочери живы.

Начинаю рыдать, когда смысл сказанных слов доходит до воспаленного сознания.

— Тише, тише, детка, — похлопывания по спине приносят невероятное облегчение.

— Простите меня за всё и за Стаса тоже, — умоляюще прошу мужчину.

— Ты ни в чем не виновата, а сын обязательно выкарабкается.

— Какая трогательная встреча с призраком, — раздаётся шипение в нашу сторону. Отрываюсь от мужчины и вижу перед собой Екатерину Свиридову.

— Пойдем, нам надо поговорить, — тащит меня за собой неугомонная женщина.

Кафетерий на первом этаже быстро наполняется голодными людьми. Время близится к обеду. Мы с Катей заказываем по чашке кофе и устраиваемся подалеже от любопытных глаз, спрятавшись за большой пальмой.

— Это ты со своим дружкой всё устроила? — проносится тяжелый вздох, — отстранили от управления компанией, посадили отца, снимки прислали. Собралась меня ими шантажировать?

Какая умная и проницательная женщина. Жаль, что враг. Возможно, при других обстоятельствах мы могли бы стать хорошими друзьями.

— Шантаж? Нет, конечно, просто хотела порадовать твоего отца, — выдаю свои козыри.

Женщина начинает истерически смеяться. Ловлю недоумевающие взгляды пациентов и врачей.

— Знаешь, однажды такая же маленькая сволочь, как ты, испортила мне жизнь. И ничем хорошим это не закончилось, потому что тварью в конечном счете оказалась я, — собеседница не перестает в перерывах между фразами давиться удушающим смехом.

— Что тогда случилось? — интересуюсь информацией от первоисточника.

Катя отпивает глоток горячей жидкости и пронзительно смотрит мне в глаза, которые наполняются болью.

— Я впервые взаимно влюбилась в свою одноклассницу. Отец узнал об этом и запретил мне с ней встречаться. Но я не послушалась. Казалось, что смогу свернуть горы, мне не было страшно идти против семьи.

Женщина горько вздыхает. Видно, что воспоминания даются ей с трудом, но продолжает свой монолог.

— Но реальность оказалась намного суровее, чем смогла вынести. Мы с моей девушкой вскоре расстались по её инициативе. Позже выяснила, что отец заплатил ей, чтобы она

навсегда исчезла из моей жизни. И начался ад.

Катя надолго замолкает. Поддерживаю её молчание. Нам обеим есть над чем подумать.

Перед глазами всплывают картины из прошлого, где Катя выглядела сильной и уверенной личностью. Но это была лишь иллюзия. Маска, которую носят, чтобы скрыть тайные мысли и чувства. Мир сожрет тебя и выплюнет белые кости в тот момент, когда покажешь слабость. Если ты не такой, как все, считай, что тебя клеймили как раба. И будут относиться как к ничтожеству.

— Отец не смог смириться с тем фактом, что у него бракованная дочь. У него всё должно быть идеально. Устроил мне многочисленные походы по психологам и врачам, будто они могли мне чем-то помочь. Но мозги мне промыли знатно, — усмехается дочь Свиридова, — но у всех есть свои грешки, не так ли?

— Почему ты вышла замуж за Стаса?

— Он первый и единственный мужчина, который мне понравился за всю мою жизнь. Тем более отец одобрил его кандидатуру и был счастлив. Думала, что благодаря ему смогу построить семью, жить, как все обычные люди. Хотелось получить хоть какую-то свободу от контроля неугомонного родителя. Искала спасенья от моей сущности в браке и в ребенке. Перестала пить противозачаточные, проколола презервативы Стаса и забеременела. Вынудила Волкова жениться, — горький вздох разочарования эхом доносится до моего сердца.

— Но очень сильно ошиблась. Только спустя время поняла, что ни один человек не может мне помочь. И я никогда не смогу оправдать чужие ожидания.

Все мы допускаем ошибки, но цена за них порой бывает непомерно большой. И мы оказываемся не в силах за неё заплатить.

— Ты знала про аварию, которую устроил твой отец? — темная часть меня просыпается, как только перед глазами всплывают картины прошлого. И если женщина, сидящая передо мной, к ним причастна, то я уничтожу её.

— Узнала вчера, когда пришла навестить отца, — искреннее сожаление читается в глазах Кати, — прости, Соня.

И я верю ей. Инстинкты кричат о том, что она говорит правду. А я научилась доверять инстинктам.

В ту же секунду её слова развязывают нити ненависти к её личности, опутавшие сердце липкой паутиной. Если убрать всю мишуру, можно разглядеть такую же жертву обстоятельств, как и я. Глаза Катерины наполнены обреченностью и усталостью. Она тоже получила от жизни немало оплеух. Женщина, которая искала счастье как могла.

Катя достает синюю папку с документами и передает мне.

— Здесь документы на развод и передача полной опеки над Софи Стасу. Требуется только его подпись, — шокирует неожиданной новостью женщина.

— Ты с ума сошла? Стас в реанимации. Неизвестно, чем всё закончится, — суровая реальность бьет больно по сердцу. Отдаю ей документы обратно. Она какая никакая мать и нужна дочери. Не представляю, что нас всех ждет дальше.

— Всё с ним будет хорошо. Стас — боец. Это мне в нем всегда и нравилось, — жена моего мужчины вручает мне папку прямо в руки, — вы заслужили своё счастье и обязательно должны быть вместе. Может, тогда поверю в настоящую любовь.

— Почему ты не уехала подальше от отца?

— Думаешь, не пробовала. Поймали при первой же попытке сесть в поезд. И

подложили под мужика, чтобы и думать забыла о девках.

Откровения Кати Свиридовой приводят в смятение. Порой люди думают, что они совершают благое дело, но не осознают, что только разрушают.

Катя забирает свои вещи и уходит. Провожая её взглядом до самого выхода, где стройная фигура растворяется в толпе заходящих в больницу людей.

Встаю следом за ней и иду в реанимационный блок ожидать приговора врачей. Ненавижу больницы.

В зале ожидания застаю всех близких мне людей. На лицах каждого читается скорбь. Меня это начинает ужасно злить. Ни кому не позволю думать, что Стас может умереть, в том числе и себе.

— Он выживет, — говорю громко и отчаянно, оглядывая всех по очереди.

Сидим уже два часа в гробовой тишине. Стрелки на наручных часах идут ужасно медленно, будто кто-то нарочно останавливает время.

Дима отвозит беременную жену домой и приезжает обратно. Кира сидит рядом, сжимая в утешающем жесте мою руку. На измученное лицо Виктора Александровича стараюсь не смотреть.

Через ещё один час двери реанимационной распахиваются. И в проеме появляется уставший пожилой хирург. Все замирают, боясь шелохнуться. Напрягаюсь от вида доктора, который не сулит ничего хорошего. Я уже видела этот сочувствующий взгляд дважды, когда мне сообщали о смерти матери и бабушки.

Два месяца спустя.

Следственный изолятор.

Ожидаю встречи со своим непримиримым врагом. Хочу в последний раз посмотреть в глаза ублюдку, которого приговорили к десяти годам колонии строго режима. Становится смешно от приговора наших справедливых судей.

Но у меня своё представление о справедливости. Эта мразь никогда не выйдет из своей клетки. Дикого, бешеного зверя нельзя выпускать к людям. Его надо изолировать, посадить на цепь. Что и собираюсь сделать.

В комнату для свиданий приводят осужденного пожилого мужчину и усаживают передо мной. Только прозрачное стекло отделяет от монстра, расплывающегося в мерзкой улыбке.

— Вам очень идёт тюремная роба, — шиплю в трубку телефона своё особенное приветствие.

— А тебе лежать в гробу. Жаль, что вместо тебя эта роль досталась Стасу, — ржет в ответ Свиридов.

От его злорадного смеха становится не по себе. Липкое чувство страха вновь прокрадывается в сердце. Но душу его на корню.

— Недолго вам осталось смеяться, — перехожу угрозам, чтобы сбить немного спеси с человека, который даже вне воли чувствует себя королем ситуации.

— Что ты можешь сделать, соплячка? — принимает грозный вид Свиридов. Но я его не боюсь. Спокойные дни жизни этого чудовища сочтены.

— Правда думаете, что нашей целью было просто посадить вас в тюрьму, — искреннее удивление в моих глазах заставляет мужчину напрячься.

— Вы наивнее, чем я предполагала. Рано или поздно вас вытащат отсюда. А это не входит в мои планы. Просто представьте, что ждет человека, который любит насиловать юных девушек за колючей проволокой, ведь там уже всё известно о вас. И люди в вашей недавно собранной камере особенно жестокие. Сама отбирала, у большинства есть дочери. Это мой прощальный подарок. Ах, да, и рассчитывайте на постоянные стычки и наказание в карцере, ведь охранников тоже заменили. Здесь больше нет ваших людей.

Заканчиваю свой длинный монолог и удаляюсь подальше от человека, в голову которого только сейчас приходит осознание того, что он не всемогущий Бог, а всего лишь смертный человек, лишенный власти.

За два месяца нам изрядно пришлось попотеть с Кирой и ребятами, чтобы всё это проверить. К сожалению, адвокаты Свиридова, как акулы, бились насмерть и добились отмены пожизненного срока. Но даже год жизни в тюрьме обернется для заключенного адским пламенем, разожженным из горьких слез и страданий многочисленных жертв его преступлений.

Выхожу за пределы угнетающих стен серого учреждения и сажусь в авто. Следующая остановка — кладбище. Еду навестить своих любимых. По пути заезжаю в цветочный магазин за белыми хризантемами.

Уже стоя перед могилами родных людей, глотаю горькие слезы вины.

— Простите, что пришла впервые за пять лет. Столько всего произошло за это время.

Воспоминания, как быстрая карусель, проносятся перед моим взором до настоящего

времени. Жизнь многое у меня забрала, но и многому научила. Заставила быстро повзрослеть, ценить каждый момент, простить и заново полюбить с новой силой. И подарило мне чудо, несмотря на прогнозы врачей, которые, как и все, могут ошибаться.

— Представляете, вчера узнала, что снова беременна, — слезы горечи сменяются на неуправляемые потоки счастья, — мама, ты скоро станешь бабушкой.

Долго не могла поверить, что такое возможно. Судьба предоставила нам ещё один шанс. Ни за что не упущу эту возможность. Усвоила все уроки, за которые заплатила огромную цену.

Любовь — это не только я и моё, это мы и наше. Она не должна быть эгоистичной, не должна ненавидеть и злиться. Любовь должна прощать, ценить, оберегать.

— Стас до сих пор в коме, но я готова ждать его вечно, — делюсь своими переживаниями с молчаливыми невидимыми собеседниками, но становится легче.

— Свиридова посадили в тюрьму, — выдыхаю в яркое солнечное небо теплые струи воздуха, — мне больше не снятся кошмары.

— Мама, бабушка, обещаю, что проживу счастливую жизнь.

Приезжаю навестить Стаса ближе к вечеру. Это стало ежедневным ритуалом. Читаю ему его любимые книги. Иногда беру с собой Софи, за которой приглядываем вместе с Катей. Она не против.

Захожу в одиночную палату с бесценным подарком. Хочу разделить необычную новость с ним. С моей душой, с моим сердцем, с моей половинкой.

Бледное лицо заставляет сердце сжаться. Многочисленные провода и трубки делают его слабым и незащищенным. Можно ли любить человека сильнее, чем сейчас? Он пожертвовал своей жизнью ради меня. Буду помнить о его поступке до конца жизни и ценить каждое мгновение, проведенное с ним. Вместе сожжем останки прошлого и развеем прах по ветру. Построим совместное будущее, возродимся из пепла к новой жизни.

— Милый, как ты сегодня? — провожу рукой по белой простыне, чтобы унять дрожь от картины, к которой не собираюсь привыкать.

— Всё так же, — отвечаю сама себе, надеясь в скором времени всё же услышать ответ.

Человек не умеет ценить то, что у него есть. Чуть не потеряла его из-за своей гордыни и ненависти. Не смогла простить ошибку, пока не стало слишком поздно. Теперь это не имеет значения. Глубокая обида стала меркнуть и совсем исчезла после случившегося.

— Стас, — беру его теплую неподвижную руку и нежно целую, — я тебя очень сильно люблю и никогда больше не отпущу. Вернись ко мне, пожалуйста.

Прозрачные слезы оставляют мокрые следы на постельном белье.

— У меня для тебя удивительная новость, но чтобы узнать о ней, тебе придется очнуться.

Оставляю тест на беременность на прикроватной тумбочке и тихо выхожу из палаты, надеясь, что он меня услышал.

Выезжаю с парковки клиники на бешеной скорости, полностью погруженная в свои мысли. Не замечаю, как доезжаю до озера напротив коттеджа Волкова. Забегаю в дом, чтобы забрать черную коробку, содержащую предметы болезненного прошлого. Пришло время расстаться с ними навсегда.

Устраиваюсь на берегу водоема, поросшего травой. Неотрывно смотрю на спокойную зеркальную гладь, в которой отражается ясное голубое небо. Тишина обволакивает, приносит мир, которого порой так не хватает.

Задумчиво чиркаю зажигалкой над каждой фотографией. С наслаждением наблюдаю, как сгорают запечатленные моменты. Оранжево — желтое пламя, как голодный лев, жадно пожирает снимки, уничтожая их навсегда. Один за другим они превращаются в пепел и оседают черными хлопьями у моих ног, пока не остается последний, с которым тяжелее всех расстаться. Слезы наворачиваются на глазах, готовые в любую секунду лавиной ринуться вниз.

— Прощай, моя малышка, — шепчу в след разлетающимся останкам прошлого.

Вдруг из кустов вылетает стая белых птиц и мощными взмахами крыльев поднимается в небо, растворяясь в дали.

Радость наполняет сердце. На смену горечи приходит небывалая легкость. Железные оковы рабства спадают с громким шумом. Начинаю безудержно смеяться, ощутив полную свободу.

Обряд прощания прерывает трель мобильного. Звонят из клиники.

— Анна Германовна, Станислав Викторович пришел в себя.

Год спустя.

Неподвижно стою около большого напольного зеркала в комнате невесты, не веря в происходящее. Оглядываю своё белоснежное приталенное свадебное платье и нежный макияж. Живот после родов немного виден, но это не критично, благодаря усилиям Насти, которая со всей силы затянула мне корсет. Кажется, кто-то грохнется в обморок от недостатка кислорода или от волнения.

В комнату забегает рыжая подруга со своим зеленоглазым сынишкой на руках. Довольная улыбка украшает образ подружки невесты.

— Соня, пора.

Перед самым входом в регистрационный зал невесту уже поджидает счастливый отец жениха. Виктор Александрович берет меня под руку и под звуки марша Мендельсона ведет к самому лучшему мужчине в мире.

Строгий классический костюм выгодно подчеркивает спортивную фигуру жениха. Не могу оторвать глаз от ангела, сошедшего с небес, с которым проживу всю жизнь. Сердце начинает трепетать от легкого волнения.

Каждый шаг на пути к великому счастью сопровождается отрывками прошлого, которые с молниеносной скоростью проносятся мимо, напоминая, через какие препятствия нам пришлось пройти ради этого долгожданного, незабываемого дня.

Волков ловит мой взгляд, в котором плещется море любви и обожания. Он безмолвно кричит о том, как сильно любит и никогда больше не отпустит. Чтобы познать это чувство, мы оба пожертвовали собой.

Рядом стоит Кира, на руках которого тихо сопит его пятимесячная крестница. Наша прекрасная голубоглазая малышка. Наше чудо, дар свыше. Мы так и назвали её со Стасом. Дарина.

Недалеко от них, у ног Димы мельтешит наша неутомонная старшая дочь, больше всех восхищающаяся празднеством. К сожалению, мать Софи не присутствует сегодня с нами. За последний год мы подружились с ней. Она оказалась неплохим человеком, просто потеряла себя в этой жизни. После смерти отца месяц назад уехала в монастырь к матери, искать покой и разобраться в себе и в своем прошлом.

Громкий голос регистратора возвращает меня в реальность.

— Брак — это одно из самых важных решений в вашей жизни. Готовы ли вы дать клятву любви и верности?

Киваем со Стасом одновременно и улыбаемся друг другу.

— Тогда прошу произнести ваши клятвы.

Стас берет мои ладони и дарит им мимолетный поцелуй. Делает глубокий вдох и пристально смотрит прямо в душу.

— Обещаю всегда любить тебя и только тебя. Быть твоей защитой и опорой во всякое время, понимать и уважать любое твоё решение. Готов преодолеть вместе с тобой любые препятствия, пройти через адские муки, только бы быть рядом, видеть твою искреннюю улыбку и слышать заразительный смех.

Его слова клятвы, как исцеляющая вода, проникают до самых глубин и заставляют жить для него и ради нашей семьи. Готова стать кем угодно и пойти на всё ради нас.

— Я всегда любила тебя и только тебя. И буду любить. Для меня никогда не существовало другого мужчины. Ты единственный, навсегда и навечно. Чтобы нам не приготовила жизнь, я буду рядом. Стану лучшей женой и матерью нашим детям, — глотаю слёзы, не в силах больше произнести и слова. Мой плач подхватывает Настя, ставшая после родов очень сентиментальной.

— Произнесенные вами клятвы говорят о вашем искреннем желании быть вместе и создать счастливую семью. Прошу вас также обменяться кольцами — символом вечной любви.

В нашу сторону неспешно идет маленькая принцесса Софи. В руках держит небольшую бархатную подушечку, на которой лежат наши кольца.

Стас берет моё и одевает на безымянный палец. Новый предмет приятно холодит кожу, медленно согревается. Размер идеально подходит. Россыпь маленьких бриллиантов красиво мерцает в свете ярких роскошных люстр.

Кольцо, которое ещё пять лет назад должно было быть моим, наконец-то обрело свое законное место.

Беру кольцо Стаса, внутри которого я попросила сделать гравировку в виде бесконечности, и медленно надеваю на длинный изящный палец, наслаждаясь каждым моментом.

Теперь ничто и никогда не сможет разлучить нас. Не дожидаясь разрешения регистратора, притягиваю мужа к себе и впиваюсь в него долгим нежным поцелуем. Вокруг раздаются поздравления и громкие овации.

— Я буду любить тебя всегда, сквозь время и расстояния. Ты — моя вселенная, — шепчу, отрываясь от сладких губ моего мужчины, цитату, ставшую девизом нашей жизни.

Больше книг на сайте - Knigoed.net